

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
 LIBRARY

1950

1950

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
 LIBRARY

1950

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
 LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
 LIBRARY

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

На правах рукописи

ПЕТЕР ВЕРЕШ

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА
до 1196 года

Специальность 07.00.07 - этнография

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
С.А.ТОКАРЕВ

Москва - 1979

MAGYAR
TUDOMÁNYOS AKADÉMIA
KÖNYVTÁRA

С О Д Е Р Ж А Н И Е

	стр.
I. Введение	2-47
Историографический обзор	33 1 25
II. Первая глава	
Проблемы финно-угорской прародины	48-80
III. Вторая глава	
Причина распада уральской этнолингвистической общности и выделение угров	81-III
IV. Третья глава	
Происхождение дуально-фратриальной организа- ции обских угров и вопрос этимологии "манси", "мось", "мадьяр"	II2-144
V. Четвертая глава	
Древневенгерская эпоха	I45-198
Заключение	I99-200
Литература	20I-229

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей диссертации — исследование этногенеза предков венгров и их ранней этнической истории (до 896 г. н.э.), то есть до их появления на современной этнической территории в бассейне Среднего Дуная. В решении этой задачи мы воспользовались как уже известными источниками, так и новейшими результатами советских этногенетических и этнографических исследований, большинство которых остаются в Венгрии либо пока еще неизвестными, либо труднодоступными. Учтены также данные смежных наук, включая новейшие исследования советских ученых в этой области. Для достижения поставленной цели диссертант пользовался ретроспективным историко-сравнительным и типологическим методами, базирующимися на методологии исторического материализма. В ходе работы применялся комплексный метод, разработанный главным образом этнографической наукой в СССР. Особое внимание обращается на взаимосвязь экологических условий с хозяйственными и историческими факторами. Затрагиваются и общие этнографические проблемы, в частности такие, как процесс развития специализации общественного труда в первобытном обществе, возникновение кочевого скотоводства в степной зоне и его характер, а также некоторые спорные вопросы теории этноса. В рамках методологических проблем обсуждается возможность этнической интерпретации археологических культур, влияние субстрата и адстрата, и вопросы определения "прародины" с помощью палеолингвистического и других методов. Этнокультурные и хозяйственные изменения этноса анализируются на основе анализа этнографического, в том числе и палеоэтнографического материалов.

Научная актуальность темы обусловлена тем, что несмотря на большое научное значение до сих пор основные проблемы этногенеза и ранней этнической истории венгерского народа остаются недостаточно изученными. Эти проблемы привлекали в основном внимание лингвистов и историков, и в значительно меньшей мере их изучали этнографы. Хотя совершенно очевидно, что эта тема непосредственно связана с вопросами формирования этноса и его культуры, а также со многими другими методологическими вопросами, разрабатываемыми прежде всего этнографической наукой.

Письменные источники.

Одним из важных источников нашего исследования служили письменные источники античных и средневековых авторов: Страбона, Ибн-Руста, Гардизи, Балкхи, Ибн-Фадлана, Константина Багрянородного, Регино и Венгерского Анонима.

Этнографические материалы.

В ходе работы над диссертацией нами привлекались этнографические материалы главным образом по этнографии венгров, обских угров, ряда народов Сибири, опубликованных в различных изданиях на венгерском и русском языках.

В ряде случаев мы пользовались неопубликованными этнографическими материалами, полученными нами непосредственно от исследователей - В.Н.Чернецова, З.П.Соколовой, Е.И.Ромбандеевой, Л.Н.Лукиной, Т.А.Мданко, Л.П.Лашук, В.И.Мошинской, К.И.Козловой.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

О недостаточной разработанности древней истории венгров помимо всего прочего свидетельствует тот факт, что до сих пор не существует историографического обзора данной проблематики, что заставляет нас подробно на ней остановиться.

До ХУШ в. главным источником венгерской праистории была хроника Туроци, изданная уже в 1488 г. как первая венгерская печатная книга. В ХУШ в. постепенно расширилась источниковедческая база. В 1739 г. Ф.Кери Боргия на латинском языке издал часть работы Константина Багрянородного, византийского императора X в. В 1746 г. вышла в свет в печатной форме "Теста Хунгарорум" венгерского Анонима из XIII в. В начале XIX в. господствовало мнение, базирующееся на утверждениях средневековых хроник о происхождении венгров от скифов или гуннов. Однако позже анализ сохранившихся средневековых хроник поставил под сомнение эти предположения и начался подробный критический разбор работы хрониста Анонима. Об этом В.И.Шушарин издал на русском языке обстоятельную работу /1961:131-179/. По мнению большинства исследователей хронист многие лица и события своего времени (XIII в. н.э.) преподносит как дела давно минувшие, происходившие будто в X в.н.э., т.е. во время появления венгров около 896 г. н.э. в Панонии. Хотя в Венгерской Академии Наук были созданы в 1825 г. специализированные исторические, этнографические и лингвистические журналы, которые вначале довольно интенсивно занимались древней историей венгров, однако они появились только в конце XIX в. Но это не обозначает, что не было интереса к истории венгерского народа в течение прошлого столетия. В середине XIX в. трансильванский ученый Шандор Керени-Чома пешком отправился из Венгрии в Азию в поисках прародины своего народа. Хотя его попытки и не

увенчались успехом, тем не менее он стал основоположником венгерского востоковедения, главным стимулом которого всегда был интерес к этногенезу венгерского народа. Ш.Кёрёши-Чома создал первый англо-тибетский словарь, являвшись основателем тибетологии.

Более удачным можно считать путешествие другого венгерского ученого - Антала Регули, который в 1843 году приехал в Россию в поисках выяснения лингвистических связей венгерского языка с другими финно-угорскими народами. Регули был одним из первых, которому удалось установить, что в языковом отношении к венграм среди родственных им народов ближе всего стоят обские угры. Он впервые высказал предположение, позже подтвердившееся, что этноним венгров "мадьяр" связан с самоназванием "манси". У обских угров Регули собрал обширный фольклорный материал, объем которого больше, чем "Калевали". Несмотря на скоростную смерть ученого в 1853 г., воспреемствовавшую изданию собранного им языкового материала, его работы, оставшиеся в рукописях, в большой мере способствовали развитию финно-угорских исследований в Венгрии. Он не успел сделать переводы с записанных им фольклорных текстов, поэтому после его смерти его коллеги не могли расшифровать собранный им материал. Для решения этой проблемы в конце 80-х годов отправили венгерскую экспедицию в Сибирь к хантам и манси, которая принесла весьма плодотворные результаты.

Между тем, в 60-х годах вслед за Регули и Кёрёши-Чома уже третий венгерский ученый отправился в Азию в поисках прародины венгров. Это был Армин Вамбери, деятельность которого в России в свое время была хорошо известна. Через Турцию и Иран ему, первому европейцу XIX в., удалось попасть в ханства Средней Азии. Таким образом, во время своего длительного путешествия он мог в

полевых условиях исследовать разные турецкие народы и стал одним из главных знатоков тюркологических исследований своего времени. Значение работы Вамбери для исследования ранних венгерско-турецких языковых и исторических связей имело важные последствия. До его поездки в Среднюю Азию в вопросе о происхождении венгерского языка финно-угорские языковеды еще не высказали свое последнее слово. Обычно считали, что венгерский язык является связующим между финно-угорскими и турецкими языками и даже стоит ближе к турецким. Перемена взгляда в этом вопросе произошла как раз тогда, когда Вамбери вернулся из Средней Азии. После тщательного анализа венгерского языка самые лучшие представители лингвистики пришли к выводу о несомненном финно-угорском происхождении венгерского языка, его турецкие элементы начали классифицировать как результаты более позднего влияния турков.

Однако Вамбери, который хорошо знал много турецких языков, но не имел научной лингвистической подготовки, не был согласен с этим мнением финно-угроведов. В 1882 г. он публикует работу "Происхождение венгров", которая вызвала оживленную дискуссию среди специалистов, позже названную "угро-турецкой войной". Вамбери в своем произведении нападал на представителей финно-угорского языкознания, считая якобы, что 2/3 словарного фонда венгерского языка имеют турецкое происхождение, и венгерский язык ближе стоит к турецким, чем к финно-угорским языкам. Однако доводы в свете тщательного анализа И.Буденцем, заведующего первой кафедры финно-угорского языкознания в Будапештском университете, не выдержали критики. Он доказал несостоятельность взгляда Вамбери и показал, что тот предвзято и часто манипулирует языковыми данными и не понимает фонетических закономерностей.

стей и сути сравнительно-исторического метода. В защиту своих идей в 1895 г. Вамбери написал новую книгу под названием "Происхождение венгров и их история" в честь 1000-летней годовщины появления их на современной этнической территории. Главная мысль его книги, что венгры уже до 896 г. со времени гуннов жили в бассейне Среднего Дуная. В настоящее время эта недоказанная концепция снова взята на вооружение некоторыми исследователями.

В 1894 г. вышла работа известного венгерского этнографа Геза Надь "О венграх X века". Он считает, что самая древняя прародина венгров - это бассейн Верхнего Енисея близ Абакана, но в V в. до н.э. находим их уже в Приишимье. Вслед за немецким востоковедом Томачеком, Надь предполагает, что народ Иирки, описанный Геродотом, - это венгры, которые охотились при помощи лошадей и собак, но стреляли, сидя на деревьях. Слово "Иирка" этимологизируется из финно-угорского языкового источника как "Мужчина" > "человек". В этом же году Мункачи, ссылаясь на те же данные Геродота, а также на то, что в Минусинском уезде Енисейской губернии находится гидроним "маджар", пришел к выводу, что прародиной угров надо считать территорию между Уральскими горами, Каспийским и Аральским морями.

В 1895 г. Х.Марцали в "Истории венгерской нации" пишет, что прародина венгров находилась между Уральскими горами и Каспием. В бассейне рек Урала и Волги издревле жили финно-угорские племена. По его мнению структура венгерского языка имеет финно-угорскую основу, но венгры появились в истории как тюрко-угорский смешанный народ. Для того, чтобы это смешение могло полностью произойти, потребовалось много времени. Оно могло состояться только в соседстве с хантами и манси.

Богатый аристократ граф Е.Зичи, родственник известного художника, работающего некоторое время в Петербурге и Тбилиси, организовал научную экспедицию в Россию в конце 80-х годов прошлого века с целью изучения древней истории венгров. В состав экспедиции входили самые квалифицированные ученые Венгрии по археологии и лингвистике. В это время Б.Мункачи удалось съездить в Западную Сибирь к манси, а И.Папай - к хантам, где в полевых условиях они смогли перевести записанный раньше Регули фольклорный материал обских угров, впоследствии послуживший основой в решении многих вопросов этнической истории угров.

В 1900 г. в Венгерской Академии Наук издан источник истории венгров X века, под редакцией Д. Паулера и Ш.Силафиды. Эта работа является заключительным этапом в собирании письменных исторических источников и его позитивистской оценки. После этого исследователи обратились к более тщательному анализу источников, а также к согласованию их с результатами истории, лингвистики, археологии и антропологии.

В том же 1900 г. появилась работа Дьюла Паулера "История венгерской нации до Святого Иштвана", в которой была высказана до сих пор широко распространенная концепция башкирского происхождения венгров. По мнению Паулера, венгры и предки башкиров - один и тот же народ: первая известная родина венгров - это современная Башкирия на территории Уфимской и частично Оренбургской губерний, поэтому венгры не только соседствовали с башкирами, но и сами были башкирами. Тем более, что земля маджар по арабским историческим источникам совпадает с Башкирией, или, по крайней мере, располагается близ нее. По Паулеру венгры только в IX веке покинули свою прародину. Они кочевали 70 лет. И в течение этого времени они забыли свое башкирское название, но

сохранили свой язык. Зато оставшиеся на прародине малочисленные родственные группы сохранили этноним башкир, но сменили свой язык на турецкий. Поэтому не случайно, что монах Юлиан находил в начале XIII века рядом с башкирами, которые по традиции знали, что венгры, от которых пришел к ним Юлиан, происходят от них.

В 1903 г. известный немецкий ученый И.Маркварт писал о том, что земля где начали развиваться венгры, — это Южный край Югрии, приишимье и Притоболье, и Барабинские степи. Через год д-р Ш. Шебештен, впоследствии профессор этнографии Сегедского университета, издает в двух томах легенды о появлении венгров в Паннонии (1904). В 1906 г. Ш. Домановски занимается средневековыми хрониками Симона Кезай. Вскоре после этого вышло две работы по истории венгров: первая — под редакцией Д. Чани "Арпад и его династия" — о вожде венгров при переселении в 896 г. и об основателе первой венгерской королевской династии; другая — Г. Надь "Венгрия X века" (1907). Последний автор занимался потом выявлением этнических связей венгров с тюрками.

1901

Мункачи еще в 1905 г. в статье "Вопросы венгерской прародины" путем анализа лингвистических данных доказал хорошие знания коневодства древними уграми, о чем свидетельствует, помимо фольклорного материала обских угров, изобилующего мотивами о табунах лошадей и всадниках, ведущих борьбу на лошадях, общие названия лошади, "жеребенка", седла и терминов, обозначающих "лошадь двух и трех лет", общие для всех угорских языков.

Однако языковой источник терминологии относительно коневодства он ошибочно возвел к иранцам. Предлагаемая им иранская этимология позже была пересмотрена лингвистами, и новый Историко-этимологический словарь венгерского языка" кроме слова "кнут" не принимает их. Этимологию слова "лошадь" в венгерском и обско-угорском языках специалисты считают неизвестной. Здесь надо отметить, что абсолютная хронология слов, обозначающих предметы, относящиеся к коневодству, "узда", "седло", которые являются общими для угорских языков, в то время еще не была установлена.

В том же 1905 г. Мункачи выпустил фундаментальную книгу "Арийские и кавказские элементы в финно-угорских языках". Он обратил внимание на многочисленные иранские заимствования во всех финно-угорских языках. Но под влиянием слишком резкой критики его интерес к дальнейшим изысканиям в данной области заглох, что является большой потерей не только в финно-угористике, но и в иранистике. Конечно сейчас подавляющее большинство материала, составленного более 70 лет тому назад, утратило свою научную ценность. Однако его гипотеза об индо-иранском источнике венгерского этнонима и связанном с ним самоназванием "манси" до сих пор является общепринятой. Поэтому в нашей работе мы посвящаем целую главу анализу проблемы древнеугорского самоназвания,

сохранившегося у современных обских угров и у венгров, и указываем на семантические и фонетические трудности объяснения Мункачи.

Академик Зольтан Гомбоц, известный тюрколог, в 1908 г. подытоживая исследования о тюркских заимствованиях в венгерском языке, устанавливает, что из 300 слов, до сих пор сохранившихся, большинство имеет чувашскую фонетическую структуру. Хотя этимология некоторых заимствований в дальнейшем была учеными уточнена, тем не менее значение работы Гомбоца сохранилось до сих пор (1908 г.).

Хронологические рамки от венгерско-прото-болгарских контактах, предполагаемые Гомбоцом около V в. н.э., несколько изменяются на основе новейших археологических исследований в южнорусских степях, связанных с салтово-маяцкой культурой VIII-X вв.

Работа Гомбоца позже была издана в Хельсинки на немецком языке (1912), но его значение для сопоставления с археологической культурой Северного Причерноморья долгое время оставалось вне поля зрения археологов.

Тогдашний профессор финно-угорской лингвистики Синей в 1910 г. издал книгу "Происхождение венгров, их язык и культура в X веке".

В 1915 г. Щербатень пишет о венгерской средневековой рунической письменности, которая тесно связана с тюркской.

Но несмотря на хорошо обоснованную точку зрения Мункачи в начале века об угорском коневодстве в 30-х годах среди специалистов по истории венгров распространилось мнение, что мадьяры в первые века нашей эры столкнулись с тюркскими народами, которые их покорили. Этот тюркский этнос якобы превратил рыболовов-охотников протовенгров в воинственный народ, знающий не

только искусство конного боя, но и скотоводство, садоводство и даже земледелие. До их встречи с тюрками-онуграми венгры не были кочевниками. Такой концепции придерживалась итоговая работа буржуазного историка Балинта Хомана. Эту весьма широко распространенную и до сих пор господствующую концепцию резко критиковал профессор финно-угорского языкознания Сегедского университета Г.Мэсёй. В своей статье "С каких пор венгры знают лошадь" (1935) он еще раз перечислил и уточнил ранее высказанное замечание мункачи об общеугорском происхождении терминов коневодства у венгров. Он правильно указал на отсутствие лингвистических сведений, которые подтверждали бы факт предполагаемого заимствования коневодства у тюрков-онугров. Хотя многие термины земледелия и садоводства, а также разведения крупного рогатого скота происходят из языков тех тюрков, именем которых другие народы называют венгров. Мэсёй, ссылаясь на лингвистические и некоторые хронологические данные, заканчивают свою работу утверждение о несомненном наличии у венгров кочевнического уклада жизни на рубеже нашей эры, т.е. до тюркских влияний.

К сожалению его высказывание не получило должного признания, и в дальнейшем господствующей стала теория о том, что турки оручали венгров земледелию и скотоводству причем одновременно. Это предположение видимо объясняется тем, что в то время большая часть исследователей истории древних венгров в Будапеште являлась по образованию тюркологами. Не случайно другой финно-угорский лингвист Элемер Моора критиковал своих Будапештских коллег в том числе и Немета за то, что они приувеличивают значение тюркского влияния на венгров, даже название кафедры

"Венгерская проистория и тюркская филология" с методологической точки зрения является ошибочным, т.к. древняя история венгров шире, чем алтаистская проблематика.

Кроме этого, по-видимому, играло большую роль и то, что венгерские востоковеды в большей мере являлись филологами, чем историками, к тому же, в то время еще не была разработана хронология возникновения кочевничества, также не определено время распада угорской языковой общности и выделения из нее древних венгров. Обычно искали угров в лесной зоне Поволжья, Прикамья или Башкирии как охотников за пушным зверем, не знающими ни скотоводства, ни земледелия. Этим занятиям венгры обучились под тюркским влиянием около рубежа нашей эры, или, по мнению других, еще позже в VII в. н.э. Согласно последней точки зрения венгры заимствовали производящее хозяйство от волжских болгар.

Видимо начиная с Вамбери, многие исследователи не понимали, каким образом среди всех финно-угорских народов только венгры стали кочевниками-скотоводами. Исходя из того неверного представления, что настоящими кочевниками являются только алтайские народы, венгров как и скифов попытались тоже отнести к этой языковой семье. Попробовали связать тюркские заимствования венгерского языка с главным этническим субстратом венгерского народа. Такие взгляды были характерны для тех исследователей, которые как правило плохо разбирались в лингвистике. Отголоски такого понимания в какой-то мере сохранились до сих пор.

Так, например, когда идет речь о кочевническом образе жизни венгров в южнорусских степях, обычно вместо того, чтобы определить их как номадов, их подвижное, узко специализированное хозяйство называют тюркскообразным, т.к. они этнизируют их хозяй-

ственно-культурный тип, что водит в заблуждение не только читателей, но очень часто и самих исследователей.

Известный советский археолог А.В.Шмидт в конце 20-х годов (1929 г.) пытался связать с венграми памятники бухмутинского могильника Башкирии. Он исходил из того, что исторические данные допускают появление венгров в степи только в VII веке н.э. и кладбища бухмутинской культуры были брошены именно около VII в. н.э. Но сам Шмидт говорил, что его предположения являются пока лишь предварительной гипотезой и необходимы новые археологические данные, причем, в связи с палеоантропологическим и лингвистическим материалом, чтобы его предположения стали более обоснованными.

Книга Дьюлы Немета в 1930-м году и носит название "Формирование венгров X века", но он собственно, изучает лишь вопрос этимологии шести венгерских племен, имеющих тюркское происхождение. Академик Немец считал, что далекие угорские предки венгров были высокоразвитым охотничьим народом, знавшими лошадей.

В 1939 г. вышла небольшая книга Иштвана Зичи "Праистория венгерского народа", который возобновляет концепцию Вамбери о том, что первоначально венгры были собственно тюркским народом, и только вторично, незадолго до их переселения на современную родину, они усвоили финно-угорский язык. На значение тюркского субстрата указывают, помимо кочевого образа жизни древних венгров, сохранившиеся тюркские слова и племенные названия.

Научная критика указывала на уязвимость концепции Зичи, в том числе и невозможность объяснить, каким образом многочисленные господствующие турки могли потерять свой язык под влиянием малочисленных угорских групп, стоящих к тому же на низком культурном уровне.

В 1943 г. под редакцией известного востоковеда Лайоша Лигети вышел сборник по итогам праистории венгров, написанный самими лучшими специалистами того времени. Прогрессивный характер этого издания помимо всего прочего выражается в том, что авторы выступили в защиту восточного происхождения венгерского народа в противовес некоторым попыткам приписать его к индогерманцам, что имело тогда политическое значение. В 1944 г. во время немецкой оккупации Венгрии книга была запрещена и изъята из продажи. В этом сборнике Л.Лигети и Г.Гунда писали о том, что древние угры, как и древние монголы, были лесными охотниками, знавшими лошадей. Попад по неизвестным причинам в степь, они под влиянием турецких народов заимствовали остальных домашних животных и стали кочевниками. В этой связи представляет большой интерес гипотеза С.И.Вайнштейна о возникновении кочевничества. Как он считает, в результате заимствования лесостепными охотниками лошадей у их соседей — оседлых земледельцев и скотоводов, охотники переходили к более подвижному охотничьему быту, осваивая степь (американский путь развития номадизма). Позднее, уже будучи, жителями также степей, они заимствуют у оседлых соседей и других домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот) и переходят к кочевому скотоводству. Имеющиеся лингвистические материалы не исключают возможность такого перехода южных групп угров — предков древних венгров от пешей охоты к охоте при помощи коня, а затем и кочевому скотоводству. Однако эта концепция применительно к уграм нуждается в дополнительном обосновании /Вайнштейн, 1973; Вайнштейн-Семенов, 1977/.

В 1944 г. Дьюла Ласло написал книгу "О жизни венгров в X веке". С помощью доступных ему многочисленных археологических, лингви-

стических и этнографических данных автор сделал попытку реконструировать образ жизни древних венгров во время их появления в Паннонии. Одним из главных достижений Ласло было аргументированное доказательство того, что могильные захоронения зеркально отражают обычаи венгров. По его мнению у них господствовала большая семья.

Ошибочным является предположение автора о том, что богатые женские могилы в какой-то мере отражают пережитки матриархата. Общеизвестно, что у кочевников женщины, как правило, занимают высокое положение. Эту неверную гипотезу Ласло позже попробовал обосновать молодой венгерский археолог Карой Мештерхази, но безуспешно (1967). С резкой критикой против него выступил И.Фодор /1973:114-118/.

Подводя итоги изучения праистории венгров в буржуазный период, можно сказать, что венгерские ученые пользовались позитивистским методом. У них господствовали филологические приемы. Из-за ограничения их немарксистского подхода они не обратили должного внимания на изучение развития производительных сил и социальных явлений. В то время специалисты часто путали хозяйственно-культурный тип с этносом. Поэтому древних венгров считали или тюрками, или придавали слишком большое значение тюркским этнокультурным влияниям на основе их полукочевнического образа жизни. Полагали, что номадизм у венгров возник под давлением тюрков, которые организовали у венгров племенную структуру. Буржуазные ученые думали, что в венгерском этногенезе основную роль, кроме финно-угров играли только тюрки. Отголоски этих взглядов можно найти до сих пор в работах некоторых современных ученых.

Начиная с 1945 года, после освобождения Венгрии от немецко-фашистских оккупантов, в стране открылась широкая возможность для распространения идеологии марксизма. Однако влияние исторического материализма меньше всего сказалось в изучении древней истории венгров, учитывая специфику работ в этой области далекой, как некоторым казалось, от проблем политической истории.

Эрик Мольнар, бывший директор Института истории в Венгрии, в конце 40-х годов, написал интересную работу о праистории венгров, вызвавшую большую дискуссию в свое время, особенно среди лингвистов, которые в ту пору больше всего занимались проблемами истории древних венгров. Книга Мольнара (1955), а также его оппонента Петера Хайду издана и на русском языке (1953), поэтому нет необходимости более подробно останавливаться на них (1955). Тем более большинство материала этих работ представляют собой уже только историографический интерес. Тем не менее хочется упомянуть главный тезис Мольнара, который заключается в том, что он спустя 100 лет возобновил гипотезу А.М.Кастрена и И.П.Аспелина, об алтайско-саянской прародине уральских народов. От противоречащих его концепции палеолингвистических данных Э.Мольнар избавился таким образом, что объявил их метафизическими, и методы финно-угорской лингвистики, определяющей уральскую прародину, считал необоснованными, буржуазными, идеалистическими.

Все это вместе с его попыткой распространения марксизма в венгерских общественных науках вызвало бурный протест. Особенно лингвисты выступили против Мольнара, которые считали его критику в их адрес не только необоснованной, но даже не научной.

Представители других дисциплин, в том числе и этнографии, например, В.Диосеги (1923-1972), преждевременно скончавшийся известный исследователь североевразийского шаманизма, полностью поддерживали финно-угроведов. Эта дискуссия происходила в Венгрии как раз во время возобновления марксистского языкознания в социалистических странах и в начале 50-х гг. кончилась полной победой сравнительно-исторического языкознания над марризмом. Таким образом, огульные обвинения Мольнара в адрес венгерских языковедов, занимавшихся финно-угорской проблематикой, кончились полным провалом. Надо сказать, что некоторые высказывания лингвистов тогда были слишком категоричны и позже выяснилось, что за редким исключением, они были плохо информированы в смежных областях этногенетических исследований, особенно в этнографии и антропологии. Таким образом эта острая дискуссия принесла пользу для исследования этнической истории венгерского народа, потому что выяснились некоторые пробелы в этом вопросе. Может быть тогда не было хорошо видно, но сейчас это уже более чем очевидно, что лингвисты-финно-угроведы главным образом защищали свои позиции, подытоживали результаты своей дисциплины, но не внесли свой новый вклад в разработку сложного вопроса этногенеза венгерского народа. По сути дела они повторяли доселе известные научные истины, вместо того, чтобы дальше развивать проблематику происхождения венгерского народа. Правда, никто не мог подумать в то время, что невнимательное отношение к далекому прошлому своего народа будет иметь политические последствия в будущем. Это отрицательное последствие выражалось в том, что не понимая важности вопросов этногенеза венгерского народа не только научно, но и идеологически, исследования в этом направлении почти заглохли.

Это же относится к научной популяризации сравнительно малочисленных результатов. Может быть в этом отношении сыграли свою роль взгляды, которые живучи иногда и сейчас у некоторых исследователей, будто бы этногенез нельзя объективно изучать, этническая история является поприщем националистических взглядов, а не научных истин.

В 1951 г. на совещании по этногенезу В.Н.Чернецов выдвинул гипотезу, что исходную территорию древних угров надо искать на юге Западной Сибири, однако эти взгляды для венгерских ученых до 1971 г. оставались неизвестными.

В 1953 г. вышли основные положения кандидатской диссертации В.Н.Чернецова, защищенной в 1941 г., в которой автор утверждал, что один из компонентов усть-полуиской археологической культуры (У-П в. до н.э.) таёжной Западной Сибири имеет южное происхождение и его можно связывать с кочевниками - уграми. По мнению Чернецова предки венгров начали свое путешествие с юга Западной Сибири. Сходных взглядов придерживается и В.И.Мошинская, которые были изложены в их совместной статье "В поисках древней родины угорских народов" /1954:184-191/. Хотя с основными выводами Чернецова и Мошинской относительно хронологии и этнической интерпретации усть-полуиской культуры не были согласны: М.П. Грязнов, Л.Р.Кызласов, М.Ф.Косарев, В.А.могильников и В.Ф.Генинг, тем не менее можно только сожалеть о том, что венгерские ученые долгое время не были знакомы с ними и они не вошли в научный ~~кругооборот~~ оборот. среди специалистов ВНР, что в значительной мере препятствовало более полной реконструкции истории древних венгров. Хотя некоторые стороны научной деятельности В.Н.Чернецова в Венгрии были давно известны, с ним переписывался даже

Мункачи, который называл его основоположником мансийского литературного языка, тем не менее его концепция об этногенезе угорских народов более широкую известность получила только после его смерти. Надеемся, что в этом не последнюю роль сыграли наряду с некрологом, посвященном В.Н.Чернецову, наши статьи и рецензии, в которых подробно излагали позиции советских ученых относительно формирования обских угров.

В 1956-ом году вышла книга "Очерки по истории Башкирской АССР", в которой авторы каснулись венгерско-башкирской проблемы. По их мнению с этнической историей башкир в I тысячелетии н.э. связаны мадьярские племена, до IX в. занимавшие территорию Приуралья (по среднему течению р.Белой). Во второй половине IX в. мадьяры, теснимые огузами и печенегами, или по какой-либо другой, не известной историкам причине, покинули Приуралье и пустились в далекие странствования на запад, которые завершились оседанием их в Паннонии. До ухода с Приуралья мадьяры были соседями башкирских племен. Часть башкирских племен, увлеченная массовым передвижением мадьяр на запад, присоединилась к ним. С другой стороны, некоторые мадьярские племена остались в Башкирии и ассимилировались. Об этом свидетельствует название башкирского племени Юрмата. По мнению лингвистов, этноним "Юрматы" не является по своему происхождению тюркским. Одно из восьми венгерских племен также носило название Юрматой. Среди башкир юго-восточной и северо-восточной Башкирии широко распространены предания, согласно которым на заре истории башкир произошла их борьба с остяками (мадьярами), в результате которой последние покинули южный Урал /1956:33/.

В 1958 г. вышла фундаментальная работа Д.Дёрфи под названием "От венгерского рода до административной области, от племени до страны". По его мнению в IX-X вв. н.э. на основе приблизительно 50-и родов сформировалась административная система феодальной Венгрии, состоящая из 72 комитатов. Каждый род в случае войны должен был предоставить 400 конников. Один род насчитывал 10 000 человек. По-видимому, около 896 г. н.э. венгры составляли около полмиллиона человек. Согласно арабских источников главный вождь венгров в то время мог организовать двадцатитысячную армию. Гипотеза Дёрфи более-менее принята в Венгрии, но, как нам кажется, нуждается в проверке. В 1958 г. Дёрфи издал в сокращенной форме арабские, византийские и западно-европейские письменные источники, в которых упоминались венгры IX и X вв.

В 1962 году вышла совместная статья Т.М.Гарипова и Р.Г.Кузеева "Башкирско-мадьярская проблема". Краткий обзор основных источников. По мнению автора Южное Приуралье с Юго-Западной Башкирией и левобережье Волги были территорией угорских племен в начальный период после их переселения в Европу. Угорские племена переселились в Восточную Европу через степные ворота между Уральскими горами с севера и Каспийским морем с юга.

В 1961 году вышла в свет книга известного археолога Дьюла Ласло "Самые ранние этапы нашей праистории". Ласло предполагает, что прародину венгров надо искать в лесостепных областях правого берега Средней Волги в соседстве с пермскими и обско-угорскими народами, где располагается волосовская, а позднее ирменьковская и пьяноборская культуры. Он указал на несколько параллелей между археологическим материалом Среднего Подунавья и Пьянобора.

Однако, по мнению И.Фодора, который наряду с И.Эрдейи лучше всех знает советский археологический материал среди венгерских ученых, эти сходства очень поверхностные и не имеют под собой этнической основы. Ссылаясь на компетентные советские археологические исследования он указывает на то, что ни пьяноборская, ни ананьинская культуры, ни их источник в эпоху бронзы никоим образом нельзя связывать с древними венграми, как это обычно делают венгерские историки. Более вероятно, что культуры Прикамья принадлежали предкам пермских или волжских финно-угров, как это утверждают компетентные советские специалисты / Fodor, 1976:156; 1977:287/.

В 1964 г. П.Д.Степанов выступил с предложением о принадлежности памятников типа городища Ош-Пандо венграм, отнеся к угорско-мадьярским племенам всю именьковскую культуру прикамья.

В 1966 г. академик д-р Немец, известный тюрколог, опубликовал статью, появившуюся позднее на русском и немецком языках, в которой он утверждает, что среди башкирских родовых названий им обнаружены все племенные названия венгров X в., свидетельствующие о том, что прародиной венгров является Башкирия. На наш взгляд методологически положение является ошибочным, когда на основе названий некоторых венгерских племен несомненно тюркского происхождения делают вывод о том, что якобы венгры вошли в состав башкирского народа. Тем более неправильно утверждать, что из этого вытекает как будто бы то, что территория современной Башкирии являлась "матерью Хунгарией", т.е. прародиной венгров. Нам кажется, если рассуждать логично, как раз получается наоборот: тюркские племенные названия у венгров свидетельствуют о вхождении тюрков именно в состав венгерского этноса.

Иштван Мандоки в 1976 г. убедительно доказал, что выдвинутое положение академика Немета не выдерживает лингвистической критики, его гипотеза не соответствует действительности. Это не значит, что указанные венгерские племенные названия не являются тюркскими по происхождению, но их нельзя пока связывать именно с башкирами кроме Юмрата и Еней. В связи с этим следует еще выяснить, по какой причине в арабских письменных источниках называют венгров и башкир одним и тем же именем, что послужило основой предположения об участии венгров в этногенезе башкиров. Совершенно не исключено, что мы имеем дело со случайными совпадениями.

Можно полностью согласиться с мнением Р.Г. Кузбеева /1974: 446/, что в сочинениях арабо-персидских писателей имело место смешение башкир с мадьярами, но оно не было столь глубоким, как принято считать, и не базировалось на общности этнического происхождения этих народов.

В 1966 году историк Антал Барта защитил кандидатскую диссертацию "Венгерское общество в IX-X вв.". Мы не будем подробно останавливаться на этой книге, вышедшей не только на венгерском, но и на английском языке, т.к. И.Фодор в журнале "Советская археология" написал на нее развернутую рецензию. Здесь только отметим основную мысль А.Барта, что венгры до их появления в Хазарском каганате были кочевниками, и до этого времени они совершенно не знали земледелие и под влиянием тюрков они усвоили некоторые навыки сельскохозяйственной деятельности. В южнорусских степях они познакомились с разведением крупного рогатого скота и с плужным земледелием./Фодор, 1969:286-289/.

Заслуга Барта в том, что в аргументированной форме он доказал соответствие тюркского слоя венгерского языка, имеющего

болгаро-чувашский фонетический облик, хозяйственным изменениям, происходящим в хазарском каганате в VIII-IX вв., хотя до Барта было высказано предположение связывать венгров с салтовомаяцкой культурой, однако ошибочно, всецело приписывали этот археологический комплекс венграм. Барте впервые удалось показать, что седентеризация, выявленная археологами в степях Причерноморья, отражена в тюркских словах венгерского языка.

Совпадения лингвистического и археологического материала имеют большое значение для решения некоторых спорных вопросов истории древних венгров. Удачно связаны независимые друг от друга результаты двух дисциплин, Барта реконструировал развитие производящего хозяйства у венгров. Мы только можем сожалеть о том, что в дальнейшем А.Барта отказался от своей хорошо аргументированной концепции и в своей докторской диссертации уже отодвинул знакомство предков венгров с земледелием чуть ли не до неолита, отрицая их причастность к евразийской кочевой культуре скотоводов. На основе работы Владимирцова он определил общество венгров в IX-X вв. как "кочевой феодализм".

На работу Барта Тамаш Хофман, аграрный историк, директор Этнографического Музея в Будапеште, написал резко отрицательную рецензию /1969:89-98/. Он выступил против интерпретации общества венгров в IX в. как "кочевого феодализма". По его мнению кочевники никогда не дошли до создания классового общества, они были "варварами", а не создателями "цивилизации".

Здесь отметим, что Г.Е.Марков также отрицал концепцию Владимирцева о кочевом феодализме, который пытался в некоторой мере модернизировать общественную структуру монголов. Однако Хофман не имел сведений об этом. Он считает, что о феодализме можно го-

ворить в том случае, если существует натуральное помещичье хозяйство, соединяющее в себе земледелие, животноводство и их техническую базу, комплекс которого постепенно распространялся во время так называемой "средневековой аграрной революции" из Римской империи. Относительно тюркских заимствований в вонгорском языке Хофман ошибочно утверждает, как ранее лингвист Э.Моор или Д.Ласло, что он не отражает действительные изменения в хозяйстве, т.к. этот слой нельзя датировать раньше V в. н.э., поскольку технологические изменения, закрепленные в этих словах, произошли намного раньше в обществах восточно-европейской лесостепи.

Т.Хофман под влиянием старой немецкой этнографической литературы очень отрицательно относится к кочевникам-скотоводам степи, не видя значения их специализированного хозяйства, которое в свое время играло положительную роль в освоении степных пространств Евразии.

Эксплуатацию кочевниками земледельческих групп нельзя считать только отрицательным историческим явлением, как он думает, т.к. нарушая натуральную замкнутость земледельцев, они способствовали производству прибавочного продукта.

В средневековой Болгарии, в Китае или в Венгрии кочевники, создавая систему сбора дани, послужили толчком для организации централизованного государства.

Мы считаем, хотя переход к земледелию, как правило, всегда был шагом вперед по пути технического и социального прогресса и исторически всегда являлся прогрессивным явлением, но и возникновение хозяйственно-культурного типа евразийского номадизма как специализированной экономической системы тоже положительное общественно-культурное явление на рубеже II-I тысячелетия.

В 1968 г. Н.А.Мажитов в своей кандидатской диссертации считал возможным как раньше А.В.Шмидт связывать бахмутинскую культуру с древними венграми, которые около III в. отправились в длинный путь с Поволжья и Прикамья в Карпато-Дунайский бассейн.

Сравнительно недавно этногенезом венгров в большей мере начала заниматься антропология. Но широко распространенный в ВНР устарелый типологический метод уже является анахронизмом и иногда приводит к большой путанице. Кроме этого, антропологи в Венгрии, по справедливому замечанию Б.Коромпай, как правило почти всегда находилась под сильным влиянием лингвистических теорий. В такой степени, что вместо того, чтобы внести свой вклад в изучение истории венгров, некоторые антропологи часто просто переводят на язык своей науки уже существующие взгляды из области других дисциплин. Единственное положительное исключение составляют работы Тибора Тота, который опирается на самые современные методы популяционной генетики, но к сожалению его новые результаты пока не являются общепризнанными венгерскими специалистами. По мнению Т.Тота морфогенетический ареал древних венгров надо искать между Нижней Волгой и Аральским морем в I тысячелетии до н.э. /1968, 1970:149-154; 1978 /.

В 1972 г. на четырех языках вышла богато иллюстрированная книга Иштвана Диэнеша "Венгрия X века". Автор во введении к своей книге "О венграх X в." формирует их предыдущую этническую историю в соответствии с общераспространенным взглядом среди венгерских ученых.

"Общая прародина венгров и их самых близких родственников по языку - обских угров - находилась на западных склонах Урала, землях, примыкающих к рекам Волге и Каме. По венгерской тради-

ции, "Магна Хунгария", т.е. древняя Венгрия, была расположена к югу от Прикамья на территории Башкирии по берегам Волги /?!/. Зарубежные письменные источники IX-XIII вв. показывают, что исходным районом венгров в свое время была Башкирия. За несколько лет до появления монголов венгерские монахи нашли здесь остатки тех оторвавшихся племен, с которыми они могли говорить по-венгерски еще в XIII в. Во время пребывания древних венгров в Башкирии они стали соседями иранских по языку скифов, сарматов и аланов, живущих в Причерноморских степях. Потом они сблизились с теми тюркскими племенами, которые несколькими волнами вторглись из Азии на территорию между Южным Уралом и Каспийским морем и появились даже в Поволжье. На основе связей с этими народами культурное развитие древних венгров ускорилось, причем тюркские этнические группы вливались в финно-угорские племена. Доказательством тесных связей с тюркскими народами служит, наряду с заимствованными словами, то, что название венгров у других народов происходит из имени онугров, обозначающих в болгаро-тюркском языке "десять племен". Власть онугров-болгар была сброшена тюрками и эти западные турки создали в Прикавказье Хазарский каганат, который далеко распространил свою власть и по крайней мере в середине VII в. Венгрия тоже входила в состав этого каганата. Поэтому Византийские источники называют венгров тюрками даже после того, как они уже давно вышли из Тюркского каганата. Но известно точно, покинули ли венгры территорию Магна Хунгария во время вхождения их в Хазарский каганат, более вероятно, что они долгое время оставались на землях "Магна Хунгарии", но они платили дань хазарскому кагану и служили в его армии.

В это время уже произошло слияние венгерских племен в единый

этнос на территории "Магна Хунгарии", т.к. племенные названия кроме перечисления Константина Багрянородного, сохранились в топонимах Среднего Подунавья, не говоря уже о том, что их почти все можно выявить в Башкирских родовых и племенных названиях". Это мнение И.Диенеша очень типично для большинства венгерских исследователей.

В 1972 г. в Москве был опубликован сборник "Проблемы археологии и древней истории угров", совместный труд венгерских и советских ученых. Здесь нет надобности излагать взгляды авторов данного сборника. В 1975 г. вышла наша подробная рецензия на эту книгу на венгерском и немецком языках в журнале "Этнография" и "Айта археологика", издаваемых в Будапеште. Неправильным является замечание редакторов этого издания о том, что "большинство современных венгерских исследователей поддерживают представление, согласно которому венгры отделились от предков обских угров на территории Западной Сибири, точнее в Прииртышье". На самом деле большинство венгерских специалистов не согласны с Западно-Сибирской концепцией прародины венгров. Среди венгерских ученых этих взглядов придерживаются всего несколько специалистов: П.Лигети, И.Эрдели, Т.Тот, И.Фодор, П.Хайду и автор этих строк, но только нами была дана подробная аргументация такой точки зрения еще в 1971-1972 гг.

В 1971-1972 гг. нами были опубликованы две статьи о праистории венгров: "Новые данные о праистории финно-угров и древних венгров" и "Очерк этнической истории венгерского народа. Концепция этих работ послужила основой нашей диссертации. Мы впервые, правда, в сжатой форме обрисовали этническую и культурно-хозяйственную историю древних венгров до X в. Одной из главных

мыслей было указание на связь распада угорской этнолингвистической общности с большими хозяйственными изменениями, происшедшими на рубеже II-I тысячелетия до н.э., параллельно экологическим сдвигам данного времени. Мы впервые среди специалистов высказали мысль о том, что этногенез древних венгров обусловлен становлением кочевнического хозяйства в конце бронзы и начале железа.

Мы подчеркнули поразительное сходство шести общих фонетических изоглосс древневенгерского и иранских языков, на которое до этого не обратили внимания лингвисты. В наших работах была поставлена под сомнение господствовавшая в то время в венгерской исторической литературе концепция о Прикамско-Поволжской прародине финно-угров, древних угров и протовенгров. В расширенном варианте наши работы были опубликованы позже на английском и на французском языках. Статья "Очерк этнической истории венгерского народа" была вторично опубликована в "Хрестоматии по финно-угорским исследованиям" в 1977 г. под редакцией Петера Домокоша.

В 1975 г. на эти две работы вышла критическая статья А.Барта. По его мнению, древних венгров нельзя связывать с археологическими культурами Западной Сибири, а их принадлежность к кочевническому миру в большой степени является проблематичной. Он пишет, что предки венгров и обских угров связаны друг с другом лишь очень незначительно и поэтому нельзя говорить об их общей праистории. Главной нашей виной А.Барта считает наше мнение, что Западная Сибирь, ее территория и культура входят в проблематику венгерской праистории.

А.Барта в своей новой монографии писал о том, что "На хозяйство мадьяр-угров хотя и повлияло кочевое скотоводство, однако они не стали полностью номадами". Он утверждает, что венгерские слова: "хлеб", "пахать", "деревня", "дом", "крепость" — угорского происхождения и понятия, связанные с ними, имеют такие же древние корни в культуре древних венгров (1975). Однако с этим нельзя согласиться. Слово "крепость", по общепринятому мнению лингвистов, в венгерском языке все-таки является не финно-угорским, а поздним иранским заимствованием, как и "дом". На основе названия "деревня" вряд ли правомерно делать вывод, что венгры имели в эпоху ранних кочевников постоянные поселения, даже и в том случае, если это слово имеет этимологию, связанную с мансийским словом "поселение". Однако, относительно венгерского слова "falu" — деревня, академик Хайду, давно, еще в начале 50-х годов, отметил, что первоначально это финно-угорское или угорское слово употреблялось в качестве названия поселений, которые не имели постоянного характера. Первоначальное значение слова "хлеб" < "лепешка", даже вместе со словом неизвестного происхождения "пахать" нельзя использовать для доказательства древней земледельческой культуры венгров. Последние термины, как известно, даже у исконно земледельческих народов, этимологизируются как "царапать", "тыкать", то есть современное его значение сформировалось только вторичным образом. Следовательно, ни одно из приведенных Барта терминов не может служить обоснованным доказательством того, что венгры в прошлом были не кочевниками, а земледельцами, не говоря о том, что только слово "поселение" — "деревня" имеет древне-угорский исток.

Другое мнение А.Барта /1975,185/, что предки венгров никогда не бывали в засушливых степных районах Евразии, также противоречит современным знаниям по этому вопросу. По новейшим палеоантропологическим исследованиям Т.Тота известно, что формирование антропологического облика венгров X в. н.э. происходило в районах Северного Прикаспия, т.е. в весьма засушливых, даже пустынных районах Западного Казахстана, где с конца II тыс. до н.э. почти до настоящего времени жили типичные скотоводы-кочевники.

Трудно согласиться с высказыванием Барта, что самая ранняя земледельческая терминология венгров, которая была заимствована из тюркских языков в южнорусских степях, якобы имеет иранский источник. Этому противоречит то обстоятельство, что эти слова, найденные не только в венгерском и чувашском языках, но и в монгольском. В осетинском языке отсутствуют общие иранские термины земледелия. Барта не замечает, что он иногда противоречит даже своей точке зрения. В одних случаях он все-таки принимает во внимание лингвистический материал, в других - нет.

А.Барта писал в своей докторской диссертации "Праистория венгерского народа" о том, что языковые заимствования, как правило, не отражают изменения, происходящие в образе жизни народа, и обычно вводит в заблуждение. Так в венгерском языке почти полностью отсутствует исконная земледельческая терминология, что не значит, будто бы у них не было земледелия.

Вызывает недоумение мысль Барта о том, что "если венгры познакомились бы с лошадью и занимались бы ее разведением в районе рр.Ишима и Тобола, то понятие "стремя" должно было бы оставить какой-то след в языках обских угров. По общепринятому мнению специалистов угорская этнолингвистическая общность в начале

I тысячелетия до н.э. распалась, а "стремя", как известно, появилось намного позже этого, не ранее IY в. н.э., а в степной зоне не ранее VI в., поэтому никак нельзя ожидать, что отсутствие в угорских языках слова для обозначения этого предмета есть свидетельство против локализации угров в Западной Сибири.

Также нельзя согласиться с категорическим утверждением Барта, что не кочевнический, т.е. земледельческий характер хозяйства древних венгров является фактом, не подлежащим отрицанию. В действительности, такими сведениями, которые говорили бы в пользу земледелия и отсутствия у предков венгров до X в. кочевого образа жизни, мы не располагаем. Все данные свидетельствуют как раз об обратном. По всей вероятности древние венгры были настоящими кочевниками. Во избежание недоразумения в последней главе нашей диссертации мы суммируем самые важные относительно доказательства специализированного номадного хозяйства древних венгров.

Мы вполне согласны с точкой зрения Фодора, высказанной в марте 1973 г. на обсуждении рукописи Барта, что невозможно правильно понять праисторию венгров, если исходить из того предположения, будто венгры не имели никакого отношения к кочевничеству, как явствует из работы Барта. Преуменьшение роли специализированной кочевнической экономики хозяйства у венгров во время их переселения в Евразийскую степную зону противоречит не только общеизвестным фактам, но и прежним результатам самого Барта в его кандидатской диссертации 1966 года. Однако он не указывает на это противоречие и поэтому одновременно представляет две противоположные, взаимоисключающие концепции.

Между тем в 1974 году вышел капитальный труд Р.Г.Кузеева "Происхождение башкирского народа", в котором он подробно занимался башкиро-венгерскими контактами. Кузеев считает, что в центральном районе Бугульминской возвышенности в УШ- начале IX в. формируется бул^бгаро-мадьярская племенная группа, которая представляет собой сложный синтез болгарских или булгари-зованных тюркских племен с угорскими, преимущественно древне-мадьярскими племенами при доминирующей роли древнетюр^кского (болгарского) компонента. В сложении булгаро-мадьярского компонента приняли участие тюркизированные угры, мигрировавшие в Волго-Уральский регион из Приаральской области или западной Сибири /Кузеев, 1974:508/.

В 1974 г. Енё Сьючем была защищена кандидатская диссертация "Гентилизм как своеобразный тип этнического сознания варварских обществ". По его мнению главный определитель т.н. Гентилизма - осознание общего происхождения этнической общности вследствие перенесения модели кровного родства на более широкие социальные связи. Сью^ч справедливо критикует в своей работе Е.Дээр^а, который считал, что венгры организовались в народ между X-XIII вв. н.э. под династией Арпадов. Без сомнения, что правильное говорить в это время о венгерской народности. К сожалению, Сью^ч не знаком со специальной советской литературой по теории этноса. Наши обзорные работы и рецензии по этой теме, в которых указывается, что, по мнению советских исследователей, представление об общности происхождения характерно не только для первобытных обществ, вышли уже после написания вышеуказанной диссертации.

В 1975 г. заместитель директора Этнографического Музея в г.Будапешт Янош Кодолани издал сборник избранных произведений

по древней истории венгров. Сама по себе публикация этой хрестоматии является положительным явлением, но отсутствие историографического обзора, как справедливо упрекали рецензенты редактора, обесценивает повторное издание старых произведений, во всяком случае для широких кругов читателей.

В 1975 г. была опубликована наша статья "Хозяйственная специализация и развитие производительных сил венгерской прайстории", в которой исследован путь развития хозяйственно-культурных типов предков венгров со времени отделения их от близких родственников по языку до появления древних венгров на их современной родине. Здесь впервые была сделана попытка реконструировать хозяйственную жизнь венгров в I тысячелетии, т.е. в эпоху ранних кочевников. До этого никто не касался данной проблемы. К работе прилагается резюме на русском языке.

В 1976 г. академик Л.Лигети опять вернулся к проблеме тюркских заимствований в венгерском языке. И вновь подтвердил старые взгляды, широко распространенные и до этого. По его мнению древние венгры, охотники и рыболовы, уже знакомые с лошадью, под влиянием тюркских народов познакомились с зачатками производящего хозяйства. Смешение тюрков с онуграми привело к распространению овцеводства, разведения рогатого скота и плужного земледелия.

Эта концепция исходила из того, что предки венгров в лесной зоне в I тыс. н.э. знали только присваивающее хозяйство. Представители этого направления до сих пор не считаются с тем, что по археологическим данным Среднего Поволжья, Прикамья и Башкирии, куда они обычно локализуют прародину угров, в том числе и венгров, производящее хозяйство существовало по край-

ней мере во II тыс. до н.э. Впервые на это обстоятельство мы обратили внимание в 1971 г. Отсутствие собственной земледельческой терминологии в венгерском языке по нашему мнению объясняется не тем, что предки венгров в южной области лесной зоны были охотники и рыболовы, а другими причинами, на которых мы останавливаемся более подробно в последней главе диссертации.

В 1976 году вышла интересная статья Р.Г.Кузеева "Об историческом соотношении территорий "Великой Венгрии" и древней Башкирии". По мнению автора территории Великой Венгрии и древней Башкирии не совпадали. Распространенный в исторической литературе тезис о тождестве древних венгров и башкиров остается неаргументированным.

В 1976 г. вышла книга двух венгерских журналистов Я.Барош и Л.Рапчани под названием "В гостях у предков". Хотя эта работа не является научным изданием, тем не менее очень ценная относительно венгерской праистории, так как в ней находим интервью почти со всеми учеными, занимающимися в той или иной мере древней историей наших предков. Среди советских ученых высказали свое мнение В.И.Мошинская, А.П.Смирнов, Канивец и О.Н.Бадер и Р.Г.Кузеев. Последний, известный башкирский ученый изложил свои взгляды по поводу контактов предков башкир и венгров.

По мнению Р.Г.Кузеева, между башкирами и венграми существует много общих черт, в том числе есть первоначальные и вторичные. Наша задача, действительно определить общие черты и отделить те, которые возникли при изучении данной проблемы. Несомненно, что общие — племенные и родовые названия. Константин Барош ^{Норо} также упоминает эти названия Юрмата, Еней. При

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

позднейших исследованиях были выявлены дальнейшие параллели — Кёсе, Юламан, Тархан, Бильяр. Из этого можно сделать заключение, что венгры и башкиры где-нибудь контактировали друг с другом. Эти контакты могли происходить или на территории, которая находится между Волгой и Уралом, или на северном Кавказе, в более широком смысле в Приазовье. Когда на Кавказе болгары разделились, одна часть переселилась в бассейн Средней Волги. Среди этих болгар были те племена, которые впоследствии мы находим и у башкир и у венгров. Но главный плацдарм башкиро-венгерских связей по всей вероятности был между Уралом и Волгой, где именно — к этому вопросу можно подходить по-разному. Археологи попытались объяснить с помощью своих данных. Некоторые из них попробовали связывать с венграми бахмутинскую культуру. Однако по ее признакам эту культуру нельзя идентифицировать с венграми. Лесная, полужемледельческая, полуохотническая культура никак не указывает на венгров-кочевников. Кузеев констатирует, что между Волгой и Уралом нет такой археологической культуры, которая принадлежала бы венграм. Это однако вовсе не обозначает то, что здесь не жили древние венгры, а только о том, что огромная территория между Волгой и Уралом изучена еще не в должной мере, и поэтому культуру венгров не могли вычленить. Культуру номадов этнически очень трудно дифференцировать. Степь имела такие черты, что она нивелировала культуры.

Кузеев считает, если сопоставить лингвистические и исторические данные, а также и этнонимы, то видим, что венгры жили на левом берегу Волги, приблизительно в бассейне реки Черемшан, более точно между Черемшаном и его левобережным притоком в

верхнем течении рр.Сок и Кинель. Все эти реки берут свое начало на Бугульминской возвышенности. Эти данные подтверждаются другими. В этом отношении большое значение имеют некоторые башкирские легенды. Они говорят об оседании таких племен, названия которых встречаются как у башкир, так и у венгров.

В Будапеште на IY Международном финно-угорском Конгрессе в 1975 г. автор выступил с докладом "Общественные и этнические группы манси в XUI-XIX вв.". Одна из главных мыслей доклада заключалась в том; что дуально-фатриальная система под названием "пор" и "мось" возникла у северной диалектно-этнографической группы манси под влиянием хантыйского этнического субстрата. Фатриальное название "мось", имеющее общий корень с этнонимом манси и первой частью самоназвания венгров "мадьяр", у северных манси заимствовано около XIII в. ими от хантов.

В 1975 г. археолог Ишван Фодор издал книгу "По пути через Верецке ...", которая до сих пор является самой удачной популярной работой по этногенезу и древней истории венгров. Автор заимствует нашу концепцию о разделении угорской этнолингвистической общности по стимулирующим экономическим и экологическим факторам. Фодор также излагает наши взгляды на новую этимологию венгерского этнонима.

Фодор не исключает возможности, что уже в V в. н.э. вблизи Башкирии венгры познакомились с плужным земледелием. По его мнению, древние венгры из Западно-сибирской прародины переселились в Башкирию, т.е. "Магна Хунгарию". Этот его взгляд базируется главным образом на вышеупомянутом утверждении Немета о предполагаемом совпадении венгерских и башкирских племенных названий, а также том, что в Прикамье и Венгрии археологи нашли сходные погребальные маски. Об этом более подробно он касается

в ранее опубликованной статье на русском языке "К вопросу о погребальном обряде древних венгров" в сборнике "Проблемы археологии и древней истории угров"/Фодор, 1972/.

В этнографическом материале обских угров и в археологических памятниках венгров X в. действительно были зафиксированы погребальные маски с наглазниками и наротником. Материал недавно опубликованный Пелехом, свидетельствует о том, что этот похоронный обычай в прошлом был распространен довольно широко у разных народов Евразии. Поэтому погребальные маски видимо не дают надежных данных для локализации местонахождения угорских народов. Рецензия М.Шарканя на русском языке на книгу Фодора вошла в венгерском журнале "Акта этнографика" /1976: 415-417/.

В 1977 г. появился под редакцией А.Барта, К.Цегледи, А.Рона-Таш первый после 1943 года сборник, посвященный венгерской праистории, куда входят интересные статьи Я.Хармата и И.Фодора. В свете новейших археологических данных, опубликованных уже после кандидатской диссертации Барта, Фодор еще раз сравнивает тюркские заимствования болгаро-чувацкого происхождения в венгерском языке с новым материалом о салтово-маяцкой культуре южнорусских степей, опубликованным советскими авторами.

Харматта в своей статье писал о том, что большинство протоиранских заимствований попали в финно-угорские языки приблизительно между 4600-1500 гг. до н.э. Эти ранние иранские заимствования и с точки зрения истории языка имеют важное значение, ибо указывают на то, что независимо от них и друг друга реконструированные иранские и финно-угорские системы фонем и их развитие являются верными. Во время заимствования протоиран-

ских слов фонетическая система финно-угорских языков была весьма однородной. Однако финно-угорская языковая зона разделялась на отдельные группы племен, что повлияло на географическое распространение протоиранских заимствований. Анализ этих слов указывает на то, что хозяйственное развитие финно-угорских племен и их связь с иранцами были неодинаковыми. Если сгруппировать эти заимствованные слова по предметам, то из этого явствует большое значение связей финно-угров и иранцев. Почти нет областей производства, материальной и духовной культуры, в которых бы не отражались влияния иранских племен на финно-угров. В этой связи представляет большой интерес тот факт, что больше всего заимствований связано с присваивающим хозяйством.

В финно-угорских языках есть другой, более поздний слой иранских заимствований, куда относятся термины животноводства: "кнут", "коза", "поросенок", "жеребенок", "корова", "доить". О большом влиянии иранцев на земледелие финно-угров свидетельствуют слова "почва", "серп", "копать", "зерновые", "колос". К ремеслу относятся заимствованные слова: "шило", "ремешок", "шнур", "клин", "топор". Об общеизвестных контактах финно-угров с иранцами говорят такие слова, как "сирота", "сестра", "род", "купить"; выражения "дружественный прием", "связь", "подарок-ценность" указывают не только на то, что между финно-уграми и иранцами устанавливались дружественные связи, но и вместе с тем на существование обмена материальными ценностями, происходившего между ними в форме гостеприимства. Эти дружественные контакты рано или поздно привели к весьма тесным этническим (брачным) связям, что послужило причиной распространения

у древних финно-угров знаний животноводства, земледелия, а также некоторых терминов, относящихся к духовной культурной жизни и природным явлениям. Во время I тыс. до н.э. венгерский язык в отличие от других финно-угорских лингвистических групп. меньше всего был подвержен иранским влияниям.

В 1978 году в Будапеште под редакцией И.Эрдели вышел второй сборник совместных работ советских и венгерских исследователей на французском языке под названием "Восточные связи древних венгров". В статье "Предпосылки появления венгров в 396 г. н.э. в среднем Подунавье" мы анализировали данные относительно того, что помимо нападения западных групп печенегов могло сыграть свою роль в переселении венгров в Паннонию - территорию в западном краю евразийской степной зоны процесс десендеретизации группы салтово-⁹⁰⁰малешской культуры южнорусских степей, начиная с рубежа IX-X вв., параллельно с эколого-климатическими изменениями в сторону аридности. В сокращенной форме этот материал вошел в статью на русском языке "Этнокультурное развитие древневенгерского этноса" до появления их на современной этнической территории."

В 1978 году вышли наши статьи "Этнокультурное развитие угорских народов" в Томске и "Этнокультурное развитие древневенгерского этноса" в Москве.

В сентябре 1978 г. в Институте этнографии Венгерской Академии наук состоялась конференция на тему "Миф и история", на которой автор выступил с докладом "Мифические основы самоназвания обских угров". В этом же году на венгерском языке был опубликован текст этого доклада, расширенный русский перевод которого включен в III главу нашей диссертации, т.к. эта проблематика непосредственно

связана не только с этимологией самоназвания манси, но и с венгерским этнонимом "мадьяр". Сокращенный перевод этой работы вышел в начале 1979 г. на английском языке в Будапеште.

В 1977 г. под редакцией Петера Домокоша вышло учебное пособие "Крестоматия по уралистике", в которой вторично публикуются ранее изданные статьи по праистории венгров, а также по этнографии, фольклору и литературе, имеющие большую научную ценность.

В эти же годы на основе археологических данных Фодор написал статью "К вопросу об уральской и финно-угорской прародине", вышедшую на венгерском и английском языках. На немецком языке вышла написанная им книга "Древние венгры, турки-болгары и восточные славяне в Южной России".

В г.Сегеде в университете им. Иосеф Аттила под руководством академика П.Хайду, чтобы облегчить работу с разными источниками по древней истории венгров, недавно была организована рабочая группа историков, представителей смежных дисциплин, куда входит и автор этих строк, для подготовки издания серии "Введение в исследование источников венгерской праистории". К настоящему времени вышло три тома этой серии. В первой части первого тома дается перечень литературы по археологическим, антропологическим и этнографическим источникам, а во второй части характеризуются лингвистические и письменные источники. Второй том представляет иллюстрированный материал археологической культуры, предположительно связанной с древними финно-уграми и протовенграми /П.Хайду, Д.Криштс, А.Рона-Таш, 1976, 1977/. Работу намечено завершить подробным историографическим обзором, подготовкой которого служит вся серия.

Известный венгерский ученый Д.Ласло недавно в 1978 году написал книгу, где выдвинул интересное предположение, что земледельцы Среднего Придунавья, имеющие разнообразные культуры, были не авары и не славяне, а венгры, которые пришли в Паннонию не в 836-ом году как до сих пор считали, а около 670 г. А пришлые кочевники в Паннонии X-го века, имевшие сравнительно единую материальную культуру, во всяком случае в археологическом отношении, по его мнению, были не венграми, как обычно считают, а тюрками-номадами. Эта концепция Ласло, вызвавшая большую дискуссию, в основном базируется на том, что во время так называемой второй аварской волны в VII в. на территории современной Венгрии в значительной мере изменился стиль поясных наборов, что, якобы, свидетельствует о появлении нового этноса, а именно венгров. Антропологическая преемственность действительно наблюдается между "аварами" и населением Венгрии средневековья /Липтак, 1967; Тот, 1972/. Взгляды Ласло среди венгерских специалистов вызвали в основном отрицательные отклики, однако такие контраргументы, как ссылки на отсутствие исторических источников о данном событии, или огульное отрицание значения археологических данных по этому вопросу, сами по себе не могут опровергнуть гипотезу Ласло. Более убедительны другие доводы, указывающие на то, что совершенно неправильно использование результатов топонимики в данном случае, так как мы не можем пока уверенно датировать разные топонимические слои. По нашему мнению до сих пор здесь не принималось в должной мере во внимание неубедительность одного из главных аргументов Ласло, а именно, что в 670 году изменение стилей в поясных наборах в Паннонии доказывает этнические перемены,

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

...the ... of ...

десять народы архаической культуры строго придерживаются своих традиций, которые поэтому медленно изменяются. Следовательно, внезапное изменение орнаментов поясного украшения должно интерпретироваться в археологическом материале как появление нового этноса. Ласло не знает, что как раз в поясных наборах в УІ-УІІ вв., как хорошо известно из работы В.Б.Ковалевской, больше чем в других категориях вещей, проявился общий евразийский степной обычай. Сходные типы поясов мы находим от Монголии на востоке до Италии на западе, от Удмуртии и Прикамья на севере до Закавказья и Северной Африки на юге. Даже в крупных государствах раннего средневековья поясные наборы всегда воспринимались как влияние кочевников. К китайцам первых веков нашей эры поясные украшения пришли от гуннов, в сасанидский Иран — из кочевой степи через Среднюю Азию, в Византию — от протоболгар.

Далее Ласло не принял во внимание, когда связывал венгерский материал Прикамья, предполагаемой прародины древних угров, в том числе и венгров, что новые археологические данные убедительно свидетельствуют о том, что распространение поясов с прорезной орнаментацией началось вовсе не в бассейне Камы, а в Северного Кавказа. Этот регион был исходным пунктом дальнейшего продвижения этих вещей на запад, северо-восток и восток в УІ-УІІ вв. Данные Пермской области говорят как раз против того, что переселенцы в Паннонию около 670 года могли происходить из Прикамья. Ведь как раз пояса с прорезной орнаментацией Прикамья, в отличие от Крыма, Преднепровья, Поволжья, Башкирии и Сибири, появились позже, только в следующем хронологическом периоде, т.е. в УІІІ-ІХ вв. Не исключая возможности про-

шупать чужие этнокультурные влияния на основе анализа поясного набора, все-таки надо считать преждевременным заключение Ласло о том, что стилистические изменения поясных наборов в могилах аварского времени на территории Венгрии говорят о появлении новой этнической волны в VII веке. Тем более необосновано утверждение, что венгры появились в Паннонии раньше IX в. Современное название венгров в других языках (Этникон), появившееся в Европе еще до 896 года, т.е. раньше, чем венгры обосновались на сегодняшней родине, по нашему мнению совсем не является доказательством в этом вопросе. Общепринято, что у европейских народов название "Венгрия" и "венгры" имеют тюркское происхождение и является названием одного из болгарских племен "онугров", которое по разным причинам, до сих пор не установленным, позже перенесли на венгров. Такой перенос этнического наименования на другой народ - явление нередкое.

Конечно, и венгры не случайно получили тюркское название от соседей, они, по-видимому, имели тесные контакты с онуграми, может быть даже входили в их племенной союз. Возможно, что в Прикубанье венгры переселились на земли, которые раньше занимали онугры. Поэтому соседи перенесли название прежних племен на пришельцев. Тем более, что их кочевнические культуры по сути дела не очень отличались друг от друга. Даже позже в разных письменных источниках венгры фигурируют под разными этническими названиями. Их называют, особенно западные хронисты, скифами, гунами, аварами. У Константина Богородного венгры - турки.

Нельзя полностью исключить, что в средневековье современники могли перепутать разные народы, но вполне можно допустить, что на причисление венгров к тюркским народам повлияло то об-

стоятельство, что все эти народы имели сходные кочевнические культуры. Во всяком случае, по мнению лингвистов, французский, английский и немецкий варианты названия венгров нельзя сопоставить с названием "гунны", хотя сразу бросается в глаза внешнее сходство. Современное этническое название венгров другими народами попало в Западную Европу через славянские языки. Недавно выяснилось, что в центральной Европе уже в середине IX в. название "Угрия" было известно относительно современной территории Венгрии.

Д.Ласло отсюда делает вывод в пользу своей теории, т.е. что венгры раньше 896 года, должно быть, жили уже в Паннонии. В хартии Людовика Немецкого в 860 году упоминается "гора угров" и аваров называют "уграми". В X в. монах Видуинд также пишет об "аварах", которые по его мнению, называются уграми, их победил Карл Великий, потом Арнульф заключил союз с ними.

Он считает, что название относительно венгров у других народов распространилось из Паннонии, а не из южных русских степей, как думали раньше. Однако он не замечает противоречия в том, что это наименование имеет явное тюркское происхождение и в данном случае оно не имело первоначально отношения к венграм. По нашему мнению, нельзя так интерпретировать этническое название древних онугров, как это пытается сделать Ласло. Он ошибочно использует для доказательства локализации венгров и хронологического определения их появления такое "этническое название" (этнокон), которым они сами никогда не пользовались. В уралистике термин "угор" является искусственным. Мункачи, Жирдан и Дыткин попробовали связать с географическим термином "Угрия", однако их попытки сравнительное языкознание не приняло.

Здесь надо упомянуть о том, что в последнее время в Прикамье Е.А.Халиповой /1976:53-78/ были раскопаны могильники, часть инвентаря которых, по ее мнению, показывает очень близкие аналогии с археологическим материалом венгров X в. Однако этой проблемой в дальнейшем мы не имели возможности заниматься, т.к. она выходит за хронологические рамки нашей диссертации, тем более, что сама исследовательница связывает свои находки с группами, оторвавшимися от основных масс венгров. Этот вопрос входит в тему так называемого "Магна Хунгария". Этому касался в середине 50-х годов в своей кандидатской диссертации венгерский археолог И.Эрдели (1958), ученик М.И.Артамонова, который в своей монографии о хазарах также посвятил целую главу пражистории венгров. М.И.Артамонов и Л.Н.Гумилев считают, что на юге Западной Сибири угорские группы участвовали в этногенезе европейских гуннов /Артамонов, 1962; Гумилев, 1966/.

Такова краткая историография рассматриваемой нами проблемы. Мы считаем главной методологической ошибкой большинства прежних исследований, что они очень часто терялись в подробностях, не видя главной линии этнического развития венгерского народа и поэтому часто неправильно определяли удельный вес имеющихся сравнительно малочисленных фактов, т.е. сделали неправильные выводы. До сих пор наблюдается такая тенденция, что не принимаются во внимание все сведения, имеющиеся на данном уровне наших знаний, относительно древней истории венгров.

По нашему мнению исследование по этногенезу венгерского народа можно выполнить лишь при помощи комплексного метода на основе материалов по археологии, антропологии, лингвистики, этнографии и других дисциплин.

The first of these is the fact that the
 number of the letters is not the same as the number of the
 words. This is because the letters are not always used in the same
 way. For example, the letter 'e' is the most common letter in the
 English alphabet, but it is not always used in the same way. It can
 be used as a vowel, or it can be used as a consonant. It can be used
 at the beginning of a word, or it can be used in the middle of a word.
 It can be used in a variety of different ways, and this is why the
 number of the letters is not the same as the number of the words.
 The second of these is the fact that the letters are not always used
 in the same order. For example, the letters 'a', 'b', and 'c' can be
 used in any order, and this is why the number of the letters is not
 the same as the number of the words. The third of these is the fact
 that the letters are not always used in the same way. For example, the
 letter 'a' can be used as a vowel, or it can be used as a consonant.
 It can be used at the beginning of a word, or it can be used in the
 middle of a word. It can be used in a variety of different ways, and
 this is why the number of the letters is not the same as the number of
 the words. The fourth of these is the fact that the letters are not
 always used in the same way. For example, the letter 'a' can be used
 as a vowel, or it can be used as a consonant. It can be used at the
 beginning of a word, or it can be used in the middle of a word. It
 can be used in a variety of different ways, and this is why the number
 of the letters is not the same as the number of the words. The fifth
 of these is the fact that the letters are not always used in the same
 way. For example, the letter 'a' can be used as a vowel, or it can be
 used as a consonant. It can be used at the beginning of a word, or it
 can be used in the middle of a word. It can be used in a variety of
 different ways, and this is why the number of the letters is not the
 same as the number of the words.

Глава первая

ПРОБЛЕМА ФИННО-УГОРСКОЙ ПРАРОДИНЫ

Как известно, венгерская праистория базируется на двух неоспоримых кардинальных положениях, разработанных еще в XVIII-XIX вв. сравнительно-исторической лингвистикой. Во-первых, венгерский язык входит в уральскую языковую семью. Во-вторых, ближе всего к нему языки обских угров, т.е. манси (вогулов) и хантов (остяков), которые вместе с венграми составляют угорскую ветвь финно-угорской группы уральцев /ОФЛ, 1974:55-58/.

Но больше всего научных споров вызвали не эти утверждения, а географическая локализация уральской прародины, то есть определение совместной исходной территории общих предков современных финно-угров и самодийцев до непосредственного отделения друг от друга /ОФЛ, 1974:28-42; Fodor, 1976:150-170; Козлова, 1978:9-16/.

Финно-угорской прародиной сперва считали и Алтай, а потом и территорию между Балтийским морем и Уральскими горами, часто район Волго-Окского междуречья, и по недавно выдвинутому предположению территорию Средней Польши; но самой распространенной среди всех многочисленных гипотез весьма продолжительное время признавались районы Среднего Поволжья и Камы. Однако в связи с анализом перечисленных выше концепций о прародине протоуральцев возник ряд методологических проблем, которые более подробно рассматриваем ниже.

Как известно, основоположник уралистики, видный финский лингвист М.А.Кастрен в середине XIX века придерживавшийся до сих пор не полностью доказанной концепции урало-алтайской язы-

ковой общности, считал первоначальной территорией формирования финно-угров и самодийцев сопредельные области Алтайских гор. Создатель финской археологии И.Р.Аспелин в последней четверти прошлого столетия попытался подвести археологическое обоснование под гипотезу Кастрена. Аспелин также думал, что прародина финно-угров - район гор Алтая и Саян, и так называемая единая урало-алтайская бронзовая культура, откуда прослеживается переселение финно-угров в северном, а потом в западном направлении /Kastren, 1853, 1869; Aspelin, 1875/.

Однако известный финский археолог А.М.Тальгрэн позже доказал полную неправильность этого взгляда Аспелина. Он писал, что помимо лингвистических свидетельств, которые локализуют прародину финно-угров в другом месте, археологические остатки также показали невозможность того, что уральский бронзовый век развивался из алтайского /Tallgren, 1914:73-83/.

Несмотря на это, венгерский историк Э.Мольнар спустя столет возобновил отброшенную концепцию Кастрена и Аспелина /Molnar, 1953; Мольнар, 1955/.

Основываясь на несомненных, но пока еще неясных урало-алтайских языковых параллелях, Мольнар связал афанасьевскую археологическую энеолитическую культуру в середине III тыс. - начале II тыс. до н.э. района Саянских гор и бассейна р.Енисей с древними уральцами. Главной аргументацией послужили упомянутые восточные, алтайские связи финно-угорских языков. На вопрос, где жили вместе далекие предки финно-угров и самодийцев, Мольнар отвечает в 1953 году следующим образом: "В этом отношении мы имеем единственную точку опоры (?!). Среди культуры области Саян памятники так называемой Афанасьевской культуры - III-II вв.

до н.э. соответствуют общественно-хозяйственному отношению, отражающемуся в словарном фонде финно-угорской языковой основы, и таким образом они принадлежат древним финно-уграм (?!). А носителем этой культуры, как можно установить на основе сохранившегося антропологического материала, были представители чистого протоевропеоидного типа".

Мольнар далее, ссылаясь на то, что одна из составных частей антропологического облика финно-угров — балтийский тип, — произвольно отождествляет загадочных рыжеволосых голубоглазых динлинов средневековых китайских хроник с угро-финнами. Не надо особо комментировать явно ошибочное утверждение Мольнара, что якобы развитие балтийского антропологического типа происходило из протоевропеоидного подтипа Алтая. Он также совершил грубую ошибку, когда связывал позднее расселение самодийцев из района Алтайских гор в северном направлении с вопросами географического определения прародины финно-угров. Он пишет об этом так: "Хотя Прокофьев не связывал самодийский вопрос с финно-угорским, но в Венгрии, где языкознанием было твердо установлено языковое родство самоедов и финно-угров, просто невозможно не связывать эти два вопроса. Значит, на основе советской теории о происхождении самоедов из района Саян, этногенез финно-угров также нужно искать в этом регионе".

Шведский исследователь О.Альмгрен еще в начале нашего века выдвинул более обоснованную гипотезу об уральской прародине, согласно которой распространенная от Прибалтики до Урала неолитическая культура с характерным гребенчатым орнаментом принадлежала древним финно-уграм /Almgren, 1905/. Финский ученый Е.Айлио придерживался сходной точки зрения считая, что в эпоху

неолита на пространстве от Ботнического залива на западе до Уральских гор на востоке и от Ледовитого океана на севере до средней России на юге жили финно-угры /Ailio, 1913:18/.

Некоторые финские лингвисты О.Койстинен, П.Равила, Ю.Тойвонен до последнего времени поддерживали мнение Альмгрена и Айлио, что прародина родственных им народов находилась в областях распространения ямочно-гребенчатой неолитической культуры лесной зоны европейской части СССР. Не далеко от этого было мнение Д.Ласло /László, 1961/. Однако он высказал предположение, что истоки уральцев хронологически надо искать не в эпоху неолита, как обычно принято было до него, а в верхнем палеолите и в более западной области Евразии, а именно в средней Польше, где впоследствии сформировалась свидерская культура - мезолитическая основа ямочно-гребенчатой керамики.

Позже, в 50-х годах, финский археолог А.Эйряня возобновил старую гипотезу Альмгрена и Айлио о финно-угорской принадлежности гребенчатой керамики северной лесной зоны европейской части СССР. (По его мнению, истоки гребенчатой керамики надо искать в мезолитической культуре Кунды в Прибалтике)^х. Сходную

х/ Здесь нет надобности более подробно излагать проблемы, связанные с археологическим комплексом Кунды в Прибалтике и культурой Шигира на Урале. Ещё в 1948 г. шведский археолог Р.Индреко выступил с гипотезой, по которой финно-угры потомки Кунды дошли до Урала и там явились создателями археологических памятников Шигира /Indreko, 1948:408/. В противовес этому несколькими годами позже, А.Я.Брюсов утверждал как раз противоположное. Однако оба исследователя

позицию занял в Финляндии известный археолог Ц.Ф.Мейнандер, в Венгрии, частично, Д.Ласло /*Áugärää*, 1950:1-43; *Meinander*, 1954; *László*, 1961/.

Среди советских исследователей также многие, хотя далеко не все, считают, что разные варианты гребенчатой или по современной терминологии, ямочно-гребенчатой культуры северо-восточной части лесной зоны Европы созданы предками современных финно-угорских народов, живущих до сих пор в этом регионе; археологические культуры их имеют несомненную преемственность от ново-каменного века до средних веков. Такие взгляды поддерживает М.М.Брюсов, частично языковед П.А.Аристэ и эстонские археологи Х.А.Моора и Л.Ю.Янтис, а позднее также Г.А.Панкрушева, Н.Н.Гурина и некоторые советские антропологи, как, например, Н.Н.Чебоксаров и К.Ю.Марк. По мнению Янтиса финно-угорское единство распалось уже в эпоху мезолита; просачивающиеся с востока в Прибалтику группы около III тыс. до н.э. имели типичную гребенчатую керамику; они были, повидимому, предками прибалтийских финнов. Культура сперрингс, находящаяся в более северных районах на берегу Балтийского моря, принад-

не имели в то время абсолютно-хронологического определения. За последнее время возраст культуры Кунды на основе радио-углеродных дат считают мезолитическим. Новый археологический материал убедительно свидетельствует о том, что предполагаемую связь этих двух далеких культур надо окончательно снять с повестки дня финно-угристики. Ни Индреко, ни Брюсов не были правы в своих утверждениях и, конечно, Ласло тоже /Брюсов, 1952/.

лежала протолопарям. Панкрушев, как и некоторые финские исследователи, считает, что предки современных балто-финских народов уже в мезолите находились в Прибалтике, то есть к этому времени уже окончательно завершилось разделение на отдельные группы финно-угорского единства /Брюсов, 1951; Ариста, 1956: 5-26; Янтис, 1956:142-172; Гурина, 1961; Чебоксаров, 1952; Марк, 1970; Панкрушев, 1978 :87-93/.

По мнению финского археолога Ц.Ф.Мейнандера, даже нельзя говорить ни о каких древних финно-уграх, тем более их языковой семье. Северо-восточная Европа просто была заселена разными популяциями, жившими, начиная с голоцена, рядом друг с другом; некоторые из них говорили на финно-угорских языках; позже, путем смены своего языка, они ассимилировались с уральцами. Подавляющее большинство населения в течение нескольких тысячелетий жило на одной и той же территории /Мейнандер, 1974:18-28/.

Нам кажется, что Мейнандер слишком категорически утверждает, что на пространстве от Урала до Ботанического залива и от Ледовитого океана до линии Рига-Казань, кроме финно-угров и самодийцев, другие языки не оставили никаких языковых следов. Ведь исследования академика Б.А.Серебренникова, а также и В.А.Никонова уже раньше указывали на то, что междуречье Верхней Волги и Оки могло принадлежать в далеком прошлом не предкам финно-угров, а другим, в языковом отношении пока не выясненным племенам (или, может быть, индоевропейцам). Об этом свидетельствуют выявленные топонимические данные этого региона, не объяснимые с помощью уральских языков /Серебренников, 1955; Никонов, 1960/.

Несмотря на это Мейнандер все-таки допускает как альтернативную возможность то, что современное географическое распрост-

ранение финно-угорских народов совпадает с ареалом их языковой основы в прошлом. Где теперь говорят на финно-угорских языках, лучше всего в археологическом отношении соответствует распространению гребенчатой керамики около III тыс. до н.э. Это неолитическое время, когда в лесной зоне Европейской части СССР происходила какая-то этническая консолидация, отражающаяся в появлении сходного археологического материала, дотоле относившегося к разным культурным традициям /Мейландер, 1974:28/. Однако приурочивание протоуральцев к такой огромной территории, на наш взгляд, неободительно; ведь тогда трудно объяснить сходные языковые факты в крайних группах этой семьи — относительно названия родства, частей тела, а также многочисленные черты грамматической структуры, на основе которой доказано существование в свое время более или менее единой финно-угорской общности /ОФЯ, 1974/.

Весьма своеобразны взгляды финского археолога В. Лухо. Он считает, что среди носителей ямочно-гребенчатой культуры первоначально финно-уграми было население только волго-окской группы, а остальные две группы — восточно-балтийская на западе и урало-камские на востоке — были индоевропейцами /Luho, 1968:56-57/.

Венгерский академик иранист Янош Харматта также считает, что прародиной финно-угров в верхнем палеолите и мезолите было Волго-Окское междуречье и отсюда распространялись древние саамы в западном направлении, а в восточном — предки самодейцев /Harmatta, 1967:568/. Таким образом, он также пробует связать мезолитическую археологическую культуру "Кунду", находящуюся в Прибалтике, с более поздними шигирскими памятниками на Урале. Итак, Харматта попытался найти золотую середину кон-

цепциями Р.Индреко, Д.Ласло, К.Вилькуна, с одной стороны, и тех, которые предполагали расположение исходной территории финно-угров в более восточных районах Европы, т.е. в районе Средней Волги, Прикамья и Урала, с другой стороны. Гипотеза Лухо и Харматта весьма сходна с мнением А.А.Формозова, согласно которому Волго-Окский бассейн — первоначальная территория финно-угров в мезолите, откуда позже в эпоху неолита распространялась гребенчато-ямочная керамика почти по всей северной зоне Европейской части СССР /Формозов, 1977:130-140/. Однако совпадение взглядов Харматта и Формозова достигнуто при разных методах, и они далеко не подтверждают друг друга. Как уже упоминалось, шигирская культура на Урале никак не являлась синхронной с археологической культурой Эстонии — Кундой, датированной радиоуглеродным методом II тысячелетием до н.э. Взгляды Харматта совсем не аргументированы /Harmatta, 1967/.

Однако Лухо, Харматта, Формозов и другие сторонники концепции, локализирующей уральскую прародину в Волго-Окском междуречье и в более западных районах в эпоху палеолита, мезолита или неолита, обычно оставляют без внимания упомянутые топонимические исследования лингвистов, из работ которых явствует, что субстратная топонимика данного района, также как Прибалтики, выявленные недавно эстонским лингвистом Аристе, не финно-угорского происхождения /Ariste, 1971:251-258/. Названные авторы обычно связывают ямочно-гребенчатую керамику, распространенную в неолите на огромной территории восточно-европейской лесной зоны, с финно-уграми, которые якобы из предполагаемого центра бассейна рек Оки и Волги распространялись на восток до Урала и на запад — до берегов Балтийского моря.

Однако новейшие открытия Д.А.Крайнова видимо заставляют археологов изменить взгляд на многие общие вопросы культур, связанных с ямочно-гребенчатой керамикой.

До недавнего времени эти культуры датировались по разному — от конца IY до середины II тысячелетия до н.э., однако радиоуглеродных дат не было. Широко бытовала гипотеза об экспансии т.н. льяловской культуры из Волго-Окского междуречья и распространения ее на огромной территории Европейского Союза СССР. Однако недавно на основе радиоуглеродных дат выяснилось, что культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье, в верховьях Дона, в Карелии, на Кольском полуострове и также в Прибалтике, появляются почти одновременно в конце IY и начале III тысячелетия до н.э. На всем пространстве лесной зоны европейской части СССР — от Волго-Камья до Прибалтики наблюдается общая закономерность в смене неолитических культур. Поэтому вопрос о происхождении ямочно-гребенчатой керамики усложняется /Крайнов, 1978:60/.

На наш взгляд, широко распространенное мнение, что на западных землях европейской части СССР основная волна протоуральцев, предков прибалтийских финнов, могла появиться в эпоху мезолита и неолита, как это предполагали Р.Индрека, К.Вилкуна, Д.Ласло, Н.Харматта и другие ученые — является необоснованным. Эти взгляды не подтверждаются не только уже упомянутыми топонимическими данными Прибалтики и Волго-Окского междуречья не финно-угорского происхождения, а также некоторыми протоиранскими заимствованиями в эстонском и финском языках, относящимися к присваивающему и производящему хозяйству /Харматта, 1977:169-172/. Наряду с этим общие слова поволжских финно-угор-

ских языков с прибалтийскими, связанные с земледелием и скотоводством, в какой-то мере должны свидетельствовать о том, что, видимо, западные финно-угры появились на их современных этнических территориях вряд ли в эпоху неолита, по крайней мере не раньше чем появление производящего хозяйства, которое в Восточно-европейской лесной зоне возникло в основном во второй половине II тыс. до н.э. Отсутствие следов производящего хозяйства в неолитической археологической культуре бассейна рр. Верхней Волги и Оки говорят о том, что иранские слова "жеребенок" и "теленок", "вымя", "поросенок", "зерно" вряд ли могли попасть в западный эстонский и финский язык раньше появления текстильной керамики, общей для Поволжья и Прибалтики в эпохи бронзы и железа /Найди, 1978:87-93/.

Помимо саяно-алтайской прародины или территорией между Уралом и Балтийским морем некоторые исследователи локализовали исходные земли финно-угров лишь в районе Волго-Камья. Впервые высказал эту точку зрения Т.Аминов в 1873 году /ОФЯ, 1974:31/.

Русский академик Ф.П.Кеппен, первым применивший палеолингвистический метод в локализации древней родины финно-угорских народов, исходя из данных о названиях деревьев, особенно липы, но еще в большей мере о названии пчелы, уже в 1886 г. утверждал, что перед расселением их исходной территорией является восточная лесистая область России к среднему течению Волги и на широте ее поворота на юг /Кеппен, 1886/. Это концепция о финно-угорской прародине вплоть до последнего времени была самой популярной. Как известно, Кеппен выдвинул тезис о том, что общая индо-европейская и финно-

угорская прародина локализуется в восточной Европе, а не в Азии, помимо всего прочего потому, что пчелы будто бы не встречаются в Сибири, и завезены туда только в XIII в. н.э. русскими переселенцами. Кеппен прав, что финно-угорские языки имеют общее название пчелы и меда и что эти корни есть и в индо-европейских языках, в том числе и в тохарском, из которого, как недавно доказал В.В.Иванов, они попали даже в китайский /Иванов, 1971:143/.

Это широкое распространение общего названия пчелы в совершенно разных языковых семьях, к тому же неизвестного первоначального происхождения (по мнению одних - финно-угорского, других - индоевропейского), вызывает недоверие к использованию его лингвистами как одного из главных аргументов в локализации финно-угорской прародины в Восточной Европе. Мнение Кеппена, что пчела ранее не была известна в Сибири ошибочно, так как дикая разновидность была известна и к востоку от Урала до переселения туда русских. Это неверное предположение ввело в заблуждение несколько поколений лингвистов, пытавшихся определять финно-угорскую прародину обычно к западу от Уральских гор. Такое представление весьма широко бытует среди специалистов даже сейчас. Хотя уже в 30-х годах эстонским этнографом Ф.Линнусом было доказано, что в Сибири есть дикие пчелы, и поэтому на основе названия "пчелы" нельзя определить уральскую прародину / Linnus, 1940:23; Fodor, 1976:153/. Вызывает удивление, что ошибочное мнение, выдвинутое еще в прошлом веке Кеппеном, кочующее без всякой проверки из одной работы в другую, хотя было окончательно отвергнуто еще 30 лет тому назад, тем не менее до сих пор почти общепринято не только среди ар-

хоологов, но даже у лингвистов. Большинство исследователей, как, правило, считает, что основная территория обитания и формирования ядра финно-угорского населения находится в Волго-Камье, тем не менее эта гипотеза не подтверждается данными не только смежных дисциплин, но даже и материалом самой лингвистики. Об этом будет подробно сказано ниже.

Советский археолог П.Н.Третьяков связывал древних финно-угров с неолитической волосовской культурой западных склонов Урала близ рр.Камы и Волги. Оттуда потом, по его мнению, они распространялись во П тыс. до Финляндии /Третьяков, 1961, 1966/.

Что же касается этой поволжской археологической концепции прародины уральцев, следует отметить, что в последнее время выяснилось, на основе самых новейших советских исследований Д.А.Крайнова и Г.А.Панкрушева в районе верхней Волги, Карелии и Прибалтики, волосовская неолитическая культура средней Волги и Прикамья никогда не распространялась. Предположение П.Н.Третьякова о том, что волосовская культура из исходной территории лесистого Поволжья и Приуралья достигла берегов Балтийского моря и являлась основной волной переселения финно-угорских народов на Запад, не подтвердилось /Крайнов, 1978:61; Панкрушев, 1978:87-93/.

До сих пор многие исследователи считают, что ямочно-гребенчатая культура в Верхнем Поволжье сменилась пришедшей с востока волосовской культурой. Однако в связи с открытием ранне-неолитической верхневолжской культуры Д.А.Крайновым должна быть по-иному решена и волосовская проблема. Изучение волосовских памятников показывает, что эта культура неоднородна, выделяется несколько ее локальных вариантов: волго-камский, окский, волго-

клязьминский (ляловской) верхневолжский и т.д. Эти варианты вряд ли являются хронологическими этапами культуры. По мнению Д.А.Крайнова и некоторых других исследователей все эти варианты возникли на месте в результате дальнейшего процесса развития местных неолитических племен. Они считают, что никаких миграций из Волго-Камья в II тысяч. до н.э. не было /Крайнов, 1977:60; Гурина, 1977:16-18/.

Упомянутая концепция Н.Н.Третьякова об исходной территории финно-угров в Поволжье, впервые изложенная в журнале "Советская этнография" в 1961 г., а затем в его обширной монографии в 1966 г., все время выглядела весьма стройной и привлекала к себе много сторонников не только в Советском Союзе, но и за границей. Так, венгерский археолог И.Фодор и академик П.Хайду в своих публикациях неоднократно оценивал работу Третьякова как доказательство того, что с помощью археологических методов можно надежно выявить постепенное переселение финно-угорских групп с востока на запад, от Урала вплоть до Прибалтики. Помимо этого названные венгерские ученые воспользовались материалами Третьякова для опровержения взглядов Ласло, который как раз утверждал обратное, а именно, что население позднепалеолитической или мезолитической свидерской культуры, распространенной с запада на восток, из Средней Польши в лесной зоне европейской части СССР, является основной волной освоения финно-уграми данной территории, и что уже в неолите финно-угры более или менее заняли свои современные места заселения /Ласло, 1972:7-10/.

Кажется из волосовской культуры Поволжья нельзя вывести археологический материал более западных областей, точно также

исключается распространение других ямочно-гребенчатых культур в обратном направлении, т.е. с запада на восток. Таким образом, на современном уровне наших знаний пока остается в силе ранее высказанная точка зрения М.Е.Фосс относительно археологических культур севера Европейской части ССР в эпоху неолита. По ее мнению, несмотря на то, что т.н. ямочно-гребенчатые мотивы на керамике занимают огромную территорию, тем не менее при более тщательном изучении внутри нее хорошо выделяются самостоятельные археологические культуры, как, например, камский неолит Урала и Поволжья, Волго-Окская и Прибалтийская культурные области /Фосс, 1952/. Хотя происхождение ямочно-гребенчатой керамики в специальной литературе пока еще полностью не разрешено, несмотря на это уже сейчас видно, что эти отдельные археологические культуры нельзя выводить друг из друга, как пытались в прошлом некоторые исследователи, в том числе Третьяков. А наблюдаемое сходство между ними совсем необязательно объяснять этническим единством данной территории в период ново-каменного века, хотя в этих же землях живут теперь все финно-угорские народы, за исключением венгров.

До 60-х гг. нашего столетия представители лингвистической палеонтологии считали, что в уральских языках одновременно существовали названия деревьев сибирской тайги (лиственница, кедр) и среднеевропейских широколиственных лесов (вяз, береза, дуб) и в связи с этим финно-угорскую прародину искали на той территории, где эти два типа лесов соприкасаются друг с другом. Этому требованию лучше всего соответствовала область европейского Приуралья - Прикамье. Это объясняет популярность

концепции о финно-угорской прародине, которая локализовала обычно в области среднего Поволжья.

Однако венгерский археолог Д.Ласло в 1961 году указал в своих исследованиях на важную методологическую проблему относительно определения исходной территории протоуральцев. Он первый предложил применить палеонтологические данные для освещения данной проблемы. Но к сожалению он допустил ошибку, когда писал, что впервые сибирская тайга соприкаснулась с деревьями широколиственных лесов Северо-Восточной Европы во II тысячелетии до н.э. На эту неточность указал академик П.Хайду, который выдвинул новую западно-сибирскую концепцию относительно региона происхождения финно-угров и самодийцев. П.Хайду совершенно прав, когда на основе советских палеонтологических исследований, подкрепленных радиоуглеродной датировкой, утверждает, что контактная зона европейских широколиственных лесов и сибирская тайга возникла на 2-3 тысячи лет раньше, чем предполагал Ласло /Ласло, 1972:8; ОФЯ, 1974:36/.

С весьма оригинальной концепцией выступил крупный советский археолог В.А.Чернецов. Он выводил предков уральцев из мезолитических культур Аральского моря, расселившихся из этого первоначального центра в конце мезолита как в Западную Сибирь, так и в Волго-Камье /Чернецов, 1951, 1963:405-411; 1969:112-119; 1973:10-17/. Его взгляды вызвали много споров, продолжающихся по настоящее время. В ходе этой дискуссии он уточнил свою точку зрения особенно в хронологическом аспекте. О.Н.Бадер высказал сходную точку зрения, локализуя финно-угров в эпоху мезолита по обеим сторонам уральских гор /Бадер, 1970:169, 1972/.

В основном не противоречит мнениям Чернецова и Бадера, результаты исследований Х.А.Халикова в этой области, хотя он и не согласен как и П.Н.Третьяков, А.П.Смирнов, Л.П.Лашук и др. с тем, чтобы выводить единую неолитическую культуру обеих сторон Уральских гор из Средней Азии на основе идентичных мотивов в керамике. В.Ф.Генинг общей прародиной финно-угров и самодийцев предполагает палеолитическую Западную Сибирь и Казахстан (Генинг, 1967:262-211; 1970:808-814/. К.И.Козлова совершенно права когда критикует Генинга, что вряд ли правомерно искать генезис современных языковых семей в глубине палеолитической эпохи, параллельно с возникновением членораздельной речи. Впрочем этому противоречит и ностратическая теория, по которой уральскую, алтаискую, индоевропейскую, дравидскую, хамито-семитскую, кавказскую языковые семьи можно свести к одному общему - ностратическому предку /Козлова, 1978:14; Hajdu, 1964:47-88; 1969:252-264; Serei, 1970:410-413; ОФЯ, 1974:35-40/.

Вызывает особый интерес то, что границы общей территории финно-угорской прародины, как видно из нашего короткого обзора, ученые определяли по-разному, но ни один специалист, кроме В.Н.Чернецова, не локализирует уральцев в южных областях Евразии, в основном все ищут в лесной зоне, простирающейся от Балтики до Алтая. Отметим, что привлекая дополнительные данные и теоретические положения разных дисциплин, из всех выше перечисленных гипотез, по-видимому можно все же выбрать ту концепцию, которая более близка действительности в локализации ранних совместных территорий общих предков современных финно-угорских и самодийских народов, то есть древних уральцев.

Как известно, сложный вопрос этнического определения археологических культур давно волнует специалистов и является важной, но, к сожалению, до сих пор нерешенной проблемой этногенетических исследований комплексного направления. Несмотря на неокончательное решение этого кардинального вопроса, тем не менее были сделаны серьезные попытки не только территориально-го, но и археологического определения индоевропейской, алтайской, кавказской, а также уральской языковых семей, возникших видимо не ранее мезолита или неолита. Более того, даже пытались установить географическую локализацию так называемой ностратической макроязыковой семьи в Передней Азии. Правда, эта интересная, заслуживающая внимания гипотеза вела слишком далеко в хронологическом отношении — к эпохе верхнего палеолита, являющейся в этническом аспекте, мягко говоря, слишком неопределенной. Пока вряд ли является благодарной задачей искать в древнекаменном веке прямых предков отдельных современных языковых семей.

В методическом отношении венгерский профессор Б.Гунда, пожалуй, в какой-то мере может быть прав, говоря, что чем дальше проникать вглубь истории, тем больше вероятность совпадения этноса, культуры и даже антропологического облика. Более или менее сходные взгляды были высказаны А.Я.Брюсовым и частично В.Н.Алексеевым /Брюсов, 1964; Алексеев, 1974/.

То, что в прошлом археологическая культура могла совпадать с этносом — в принципе возможно, несмотря на то, что в подтверждение этого предположения мы имеем пока мало конкретных данных и не только из-за проблематичности понятия самой археологической культуры, но и из-за сложности определения этноса в усло-

виях первоисточности. Не ожидая, пока все будет ясно в этом отношении, мы теперь просто обратим внимание на недостаточно известное, но тем не менее ценное утверждение В.Н.Чернецова. Он считает, что формирование, развитие и географическое распространение каждой значительной археологической культуры всегда происходило на реальной территории и требовало длительного времени /Чернецов, 1969:II--III/.

Итак, закономерно, что под влиянием длительной совместной жизни данной популяции в ее материальной культуре могут возникнуть некоторые общие черты, которые находят отражение в археологических находках, особенно в изобразительном искусстве, мало зависящем от хозяйственного уклада и географической среды. Эти традиционные, но обычно не функционирующие в хозяйственной жизни черты, характерные для каждой настоящей общности, отделяют ее от соседней и дают т.н. этнические признаки. В.Н.Чернецов, А.П.Окладников, А.А.Формозов, Я.В.Чеснов считают, что в северной Евразии большие а зональные археологические комплексы в эпоху мезолита и неолита составляли этнокультурные ареалы. Их создателей принимают за единую этническую общность, но не в современном понимании этого слова, а подразумевая большое этнолингвистическое единство целой языковой семьи или части ее /Чернецов, 1969; Чеснов, 1970; Окладников, 1970; Формозов, 1977/. В этом отношении важно то обстоятельство, что границы этих археологических культур новокаменного века, как правило, имеют хорошо выраженные географические рубежи, т.е. занимают целую физико-географическую страну. Похоже на то, что распространение сходного археологического материала часто не совпадает с отдельными ландшафтно-климатическими зонами того вре-

мени. По мнению исследователей, более важную роль играют водоразделы, расположенные в меридианальном направлении, в общем они представляют собой западные и восточные границы неолитических культур на севере Азии. Естественно, это наблюдается не в абсолютном смысле, но в тенденции. Как известно, географическая страна — азональная морфо-геологическая единица, имеющая определенную флору, в меридиональном направлении включает в себя несколько ландшафтных зон /Чеснов, 1970:20/. Так, например, в Западно-Сибирской низменности, которая на востоке граничит с Енисеем, а на западе с Уралом, можно найти зоны: тундру, лесотундру, тайгу, лес, лесостепь и степь. Последняя граничит с Казахстаном, вместе с которым входит как отдельная подзона в евразийский степной пояс, распространяющийся в широтном направлении от Монголии до Венгрии /Косарев, 1974:21-24/.

Как известно, все эти перечисленные ландшафтно-климатические зоны, следующие друг за другом с юга на север, существовали не всегда в таком виде. В Евразии эти экологические пояса возникли в начале голоцена, когда на рубеже верхнего палеолита и раннего мезолита с исчезновением ледникового покрова формировались современные физико-географические зоны нашей земли, вследствие общего потепления, послужившего одним из толчков "неолитической революции" в засушливой области Передней Азии /Хотинский, 1977; Шнирельман, 1973/.

Однако отклики этого качественного скачка производительных сил Ближнего Востока в это время, т.е. IX-XII тыс. до н.э. в Северной Евразии, в том числе и Западной Сибири, не чувствовались, т.к. это имело тогда только потенциальный и локальный

характер. В Северной Азии неолит начался немного позже, чем в Передней Азии, около IY тыс. до н.э. и тогда здесь распространился новый метод обработки камня и появилась керамика, несомненно под южным, кельтеминарским влиянием /Толстов, 1948:65; Чернецов, 1953: 30-36; Лашук, 1968; Старков, 1977/. На современном уровне наших знаний в Северной Евразии были распространены неолитические археологические культуры, которые обычно пересекали разные экологические зоны. Во всяком случае для территории Зауралья и Западной Сибири это явление было характерно, по мнению подавляющего большинства исследователей, хотя в этом отношении в последнее время более осторожно высказался М.Ф.Косарев, который ждет окончательного решения этого вопроса от результатов дальнейших археологических раскопок: ведь интенсивное исследование северо-западной Сибири началось только недавно /Косарев, 1974:3-13/.

В связи с этим обратим внимание на высказывание некоторых ученых, по мнению которых в неолите многообразие окружающей природы, например, лес и степь, не имело большого значения для присваивающей хозяйственной деятельности человека. Внутри неолитической археологической культуры, занимающей целую физико-географическую страну, найдем разные природные условия /Chara, 1958:181-185; Чеснов, 1970:20/.

Помимо Евразии, по мнению К.Биркет-Смита сходные явления прослеживаются и на других континентах, как, например, в Австралии, где в джунглях и в сухих степях в сущности находим одну и ту же культуру /Birket-Smith, 1965/. Чем объяснить причины этого интересного явления? Очевидно правы те,

кто предполагает, что возникновение и долгое существование неолитических археологических культур независимо от географических зональностей в частности объясняется тем, что слабо дифференцированная присваивающая экономика рыболовов и охотников не требовало особой специализации их хозяйства. На низком уровне общественно-экономического развития в отличие от поздних периодов еще не могли сформироваться разные хозяйственно-культурные типы по ландшафтно-климатическим зонам, в будущем столь характерные не только для Северной Евразии, но и Америки. Несомненно, что в каменном веке из-за слабого развития производительных сил общественное разделение труда было слабо выражено (только по полу, по возрасту и по сезонам). Но как раз благодаря сравнительно слабой адаптации к местным специфическим условиям окружающей среды удалось распространиться человеческим коллективам, занимающимся охотой (и рыболовством), по всему земному шару. Слишком узкая специализация в прошлом грозила опасностью ухудшить возможность приспособляемости культуры данного коллектива к новым условиям. Но сама по себе углубляющаяся специализация в хозяйстве всегда являлась главным механизмом развития производительных сил, важным путем общественно-экономического развития. Можно сказать, что материальная культура есть функция приспособляемости экономической жизни к окружающей природной среде сообразно степени развитости общественных отношений данной социальной единицы или этноса / Birket-Smith, 1965/.

Однако с точки зрения этногенеза можно предполагать, что сходны не только каменные и костяные орудия труда, но и их система орнаментации, керамическая посуда с идентичными деко-

ративными украшениями, распространенными на большой территории, более или менее одинаковый стиль наскальных изображений, находящихся внутри физико-географической страны и независимых от природных условий, тогда создатели и носители данной археологической культуры должны были составлять своеобразное этническое единство /Чернецов, 1969; Чесноф, 1970/.

В этом отношении географическое распространение сложных систем орнаментики керамического материала играет особенно важную роль. Неолитическую археологическую культуру, судя по резко специфическим орнаментальным узорам, следует считать принадлежащей обществу с замкнутой брачной организацией. Это можно объяснить тем, что женщины, изготавливающие посуду (о чем свидетельствуют отпечатки пальцев маленького размера) согласно своим эстетическим нормам циркулировали в пределах больших эндогамных коллективов, внутри которых существовали строго экзогамные правила, заставляющие искать брачного партнера в пределах большой территории /Герценберг, 1972:43-53/. Все это должно было привести рано или поздно к культурной, в том числе и языковой нивелировке, то есть долгое время можно было поддерживать сравнительную этническую гомогенность и замкнутость довольно больших популяций. Более вероятно, что в первоначально общинном строе все-таки не племя, а более широкие общности, цепь племенных объединений, по терминологии Г.Ф.Дебеца и Н.Н.Чебоксарова - соплеменность, являлись основной единицей этнического деления каменного века /Чебоксаров, 1964; 1970:746-757/. Их этническую сплоченность создавала главным образом экзогамия и основывающиеся на ней широко распространенные дуально-экзогамные половинки, "брачные классы" или фратрии. Эта общераспро-

страненная бинарная система общественной жизни родоплеменного строя способствовала в большой мере языковой нивелировке не только внутри племени, как диалектно-этнографической группы, но намного шире. В это время, как и позднее, языковой фактор среди близко родственных диалектов еще не мог играть этноразделительной роли. Вообще можно сказать, что этническое разделение внутри компактно живущих групп, родственных в языковом отношении, протекало довольно медленно и обуславливалось, как правило, не языковым фактором, а хозяйственно-культурным различием. Типологические примеры из исторического времени подтверждают эту гипотезу и дают право распространить ее на более отдаленные времена, вплоть до существования такой большой этнолингвистической общности, как языковая семья.

Судя по всему, можно утверждать, что если действительно существовали азонально расположенные археологические культуры в эпоху новокаменного века, тогда они имели комплексной не дифференцированный экономический характер, и вместе с тем могли составлять в какой-то мере этническое единство. Некоторые исследователи связывают эти этнокультурные ареалы с языковыми семьями или с большими этнолингвистическими общностями прошлого, давшими далекий субстрат некоторых современных народов /Окладников, 1970; Чернецов, 1969:113; Чеснов, 1970/.

В том, что в этой гипотезе кроется зерно истины, вопреки скептическим взглядам, можно удостовериться привлечением других методов смежных дисциплин, в том числе и новых данных лингвистической палеонтологии.

Высказанные выше соображения, в какой-то мере теоретического характера, относящиеся к сравнительно слабо адаптировавшим-

ся неолитическим рыболовам и охотникам (собираателям) к местным, узко локальным природным условиям Северной Евразии, с успехом можно применить не только для воссоздания древнего хозяйственно-культурного развития этого региона, но и для реконструкции этногенеза современных финно-угорских народов, живущих, кроме венгров, до сих пор здесь.

Собственно, только начиная с 1950-60 г. после накопления большого фактического материала, можно серьезно говорить об опытах синтеза, когда исследователи, действительно применяя более или менее комплексный метод, пытались более точно определить ту территорию, где жили общие предки уральцев в прошлом, до своего разделения. Во всяком случае, большое значение имеет та новая тенденция, что результаты разных дисциплин по этому вопросу, использующих различные методы, в последнее время, в отличие от прошлого, все больше сближаются. Весьма примечательно, что параллельно с критикой самой распространенной концепции Волго-камской прародины в Венгрии в советских исследованиях все более утверждаются обоснованные взгляды покойного В.Н.Чернецова, а также О.Н.Бадера и Х.А.Халикова. По теории Чернецова неолитическая культура Западной Сибири и ее прилегающих территории, включая обе стороны Урала, возникла на поздних мезолитических основах, распространенных из региона Восточного Прикаспия и Аральского моря. Видимо эта сравнительно единая культура неолита азонально пересекала разные ландшафтно-климатические зоны Западной Сибири, что свидетельствует о некоем этническом единстве на данной территории, представлявшим собой в свое время уральскую языковую семью /Чернецов, 1951, 1963, 1969; Халиков, 1967, 1969; Бадер, 1970, 1972/.

Эту гипотезу В.Н.Чернецова, возникшую на основе тщательного ретроспективного исследования археологических культур перечисленных областей, подтверждают в некоторой степени южные лингвистические связи уральских языков с некоторыми другими ностратическими языками, прежде всего, индоевропейскими, алтайскими и может быть дравидскими /Иллич-Свитыч, 1971, 1976; ОФЯ, 1974:42-50; Андронов, 1965:93-103/. Это соответствует также и самым новым палеолингвистическим определениям уральской пра-родины П.Хаиду, венгерским академиком, который привлечением анализа пыльцы и на основе подробных критических лингвистических исследований, пришел к новому важному выводу. Он, отбросив ошибочную концепцию Ф.П.Кеппена и Д.Ласло и их последователей, воспользовавшись последними результатами исторической экологии реконструкции динамического развития лесного покрова северной Европы выявил, что в современных уральских языках в основном можно найти только общие названия сибирской тайги, а из деревьев средневропейского смешанного леса можно обнаружить лишь вяз /ОФЯ, 1974:34-36/.

П.Хаиду исходил из того общеизвестного факта, что современные уральские языки имеют очень много названий деревьев. При помощи тщательного лингвистического анализа он выявил из этих слов те, которые имеют происхождение в эпоху существования еще единой уральской языковой семьи. После этого отбора остались только те этимологии, которые имеют безупречное фонетическое соответствие, и у которых первоначальное значение уверенно можно реконструировать на основе финно-угорских и самодийских языков. На основе таких требований можно было вывести названия следующих деревьев: береза, тополь, ива, вяз, ель, кедр, пихта,

лиственница. Однако береза, тополь и ива не имеют значения для определения уральской прародины, ибо последнее 12-тысячелетие они повсюду встречаются в лесной и лесостепной местностях Советского Союза.

П.Хайду считает, что даже ель сама по себе, отдельно от таежных деревьев, только указывает, что прародина должна была быть в северной, таежной зоне Евразии. Ведь она уже в начале голоцена распространилась на весьма большом пространстве — от Восточной Сибири через Урал до Белого моря.

Таким образом, по мнению П.Хайду, общую территорию древних уральцев непосредственно перед их разделением следует искать в районе тайги, а именно там, где в прошлом соприкасались границы северо-западной части сибирской тайги (характеризующейся кедром, пихтой, лиственницей) и северо-восточной части среднеевропейских широколиственных лесов, состоящих из вяза, дуба и липы, постепенно распространившихся из центральной Европы в северо-восточную до Урала.

Особенно важно, что древние финно-угры еще до разделения познакомились с вязом, первым из европейских деревьев в смешанных широколиственных лесах, появившимся с запада в районе Урала уже в среднем голоцене. По мнению Хайду, прародина финно-угров далеко не проникала к западу от Урала.

П.Хайду определяет прародину общих предков финно-угров и самодийцев, хронологически в 6000-4000 лет до н.э., в конце мезолита и в эпоху неолита средней части северной Евразии, в районе северного Урала, точнее между нижним и средним течением рр. Оби и Печоры, в основном в сибирской стороне Уральских гор /ОФН, 1974:35-36/. Среди специалистов еще никто не заметил, что сходные результаты получил недавно и американ-

ский ученый К.Шеррен/Serei, 1970:410-413/.

Принимая во внимание все эти данные, мы считаем концепцию Хайду относительно уральской прародины самой лучшей среди существующих лингвистических теорий, потому что она, по нашему мнению, больше всего соответствует современным требованиям науки в данной теме и с ее помощью можно больше всего объяснить проблему этногенеза древних финно-угров. Это является, несомненно, главным критерием при выборе среди разных альтернативных гипотез. Мы хотели обратить особое внимание специалистов на нее, ведь она впервые была выдвинута более 10 лет назад, в 1964 г., и тем не менее в подавляющем большинстве исследователи данной тематики по инерции ссылаются на те явно ошибочные лингвистические концепции финно-угорской прародины, которые локализируют исходную область древних уральцев в Среднем Поволжье, на Волго-Каме или Волго-Окском междуречье. Естественно, мы не считаем, что исследованиями П.Хайду этот вопрос полностью исчерпан и в дальнейшем не могут возникнуть отличающиеся от его теории. Но на современном уровне знаний она является "последним словом науки", занимающейся формированием истории разных уральских (финно-угорских-самодийских) народов. Те гипотезы, которые игнорируют взгляды Хайду и строят свои концепции прародины уральцев, не принимая их во внимание, не являются научно корректными.

Новое определение прародины общих предков уральцев лингвистической палеонтологией является большим достижением. Этот частный результат вполне достаточен для того, чтобы сравнительно однородный археологический материал территории Западной Сибири связать с уральской языковой общностью, тем более,

что по мнению большинства советских археологов обширную область Урала можно отнести в мезолите и неолите этнически еще недифференцированно к финно-уграм и самодийцам.

Помимо вышеупомянутых палеолингвистических и археологических исследований, предположение уральской прародины в какой-то мере также подтверждается и результатами палеоантропологии последних десятилетий. По мнению большинства специалистов первоначальный расовый облик древних финно-угров не был восточно-балтийским, как раньше ошибочно предполагали Лайош Бартуц, Пал Липтак, а так называемым уральским метисным типом. Он видимо возник в Северо-Западной Азии в контактной зоне европеоидной и монголоидной больших рас. Однако его распространение в прошлом было намного шире. В лесной зоне европейской части СССР с неолита или может быть и раньше можно выявить его разные суоуральские и лапонидные варианты. На этой территории такой антропологический тип прослеживается и в настоящее время прежде всего среди финно-угорских народов с убывающими тенденциями на запад. Самые типичные представители уральской расы - аборигенные народы Западной Сибири - прежде всего обские угры. /Чебоксаров, 1952:43; Марк, , 1956:228-229; Дебец, 1961: 67; Трофимова, 1963:51-92; Алексеев, 1969 ср.: Якимов, 1957; Бунак, 1965; Липтак, 1970:90-94/.

Относительно западной сибирской концепции финно-угорской исходной территории следует отметить, что возникшие независимо друг от друга идеи языковеда А.Б.Долгопольского о ностратической прародине на юге Евразии и предположения Г.Н.Матюшина, выявившего центр распространения своеобразного мезолитического микролитического инвентаря заслуживают в дальнейшем особого внимания /Долгопольский, 1971; Матюшин, 1976/. Если в археоло-

гии в дальнейшем подтвердятся данные Матюшина о том, что мезолит Зауралья возник под непосредственным влиянием закаспийских культур, в таком случае надо признать весьма плодотворным ранее высказанное предположение В.Н.Чернецова и частично С.П.Толстова о том, что прото-уральцы на севере Западной Сибири появились из районов Средней Азии. Взгляды В.Н.Чернецова, которые в первоначальной форме, правда, относились к более позднему времени - южной неолитической культуре кельтеминара региона Аральского моря, но позже были удревлены до позднего мезолита, могут быть подкреплены некоторыми дополнительными данными. Так, до сих пор исследователи не обратили должного внимания на то интересное обстоятельство, что некоторые финно-угорские слова "снег", "замерзать", "лыжа", "соболь", "куница", "олень", "лось" и также названия деревьев сибирской тайги, с помощью которых И.Хайлу локализирует уральскую прародину в Западной Сибири, имеют несомненные алтаиские параллели / Diószegi, 1947; Sinor, 1969:280; Hajdú, 1964; ОФЯ, 1974:47/. Последние термины эти сохранились даже в языках тех финно-угров, которые теперь живут не в тайге, а в зоне широколиственных лесов Восточной Европы, и могут быть интерпретированы таким образом, что древние уральцы первоначально, по-видимому, не знали северный край и тайгу. Следовательно, они могли заимствовать их только от аборигенного населения проталтаиского происхождения, которое распространялось из Восточной Сибири в голоцене вместе с продвижением в таежный лес в западном направлении из дальневосточного центра до Урала, а потом еще и западнее.

Таким образом, указанные выше алтайские заимствованные названия таежных деревьев и других слов, в том числе и названий рыб в финно-угорских языках косвенно могут свидетельствовать о том, что древние уральцы все-таки являются пришельцами в западно-сибирской тайге, выходцами с юга. А если это так, то с этим южным этническим движением лучше всего связывать мезолит Зауралья, для которого исходным пунктом является северный и восточный Прикаспий. Значит, мнение венгерского археолога Ласло о том, что в уральских языках нельзя выявить языковой материал, который бы указывал на то, что протофинны-угры раньше не жили бы в лесах северной Евразии, по-видимому, является поспешным /Ласло, 1963:41/. Однако Ласло прав, что до сих пор наука не располагала лингвистическими данными, которые непосредственно свидетельствовали бы о том, что общие предки финно-угров и самодийцев жили в степных или пустынных районах Евразии. Однако никто из лингвистов не искал прародину уральцев в таких южных областях. Более того, вряд ли такая попытка была бы результативна, так как древние финно-угры, переселившись из южных, бедных растительностью районов в сибирскую тайгу, более богатую флорой и фауной, не так уж много могли сохранить в своем языке слов, относящихся к животному и растительному миру засушливых районов Средней Азии.

По нашему мнению тот факт, что некоторые названия сибирских деревьев в современных языках финно-угорских и самодийских народов имеют алтайскую этимологию, дает нам право предположить не только об алтайском языковом субстрате у них, который распространяется кроме их словарного фонда и на их грамматическую структуру, но и то, что предки уральцев видимо не являлись

аборигенами в Западной Сибири, а могли появиться там в эпоху мезолита из более южных областей. Далее, этому предположению В.Н.Чернецова не противоречат и некоторые данные антропологии. По утверждению Г.М.Давыдовой, даже у северных манси в субарктическом районе в бассейне рр.Сосьвы и Ляпина помимо протомонгоидного "монголоидного" антропологического облика выделены признаки европеоидной расы, а именно в южном средиземноморском варианте /Давыдова, 1976/.

Время существования неразделенной уральской языковой семьи можно определить, принимая во внимание несколько факторов. Абсолютную хронологию дает прежде всего тот факт, что характерные для финно-угорского языка-основы группы деревьев тайги не могли встречаться раньше чем 6000 лет до н.э. с вязом; ведь восточная граница его распространения дошла до Урала, как уже упоминалось, довольно поздно, лишь в среднем голоцене. Дуб же распространялся к северо-востоку намного медленнее, чем вяз. Он появился в бассейне Печоры во втором периоде среднего голоцена. Название дуба в разных финно-угорских языках различно. Из этого можно сделать вывод о том, что, видимо, финно-угры уже не составляли единства в то время, когда дуб появился в бассейне рр.Камы и Печоры, около III-II тыс. до н.э. К хронологии финно-угорского периода уральские языки имеют несколько индоиранских (вернее протоиранских) заимствований. Поскольку эти слова отсутствуют у самодийских групп, предполагают, что их заимствовали в финно-угорский период после разделения уральского языка-основы на две части: на прото-финно-угорский и на прото-самодийский язык-основу /Найдау, 1964; 47-83; 1978; ОЛЯ, 1974:36/.

По П.Хайду, после распада уральской общности предположительно в IY тысячелетии до н.э., часть финно-угров отодвинулась к западу, где на европейской стороне Урала, в бассейне Печоры и Камы они познакомились с лесами, для которых характерным было наличие, кроме вяза, дуба и липы (ОФЯ;1974:36/.)

А.Раун и Е.Кингс недавно применили глotoхронологический метод для определения времени распада финно-угорской общности. Принимая во внимание основной тезис, что спустя тысячелетие после отделения двух языков друг от друга должно остаться 74 % словарных соответствий, через 2 тысячелетия - 55 %, через 3 тысячелетия - 41 %, через 4 тыс. - 30 %, они высчитали, что венгерский и финский языки отделились друг от друга около 4-5 тыс. лет тому назад, чему соответствует в словном списке 21-47 % сохранившихся слов /Raun-Kings, 1958: 151-154/. Это обозначает, что крайние группы финно-угорских языков окончательно оторвались около IY-III тыс. до н.э. Это хронологическое определение названных ученых вполне соответствует ранним высказываниям, согласно которым разделение финно-угорской языковой семьи относится к эпохе неолита. Как известно, ранние предположения о распаде финно-угорской языковой основы базировались главным образом на том наблюдении, что общие слова современных уральских языков, которые сохранились от так называемой финно-угорской эпохи, указывают на неолитический хозяйственный уклад. Эти общие слова убедительно свидетельствуют о том, что до разделения на более мелкие этнические группы предки финно-угров занимались охотой и рыболовством, знали технику шлифования, обработки камня, изготовления керамической посуды, а может быть уже в конце неолита

познакомились и с медью. Общих слов, доказывающих то, что протоуральцы были знакомы с производящим хозяйством, нет. Правда, в начале XX века некоторые языковеды пытались доказать, что финно-угры до их разделения знали земледелие и домашнее оленеводство. Однако эти попытки были опровергнуты позднейшими лингвистическими исследованиями.

В этой главе главным образом мы занимались подробно определением исходного региона древних финно-угров, так как с точки зрения венгерской праистории чрезвычайно важно выявить первоначальную территорию угров внутри уральской прародины. Как известно, среди венгерских специалистов по этому вопросу, за редким исключением, господствует мнение, что протофинно-угры формировались в Северо-восточной Европе в районе бассейна реки Волги и Камы, здесь была исходная страна не только обских угров, но и венгров.

Глава вторая

ПРИЧИНА РАСПАДА УРАЛЬСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
И ВЫДЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ УГРОВ

Нет сомнения, что для этногенеза венгров, как и других родственных им финно-угорских народов, самым важным исходным положением является с одной стороны - территориальные и хронологические определения еще не дифференцированной уральской языковой семьи, с другой - причины, обусловившие его распад и выделение угров - общих предков хантов, манси и венгров. Сейчас, в этой главе нашей работы, мы прежде всего ищем ответ на тот кардинальный вопрос: почему ушли древние финно-угры и самодийцы со своих исходных территорий, из уральской прародины?

Известный финский археолог К.Ф.Мейнандер считает, что теория языковой семьи в виде "родословного дерева" не отвечает на вопрос о том, в чем заключаются общественные и исторические причины, которые обусловили разделение древних финно-угров и распространение их по всей северо-восточной Европе. С последним тезисом К.Ф.Мейнандера придется согласиться /Мейнандер, 1975:19/. В самом деле, вышеназванная лингвистическая теория не объясняет причины разделения уральской языковой семьи. Однако сама финно-угорская сравнительно-историческая лингвистика никогда не ставила своей целью решать задачу объяснения причин распада уральской семьи, вызванного видимо внешними общественно-историческими факторами. Она только констатирует этот факт на основе языковой реконструкции. Тем не менее вполне закономерно ставить вопрос о причине разделения языковой общности древних финно-угров и самодийцев на более мелкие языковые груп-

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

TO THE HONORABLE THE PRESIDENT OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO
FROM THE PHYSICS DEPARTMENT
SUBJECT: A REPORT ON THE PROGRESS OF THE PHYSICS DEPARTMENT
DURING THE YEAR 1900-1901
The following report is submitted to you by the members of the
Physics Department of the University of Chicago for the year
1900-1901. It contains a summary of the work done during
the year, and a list of the publications of the department.
The work of the department during the year has been
characterized by a high degree of activity and by a
large number of important discoveries. The most important
discoveries of the year are the discovery of the
radioactive element, the discovery of the
X-ray, and the discovery of the
electron. These discoveries have
revolutionized the science of physics, and have
opened up new fields of research. The
department has also made many other
important discoveries, and has
published many papers of great
importance. The work of the
department during the year has
been of the highest quality, and
has contributed greatly to the
advancement of the science of
physics.

ны, которые впоследствии служили языковой основой современных финно-угорских народов. Эту проблему до сих пор к сожалению решали довольно поверхностно, ссылаясь на то, что с первоначальной территории древние уральцы расселились вследствие вклинивания между ними других этнических групп. Несомненно, в этом отношении можно найти более конкретные и убедительные объяснения, если мы примем во внимание те сложные хозяйственно-культурные процессы, протекающие в каменном веке в северной Евразии, которым до сих пор не уделялось должного внимания.

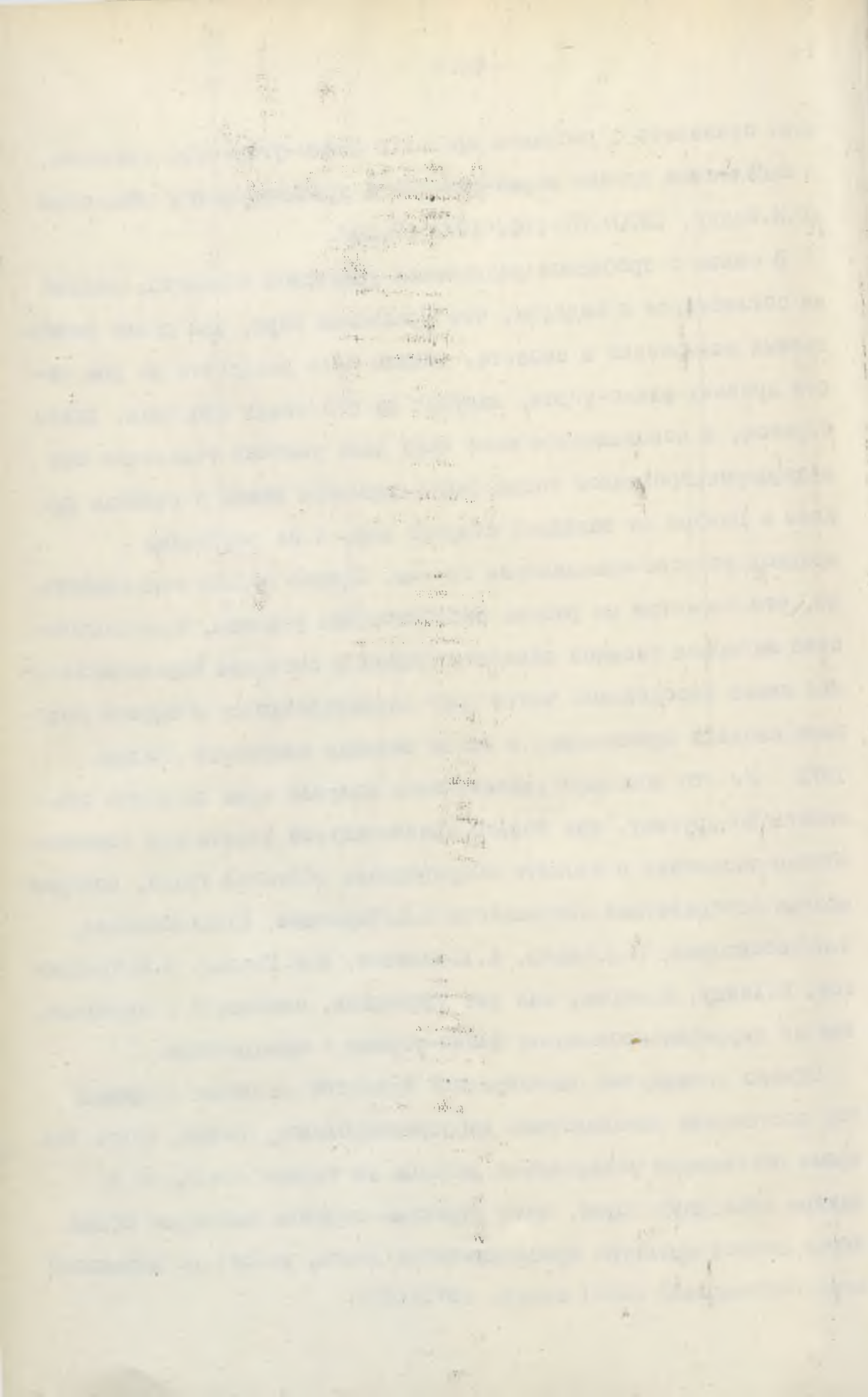
А.Х.Халиков считает, что единая уральская языковая общность существовала до второй половины IV тысячелетия до н.э., когда в Зауралье с юга проникли племена, тесно связанные по культуре с кельтеминарскими племенами Приаралья. Кельтеминарцы, принешие на север своеобразную керамику, орнаментированную прочерченно-волнистыми узорами, разорвали уральскую ранненеолитическую общность на две части, западную и восточную /Халиков, 1968:332/.

Другой советский исследователь О.Н.Бадер, анализируя обширный археологический материал области Урала и сопредельных местностей, обратил внимание на то, что первая хорошо выраженная культурная дифференциация произошла во второй половине неолита, в III тысячелетии до н.э., когда в лесной зоне к западу от Уральских гор, между Уралом и Волгой и еще западнее, обитали племена, выделявшие глиняную посуду с зубчатым орнаментом. В это же время на востоке, между Уралом и Обью и еще восточнее — племена, выделявшие посуду с зубчатыми и волнистыми, струичатыми орнаментами. Это разделение до того единого или очень сходного культурного ареала, по мнению названного исследователя,

надо связывать с распадом древнего финно-угорского единства, с выделением древне пермо-финской и древнеугорской общностей /О.Н.Бадер, 1970:157-170; 1972:17,18/.

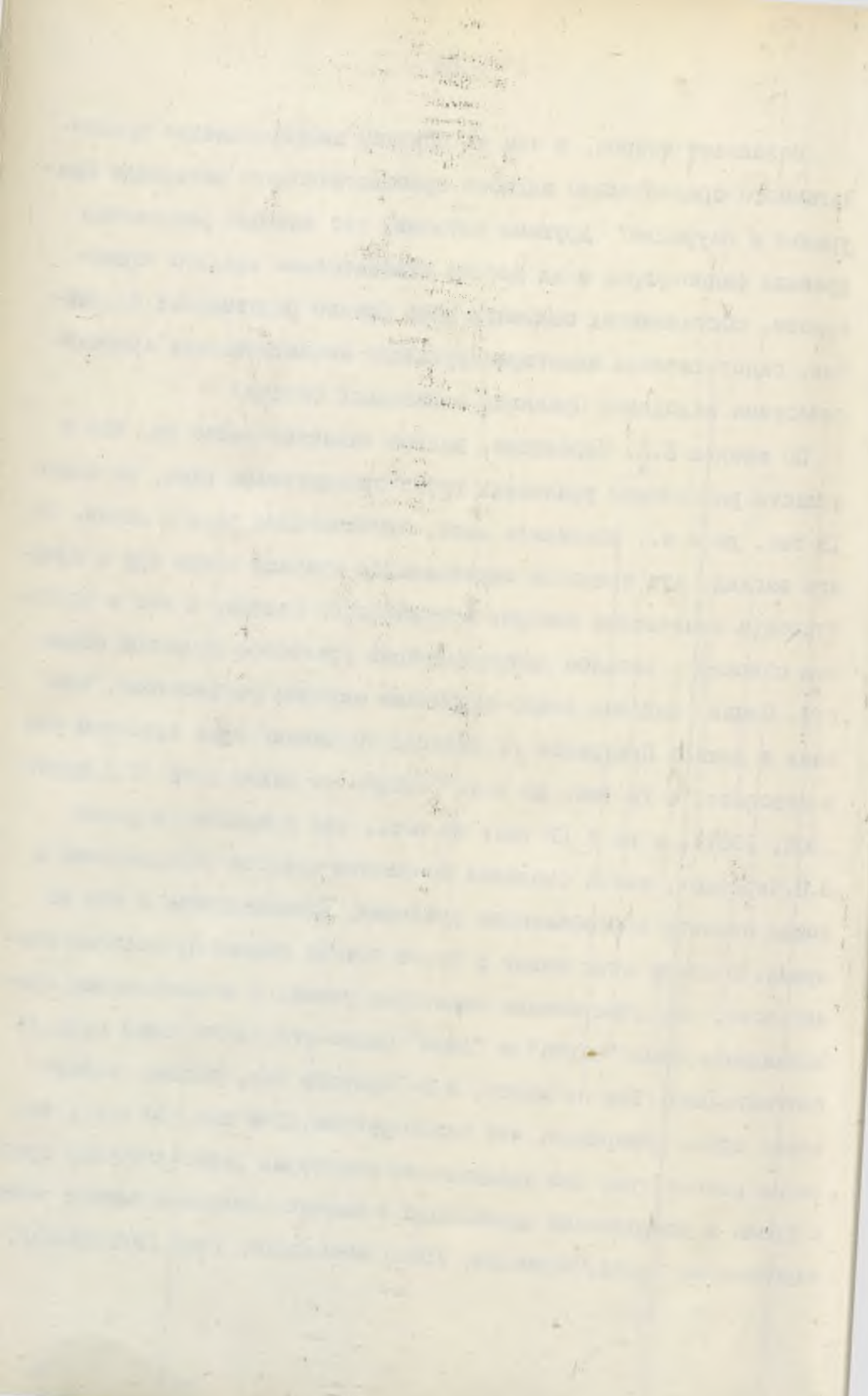
В связи с проблемой разделения уральской общности, нельзя не согласиться с Бадером, что Уральские горы, как долго необитаемый водораздел в неолите, должны были разделить на две части древних финно-угров, живущих на его обеих сторонах. Таким образом, в новокаменном веке были даны условия отделения еще недифференцированной тогда финно-пермской ветви в районах рр. Камы и Печоры на западной стороне гор, а на восточной - предков угорско-самодийской группы. Однако весьма симптоматично, что несмотря на разные экологические условия, археологический материал таежной западной Сибири и соседних широколиственных лесов Европейской части СССР характеризуется в первой половине неолита бросающимся в глаза большим сходством /Бадер, 1972 /%. Это довольно удивительное явление вряд ли можно объяснить по-другому, как только сравнительной этнической гомогенностью населения в неолите сопредельных областей Урала, которые многие авторитетные специалисты В.Н.Чернецов, В.И.Мошинская, Н.Н.Чебоксаров, О.Н.Бадер, А.Х.Халиков, В.Ф.Генинг, П.Н.Третьяков, П.Хайду, К.Шереи, как уже упоминали, связывают с древними, еще не дифференцированными финно-уграми и самодийцами.

Однако упомянутое своеобразное единство на обеих сторонах гор постепенно впоследствии дифференцировалось. Позже, почти все время постепенно усиливается разница не только между, но и внутри этих двух групп, хотя странным образом некоторые общие черты данной культуры прослеживаются долго, вплоть до железного века. /Мошинская, 1964; Бадер, 1970:157/.

Возникает вопрос, в чем же причины дифференциации предполагаемого сравнительно единого археологического материала Приуралья и Зауралья? Другими словами, что вызвало разделение древних финно-угров и их доселе относительно единого языкового, составляющих сплошную цепь близко родственных диалектов, гипотетически идентифицирующихся неолитическими археологическими находками Прикамья и Западной Сибири?

По мнению В.Н. Чернецова, важное значение имело то, что в области расселения уральских групп сравнительно рано, не позже IV тыс. до н.э., появились лыжи, однополосные сани и лодки. На его взгляд, эти средства передвижения открыли новую эру в культурной и этнической истории арктического Севера, и это в основном совпало с началом дифференциации уральской языковой общности. Однако недавно радио-углеродным методом установлено, что сани и лыжи в Приуралье /Г Висский торфяник/ были известны уже в мезолите, в III тыс. до н.э. 7820 ± 80 до наших дней /Г.М.Буров, 1966, 1967/, а не в IV тыс. до н.э., как предполагал ранее В.Н.Чернецов, когда связывал появление средств передвижения в конце неолита с расселением уральцев, происходившим в это же время. В свете этих новых и более точных данных археологии станет ясно, что утверждение некоторых ученых о неолитическом происхождении слов "нарта" и "лыжи" финно-угорского языка вряд ли состоятельно. Тем не менее, В.Н.Чернецов был, видимо, совершенно прав, утверждая, что около рубежа IV-III тыс. до н.э., если не раньше, уже шло продвижение некоторых финно-угорских групп с Урала в направлении Прибалтики в широколиственной лесной зоне европейской части /Чернецов, 1964; Мошинская, 1965, 1972:56-66/.

В.И.Чернецов далее считает, что около конца неолита прото-саамские и протоюкагирские группы с оседлого хозяйства перешли на более подвижную культуру — охота на дикого северного оленя, и из Западной Сибири расселились в северо-западном и северо-восточном направлениях, закончив освоение Арктики. Таким образом, к III тысячелетию до н.э. создалась единая субарктическая этнокультурная зона, простирающаяся от Скандинавского полуострова до средней Сибири — до рек Енисей и Ангара, с центром в Западной Сибири. Для этой этнокультурной зоны уральцев была характерна однотипная керамика, сходные наскальные изображения, культовые скульптуры медведя, лося, водоплавающей птицы, а также идентичный костяной и каменный инвентарь и т.д. /Чернецов, 1964:7/.

В вопросе, касающемся разделения, т.е. этногенеза уральских народов, заслуживает пристального внимания (помимо разных миграций, субстратов и этнокультурных явлений) следующее обстоятельство, характеризующее развитие производительных сил того времени. Примерно, начиная с рубежа III-II тыс. до н.э. в северной Евразии начинается формирование разных хозяйственно-культурных типов, соответствующих отдельным географическим зонам. Эта экономическая специализация среди различных общностей, базирующихся на более дифференцированном использовании местных природных источников, была связана с распространением более развитых способов производства, разделяющихся по ландшафтным поясам /Окладников, 1955:372; Чеснов, 1970:21/. Отсюда следует, как нам кажется, ^{что} прогрессирующее развитие производительных сил около конца неолита окончательно разделило азональное однородное этнокультурное единство родственных групп рыболовов

и охотников на обеих сторонах Урала. Если здесь жили финно-угры, как предполагают большинство специалистов, то несомненно тоже их касался этот процесс. В свете археологических раскопок это можно схематично реконструировать следующим образом. Начиная с III-II тыс. до н.э., на юге Западной Сибири, точнее в лесостепи Зауралья, присваивающее хозяйство сменяется производящим, распространяется животноводство (и, возможно, зачатки земледелия). Севернее, у уральцев, аборигенов таежной зоны, наблюдается интенсивное движение, которое, по-видимому, связано с увеличением значения индивидуальной охоты (так как тогда еще не могло возникнуть оленеводство, как это ошибочно предполагает Э.Моор). Великое изобретение мезолита (или палеолита) — лук и стрела — только в это время в конце неолита получает более широкий размах, по свидетельству наскальных изображений Урала, исследованных В.Н.Чернецовым. В то же время, в конце III тыс. параллельно этому близ полярной области, в зоне тундры и лесотундры на основе оседлых приозерных культур рыбодовов и охотников на льду, возникает, как уже упомянули, специализированная культура охотников на северных оленей, в ходе чего некоторые группы уральцев, по-видимому, далекие предки юкагиров, участвуют в окончательном освоении Севера /Симченко, 1976/. Не исключено, что все эти хозяйственные процессы определили развитие производственных отношений. Вытекающие особые новые взаимосвязи общества (или этноса) с окружающей средой и привели в конце концов и к этнической дифференциации. Это отражалось в том, что предполагаемое сходное аazonальное культурное единство около Урала в конце неолита постепенно окончательно распалось вследствие все углубляю-

щегося развития производительных сил, выражающегося в специализации экономики. Другими словами отдельные уральские группы создали такие формы хозяйства, которые лучше использовали своеобразие местного экологического окружения сравнительно с прошлым, более оптимально адаптировались к разным ландшафтам поясов Северной Евразии. Значит общественное разделение по географическим зонам несомненно способствовало тому, что доселе родственные группы в культурном, а стало быть и в этническом отношении начали все более отличаться друг от друга. Мы считаем, что именно это хозяйственно-культурное разделение вызвало окончательный распад уральской языковой общности. Эта этническая дифференциация тем более должна была следовать, так как ландшафтные зоны, в отличие от неолита, в эпоху раннего металла регулировали географически не только общественное разделение труда, но вместе с тем в значительной мере определяли главное направление этнокультурных связей /Косарев, 1974:24-38/.

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что постепенное распространение производящего хозяйства на юге Западной Сибири, прежде всего в районе Южного Зауралья, вначале вызвало собой ослабление, а потом возможно полный разрыв этнокультурных связей среди уральцев в северном направлении, где остались родственные по языку группы, и в дальнейшем занимавшиеся в основном охотой и рыболовством. (Последние господствовали в бассейне рек, а первые - в глубине тайги, которая главным образом в то время осваивалась человеком). Следовательно, изменилось направление этнокультурных контактов по экологическим зонам и это обстоятельство способствовало формированию новых этнических общностей среди древних финно-угров.

На наш взгляд, принимая во внимание данные разных дисциплин, можно считать, что главной причиной окончательного отделения древних угров из финно-угорской языковой семьи, на рубеже неолита и эпохи раннего металла, является рост производительных сил, выражающийся в углублении хозяйственной специализации. Именно на предполагаемой финно-угорской прародине (по всей вероятности локализованной в обширных сопредельных областях Уральских гор) около рубежа III-II тыс. до н.э. сложились разные хозяйственно-культурные типы: 1) на юге производящая экономика; 2) севернее, в лесостепи и тайге Западной Сибири - специализация на рыболовстве и охоте; 3) а в более высоких широтах - в тундре - хозяйство с преобладанием охоты на северного оленя/ Вереш, 1978:41/.

Это прогрессирующее общественное разделение труда между жившими в разных ландшафтно-климатических условиях уральскими группами, по-видимому сопровождалось не только большой хозяйственной адаптацией к специфическим условиям окружающей среды (по сравнению с прошлым), но и вместе с тем оно привело к расселению, культурной и в конечном итоге этнической дифференциации. Судя по всему, в это время усиливалось специализированное использование зональных местных ресурсов и формировались различные новые методы освоения природной среды. Все это указывает на то, что в это время в Сибири, в том числе и ее западной части, возникли не только разные хозяйственно-культурные типы, но и историко-этнографические области, характеризующиеся неравномерностью исторического развития /Чеснов, 1970:21/.

Поэтому, на наш взгляд, угорская этнолингвистическая общность (куда входили предки венгров и обских угров), должна была

формироваться хронологически на рубеже III-II тысячелетия до н.э., именно на южных окраинах прародины финно-угров, т.е. в лесостепях Западной Сибири, в условиях интенсивных контактов южных скотоводческо-земледельческих коллективов /Вереш, 1978:42/.

Мы считаем, что именно хозяйственно-культурное разделение вызвало окончательный распад уральской языковой общности и вместе с тем выделение древних угров. Это видимо отражается в том, что в сравнительно единой доселе археологической культуре возникли резкие локальные различия /Косарев, 1964:37-44/.

В вышеупомянутом этногенетическом процессе не последнюю роль, наряду с культурным влиянием юга, играли благоприятные природные условия земель угров в Южном Зауралье. Общеизвестно, что граница леса и степи в Западной Сибири расположена не только более севернее своего продолжения в Европе и Азии, но и по разным географическим причинам (например, из-за континентальности середины Евразии и близости среднеазиатских пустынь) очень четко реагирует на климатические изменения. На рубеже III-II тыс. до н.э. хронологически как раз во время распада финно-угорской языковой семьи в юго-восточной части уральской прародины тайга, по мнению М.Ф. Косарева, превратилась в лесостепь вследствие некоторого продвижения тогдашней границы ландшафтных зон, на север. В это время произошло большое изменение климата в сторону высыхания. По общепринятому мнению палеографов^{ЕОП}, атлантический период неолита заменился в начале раннего металла новым - суббореальным /Косарев, 1974:24-38/. Благоприятные природные перемены, прогрессивные экономические изменения, а также развитие общественных отношений, по-видимому вместе взятые, стимулировали и этнический процесс Зауралья.

Во всяком случае заслуживает особого внимания, что вблизи предполагаемой общей территории финно-угров на рубеже III-II тыс. до н.э. впервые именно в археологическом материале Южного Зауралья встречаются зачатки животноводства (и может быть земледелия), а также обработка металлов. В этой связи уместно упомянуть находки костей домашних лошадей, крупного и мелкого рогатого скота в неолитических раскопках Урала (Суртандин) близ этнической территории манси /Г.Н.Матюшин, 1971:118/.

Костей домашних животных пока еще мало, а состав их всюду однообразен - лошадь, крупный и изредка мелкий рогатый скот. Таков же состав фауны и на соседних североказахстанских синхронных стоянках /Матюшин, 1971/.

В этой связи несомненный интерес представляют общие обозначения слова лошади и ее использования в венгерском и обско-угорском языках, не этимологизирующиеся ни на индоевропейской (древнеиранской), ни на алтаиской лингвистической основе, но возведенные до угорского языкового единства, хронологически относящегося к эпохе бронзового века. Распространение домашней лошади и ее оседлание в Евразии относится как раз к этому времени - II тысячелетию до н.э. /Смирнов, 1961/.

Хотя до последнего времени действительно мало что могли знать о древнейшем, угорском периоде этногенеза венгерского народа, но сейчас мы уже располагаем такими данными и методами, при помощи которых все-таки можно реконструировать в общих чертах главные этапы формирования древних угров, непосредственных предков венгров.

Помимо всего прочего, в этом отношении, по нашему мнению, большое значение имеют результаты нового исследования совет-

ского археолога М.Ф.Косарева. Ему удалось обнаружить, что в Южном Зауралье, особенно в его лесостепном районе, в эпоху бронзы, что соответствует угорскому периоду, существовала своеобразная оседлая археологическая культура. Вследствие оптимальных экологических условий, что прежде всего выражалось в наличии многочисленных озер, которые питались богатой кислородом водой многочисленных речушек, стекающих с Уральских гор, возникла оседлая культура рыболовов и охотников. /Косарев, 1976:10/. Этому во многом способствовало то природное явление, что из-за большого количества снега копытные животные с западной стороны Урала осенью переселяются на его восточную часть, где вследствие своеобразных географических условий снега выпадает меньше /Чернецов, 1969:115-116/.

Эта сравнительно развитая культура лесостепи Западной Сибири, имеющая андронидный облик, в первом, сухом периоде суббореального времени II тыс. до н.э. не только по сравнению с северными таежными, но и более южными группами, имела более прочную экономическую базу. Южные соседи в большей мере страдали от засухи ксеротермического оптимума суббореала, послужившего, по мнению некоторых советских ученых, одной из причин гибели земледельческих культур высокой цивилизации Средней Азии и долины реки Инда /Виноградов, Мамедов, 1975:234-256/.

Новые археологические данные свидетельствуют о том, что среди этих рыболовов и охотников Зауралья во II тыс. до н.э. начало распространяться производящее хозяйство, прежде всего скотоводство, что доказывают такие неоспоримые факты, как разведение домашних животных (коровы, овцы, даже лошади), кости которых хорошо сохранились /Матюшин, 1971:118/. Но не исклю-

вно, что они были знакомы и с земледелием, хотя об этом нет непосредственных данных. Но по мнению многих специалистов в обычном обществе скотоводство и земледелие обычно распространялись вместе /Краснов, 1971/. Складывавшаяся обстановка вероятно благоприятствовала переходу предков угров - в лесотеплях Южного Зауралья к комплексному хозяйству на основе высокопродуктивного рыболовства; заимствование новых хозяйственных достижений, как правило, происходит лишь в том случае, когда данное общество готово для их восприятия. Известно, что районы высокопродуктивного присваивающего хозяйства производящего экономика обычно принимает с трудом /Шнаурельман, 1977: 3; Вереш, 1973:42/.

С точки зрения хронологии, а также хозяйственного уклада горской этнолингвистической общности, весьма важное значение имел тот факт, что близ этнической территории угров во второй половине II тысячелетия до н.э. возник первый металлургический центр Урала, обработавший местные богатые медные месторождения. Но, по-видимому, еще более важно, что около 1500 г. до н.э. на обеих сторонах Среднего и Южного Урала, в Мугоджарах также в среднем течении Оби были созданы уже бронзолитейные центры. Сырьем для них служила богатые залежи местной медной руды и олова, импортируемого с недалекого Алтая /Черных, 1970: 119-124/.

Эти центры играли большую роль в распространении оловянистых бронзовых изделий, являвшихся в Восточной Европе дефицитными, и с успехом вытеснили кавказскую мышьяковистую бронзу, до этого господствовавшую в степной и лесной зоне Европы. Интересно, что с XV в. до н.э., т.е. параллельно с интенсификацией

применением оловянистой бронзы, начинает широко распространяться прирученная лошадь, которую использовали для верховой езды, то подтверждают находки примитивных удил, а также некоторые бронзовые изображения лошадей с уздечкой из района Среднего Иртыша (Ростовка) /Смирнов, 1961; Матющенко, 1970:153/.

Лингвистические исследования совпадают с археологическими данными; названия меди *vas* почти во всех финно-угорских языках одинаковые, а слова, обозначающие олово и свинец, имеют общие формы только в венгерском, мансийском и хантыйском языках, где, в свою очередь, единое название железа отсутствует. Кроме того, в угорских языках поразительно совпадает и коневодческая терминология — названия лошади трехгодовалой и двухгодовалой, жеребенка, седла, удил и кнута /Moog, 1963, Munkácsi, 1905:116/.

Любопытно, что инвентарь памятников суртандинского типа на Южном Зауралье генетически полностью связан с неолитом этого же региона. Ни в керамике, ни в изделиях из камня не прослеживаются никаких посторонних включений. Поэтому по Матюшину нет оснований и предполагать, что изменение в хозяйстве и, в частности, появление домашних животных и металлообработка на Южном Урале в меньшей мере на рубеже III и II тысячелетий до н.э. связано с приходом сюда какого-то "более развитого" населения. Однако и этому предположению противоречит то, что в системе гласных угорских языков произошли такие изменения, которые по Э.Моору лучше всего объяснить влиянием какого-то до сих пор неизвестного языка /Moog, 1963:48/.

По мнению этого исследователя древние угры, возможно, заимствовали из этого неизвестного языка терминологию коневодства. Этим самым вызывает интерес, то, что название меди в финно-

угорских языках, по новейшим данным П.Альто, имеет шумерское происхождение / Aalto, 1965:31-40/. Хотя Е.Н.Черных в своей работе об уральской металлургии предполагает, как и Г.Н.Матюшин, что это возникло самостоятельно и не под влиянием южных центров металлургии около ХУІ в. до н.э., но во всяком случае, приведенный пример относительно слова "медь" в уральских языках не говорит в пользу его гипотезы. В этой связи интересно отметить, что совпадение звуков *z* и *š* в древнеугорской фонетической системе весьма похоже на фонетические тенденции, которые обнаруживаются в семитских языках Вавилона под воздействием шумерского / Moor, 1963:49/. Однако не исключено, что здесь мы имеем дело всего лишь с обычным типологическим сходством. Как бы то ни было, слово "олово", которое до сих пор сохранилось во всех угорских языках, венг.: *ólom*, манси: *wólem* ближе всего стоит к древне-греческим словам: *molibos* ~ *bolimos*. На это совпадение недавно обратил внимание американский лингвист Д.Синор / Sinor, 1969:280-281; 1975:237/. В этой связи весьма примечательно, что в южной части лесотаяжной области Западной Сибири наибольшее применение получают бронзовые орудия и оружие т.н. сейминско-турбинского типа, некоторые формы которого через знаменитый Бородинский клад Сибири действительно связываются с эгейским мифом /Савин, 1978:129/. Оловянистая бронза впервые появилась именно в микенской Греции, в шахтных гробницах около 1600 г. до н.э. К этому времени относятся убедительные данные о торговле оловом между Северной Европой и Британскими островами и даже о распространении этой торговли по речным долинам Европы в Средиземноморье и Адриатику / Maddin, 1977:120/.

Этот интересный вопрос об источниках металлургии древних угров требует дальнейшего исследования, хотя очевидно, что Урал все время находился под влиянием более передовых культур, расположенных к югу от него. Обнаруженные недавно у северной группы манси южно-европеоидный антропологический тип в принципе также можно было предположительно связать с упомянутым южным влиянием в эпоху бронзы - вместе со струнным музыкальным инструментом обских угров, прототип которого происходит из района Передней Азии, однако не имеется пока никаких критериев, чтобы хронологически приурочить эти данные к угорскому периоду /Давидова, 1975:115; 1976:13-18/. Приведенные Г.И.Пелих примеры некоторого совпадения ритуального языка селькупских шаманов с шумерским, с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, не убедительны /Пелих, 1972:167/.

Несмотря на это, исследование памятников суртадинского типа^н позволяет отнести Южный Урал к числу очагов возникновения скотоводства и металлургии на территории СССР. Определенную роль в этом сыграли устойчивые связи населения Южного Урала с Прикаспием, прослеженные здесь еще с мезолита /Чернецов, 1969; Матюшин, 1977/.

Мало известно, что кроме лингвистических данных, этнография тоже внесла свой вклад для доказательства у древних угров знакомства с лошадью, видимо не только с дикой, но и с одомашненной. Помимо уже упомянутых названий лошади, седла, узды, являющимися общими во всех угорских языках, включая и венгерский, сохранившиеся типы колчанов у обских угров свидетельствуют в пользу того предположения, что их предки действительно хорошо были знакомы с коневодством. Дело в том, что у хантов и манси известны два типа колчанов. Один из них, мешок, имевший оваль-

ную форму, носили на спине. Эта форма колчана характерна для аборигенных жителей Сибирской тайги и тундры (самоедов, чукчей, кетов, юкагиров). А другой тип колчана, который раньше обычно носили кочевники-скотоводы, тоже сохранился у обских угров. Этот колчан ромбовидной формы носили на поясе, что, естественно, более удобно наездникам, но мешает охотникам тайги, потому что колчан, висевший на поясе, мешает при ходьбе пешком или на лыжах. У обских угров колчан, который носили на поясе, по-видимому - реликтовое явление их бывшего хозяйственно-культурного типа, скотоводческого типа. Интересно, что венгерское слово "колчан" находит соответствие не только в обско-угорских словах, и в то же время отсутствует в других финно-угорских словах, - это слово очень близко стоит к санскритской форме /Najdu, 1962:81-83/.

В связи с этим, весьма интересно, что название колчана среди других финно-угорских народов общее. Поэтому не исключено, что особая угорская праформа названия колчана связана со вторым типом. Однако в дальнейшем это требует археологического доказательства. (см.: Халиков, 1977:199).

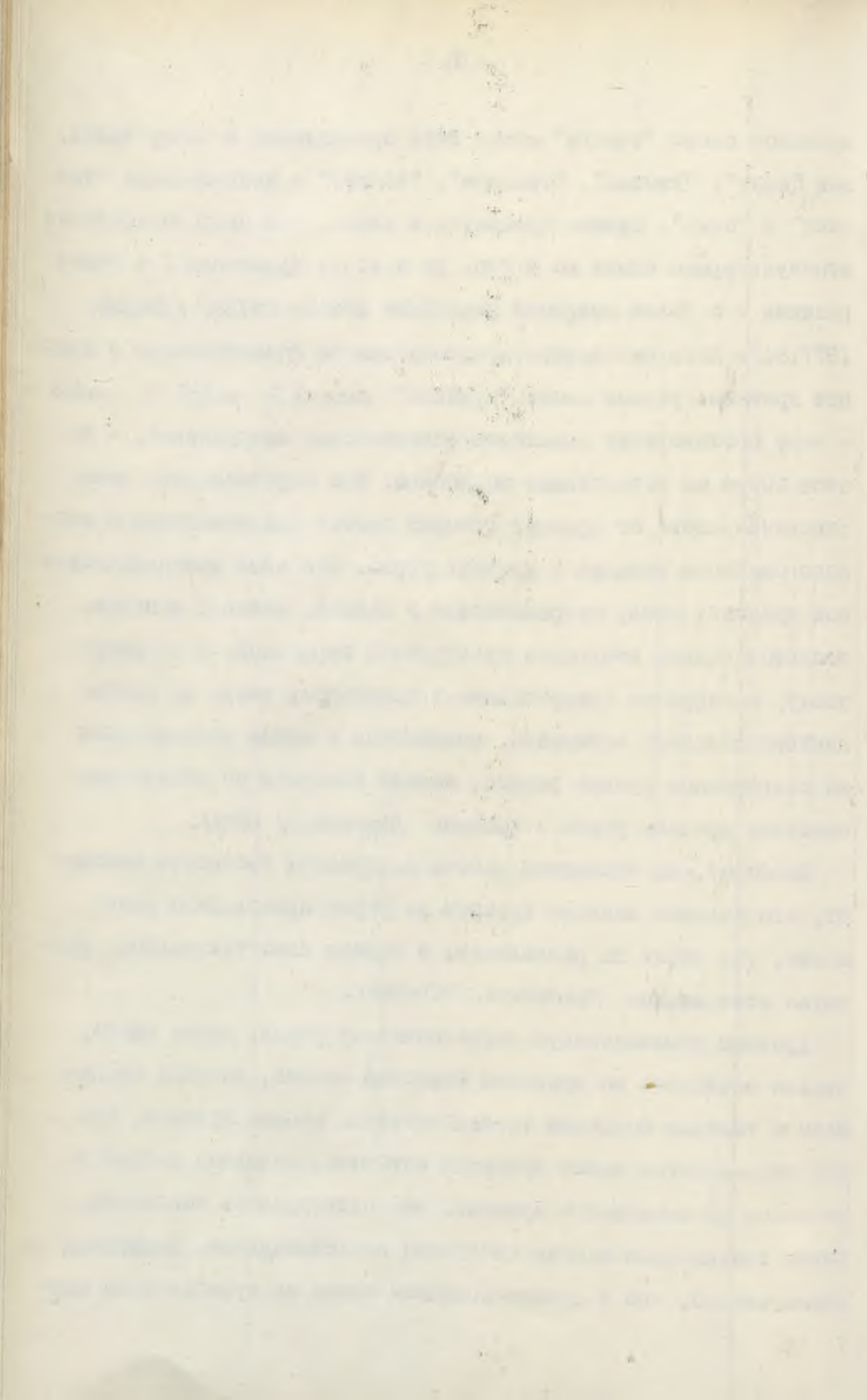
Все перечисленные лингвистические, фольклорные и этнографические данные свидетельствуют о том, что не только ханты и манси знали коневодство, которые просачивались с юга в таежные области средней и нижней Оби, но и их предки - древние угры бронзовой эпохи. Их потомки не только обские угры, сохранившие в реликтовой форме, главным образом в языке, фольклоре и обрядовой жизни культ лошади, но и древние венгры, которые после разделения единой угорской этноязыковой общности стали преимущественно специализированными скотоводами в степях и

полупустынных районах Зауралья, Западной Сибири и Казахстана. Поэтому скептические взгляды Бела Гунды, что, якобы общие предки хантов, манси и венгров не в достаточной мере были знакомы с лошадью, по его мнению конные охотники, вряд ли соответствует истинному положению дела. Ведь то положение Б.Гунды, что, если бы древние угры были настоящими скотоводами, тогда те группы, которые переселились в тайгу, должны были бы перенести эти навыки на оленя, т.е. приручить его, как позже это наблюдалось у других народов Сибири — не убедительно. Костные остатки лошади на Южном Урале с эпохи неолита до средневековья также свидетельствуют не в пользу гипотезы Б.Гунды, как и химический анализ земли таежной области северной части этнической территории обских угров в эпоху железа, показавшей содержание остатков лошадиного навоза. Даже северные манси в прошлом веке приносили в жертву лошадь, которую покупали в более южных областях Западной Сибири. Название саней у северных манси /liker/ имеет общую этимологию с телегой, венг.: szekér, иранск.: çakata. Хотя в бронзовом веке в оренбургских степях, но по-видимому и в соседних землях Южного Зауралья была хорошо известна телега, подтверждением чего служат данные недавно произведенных В.Ф.Генингом археологических раскопок (Синташ), — однако о времени появления иранского слова "телега" в угорских языках в лингвистике пока ведется ожесточенная полемика. Многие лингвисты — сторонники того, что это важное средство передвижения у угров появилось сравнительно поздно, после их отделения друг от друга, в их самостоятельном этническом состоянии. История предмета кажется не поддерживает эту точку зрения. Уже с бронзового века вполне можно допустить знакомство древних угров с телегой.

иранское слово "телега" может быть принадлежит к числу таких, как "кнут", "гвоздь", "теленок", "золото" и числительные "тысяча" и "семь". Однако бросается в глаза, что угорско-иранские этнокультурные связи во II тыс. до н.э. по сравнению и с более ранними и с более поздними периодами весьма скудны / Hajdu, 1977:84/. Если не считать предполагаемого заимствования у иранцев древними уграми слова "мужчина" $manu-s > man\acute{s}\ddot{a} > man\acute{s}i$ - чему противоречат некоторые фонетические затруднения, - на этом позже мы остановимся подробнее. Все перечисленные заимствования слова от иранцев говорят против предполагаемого тесного симбиоза иранцев и древних угров. Все семь вышеперечисленных иранских слов, сохранившихся у хантов, манси и венгров, являются явными кочующими культурными терминами. В угорскую эпоху, которую мы приурочиваем к бронзовому веку, на основе лингвистического материала, имеющегося в нашем распоряжении на современном уровне знаний, нельзя говорить об этническом смешении древних угров и иранцев /Korenchy, 1972/.

Наоборот, из последней работы Л.Харматта бесспорно явствует, что сильное влияние иранцев на угров происходило много позже, уже после их разделения, в период самостоятельного развития этих языков /Harmatta, 161-163/.

Древнюю коневодческую терминологию у угров, кроме кнута, нельзя объяснить на иранской языковой основе, вопреки ожиданиям и тщетным попыткам исследователей. Мнение Мункачи, что эта терминология имеет иранский источник, довольно распространенное до последнего времени, не подтвердилось новейшими, более тщательными лингвистическими исследованиями. Например, общеизвестно, что в древне-иранском языке не существовало зву-

ка "л" (l). Поэтому название лошади и жеребенка, до сих пор сохранившихся в угорских языках, начинающиеся с этого звука "л" lo, low pi никак нельзя вывести из иранского лингвистического источника. Для угорских слов "узда" и "седло" тоже не удалось обнаружить убедительных иранских параллелей, хотя иранское языкознание весьма подробно разработано и со времени Мункачи сделало большие успехи в реконструкции древнеиранского языка-основы.

На основе сопоставления вышеперечисленных лингвистических, этнографических данных, можно считать обоснованным предположение советских ученых, прежде всего В.Н.Чернецова, В.И.Мошинской, К.В.Сальникова, М.Ф.Косарева и В.А.Могильникова, что андроновидный археологический материал бронзовой эпохи на лесостепном Зауралье и примыкающей к нему Западной Сибири, для которого характерны комплексное хозяйство, этнически частично можно связать с древними уграми. Эта пока еще не полностью доказанная гипотеза весьма плодотворна, во всяком случае лучше соответствует дальнейшей этнической истории венгров и обских угров, чем концепция зарубежных исследователей, локализирующих прародину угров в Прикамье /Чернецов, 1951; Сальников, 1967/.

Как известно, влияние андроновского широколицего протоевропеоидного антропологического типа прослеживается не только у современных обских угров (с убывающей тенденцией в северном направлении), но и проявляется в морфологическом комплексе в краниологии венгров Средне-Дунайского бассейна X в. н.э. По гипотезе Г.Ф.Дебеца, андроновский тип как особый протоевропеоидный вариант формировался к югу от Западной Сибири, в степях Казахстана /Дебеч, 1948/. Во всяком случае антропологически он преобладал среди племен — носителей андроновского культурного круга

Его четко можно отделить от соседней популяции срубной культуры, которая принадлежала к протоиранцам, представляющим собой узколикий средиземноморский вариант европеоидного типа. Население этих двух разных культур около середины II тысячелетия до н.э. начало смешиваться и послужило основой этнического формирования ираноязычных савроматов и некоторых групп угров раннего железного века /Смирнов, 1964; Дебец, 1968; Тот, 1970/.

В дальнейшем мы излагаем малоисследованные проблемы разделения древних угров. До сих пор о причинах распада угорской общности знали весьма мало. Этим вопросом, не считая автора этих строк, занимались только некоторые лингвисты П.Хайду, Э.Моор, Г.Барци. Э.Моор считает, что на основе лингвистических источников нельзя установить причины ухода предков венгров ^{из} лесной зоны и переселения их в степь и перехода их к коневодству / Моор, 1963:105/. Не так давно выдающийся венгерский языковед, покойный Г.Барци во втором издании своей книги "Биография венгерского языка" таким образом суммировал эти результаты. "Около 1000-500 г. до н.э. - события, имеющие большое значение, дали новое направление жизни венгров; вместе с тем начался новый важный период в истории венгерского народа - венгры отделились от самых близких родственников - будущих обских угров. Принимая во внимание многотысячелетнюю давность этих событий, трудно решить, каким образом произошло это отделение. Возможно, что путем медленного переселения из области Прикамья угорские группы, говорящие на диалектах, легших впоследствии в основу венгерского языка, появились в предгорьях Урала. Между тем, их связи с другими группами постоянно ослабевали и в конце концов полностью порвались. Но может быть

было иначе. Вторжение чужого народа отделило будущих венгров от их языковых родственников. Эта чужая группа могла быть этнически тюркским племенем или родами. Это последнее предположение — вклинивание другого этноса — кажется наиболее вероятным. Хотя многие сомневаются в том, что турки так рано появились на границе Европы, так как эту гипотезу историческими данными подтвердить, естественно, невозможно, но некоторые языковые факты, если из них правильно сделаны выводы, решительно указывают на это. Во всех угорских языках имеется несколько общих слов, заимствованных от турков, которые попали более или менее в единый язык угров в эпоху их совместной жизни, то есть до выделения венгерского языка. Такие заимствования, как слова — "лебедь", "хомяк", "бобр", "слово" — красноречиво подтверждают, что еще до выделения венгров тюркские группы соприкасались с уграми. По-видимому, турки жили недалеко от угров, которые в это время находились к западу от Предуралья. К этому нужно добавить, что как в языках обских угров, так и в венгерском языке имеются такие ранние тюркские заимствования, которые являются уже не общими, а позже отдельно заимствованными, с одной стороны, — у хантов и манси, с другой стороны — у венгров. Однако звуковая структура этих слов указывает все-таки на то, что речь идет об одном и том же тюркском языковом источнике. Этот факт можно объяснить лучше всего, если предположить, что эти тюркские группы в то время находились между обскими уграми и венграми: они соседствовали на севере с обскими уграми, на юге — с венграми. Раннее появление турков в этом регионе подтверждается и другими фактами. Самодийские языки тоже имеют тюркские

заимствования около 500 г. до н.э. В это время самодийцы жили в Западной Сибири на Иртыше. Как бы то ни было, выделение венгров из угорской общности — это исторический факт. В ходе медленного переселения, или же вследствие появления и вклинивания чужого народа, географическое положение будущих венгров и обских угров изменилось. В свое время предки венгров составили самую западную ветвь угров и, таким образом, соприкасались с племенами, говорящими на пермском языке. Потом постепенно венгры начали переселяться в юго-восточном направлении, а остальные угры уходили на север. Таким образом, венгры из лесной зоны просочились в лесостепную. Здесь, недалеко от Урала, венгры продолжали жить достаточно длительное время, не удаляясь с этой территории. Во всяком случае, венгры вряд ли перешли в Западную Сибирь и остались бы там на долгое время, ведь в этом случае такие слова как "пчела" и "мед" исчезли бы из этого языка, так как они отсутствуют у обских угров".

Последнее утверждение академика Г.Барци является ошибочным. У манси мы находим название пчелы сходное со словами других финно-угорских и индо-европейских языков /Чернецов, 1963:406/.

В общих чертах можно согласиться с лингвистическим определением распада угорской языковой общности при помощи хронологии распространения названий разных металлов в угорских языках, которое, обычно, датируется первой половиной I тысячелетия (около VII-V вв.) до н.э.. /Хайду, 1953; Moor, 1963; 95-96/. Хотя причина, объясняющая этническую дифференциацию древних угров, данная венгерскими лингвистами, как нам кажется, нуждается в дальнейших дополнительных исследованиях. Г.Барци также, как раньше и П.Хайду связывал разделение угров на две группы

с медленным переселением или появлением среди них чужих народов. Это утверждение, однако, является просто умозаключением и пока еще недостаточно обосновано фактами. Очевидно, если угорская общность распалась, то логично предположить, что между предками обских угров и венгров вклинились чужие этнические группы. Но мы, в свою очередь, в отличие от этих общих допущений, совершенно по-другому обосновываем причину распада древнеугорской общности, явившегося, по-видимому, самы решающим моментом этногенеза древних венгров, но до сих пор оставшегося нерешенным в исследованиях по данному вопросу.

По нашему мнению, угорская этнолингвистическая общность, имевшая андронидный культурный облик и комплексное хозяйство, выделилась из уральской языковой семьи в конце неолита на юге Западной Сибири и распалась после тысячелетнего существования. В этом большую роль играли сложные хозяйственные и экологические процессы позднего бронзового и раннего железного веков. В этой проблеме никоим образом нельзя оставить без внимания значительные климатические изменения на рубеже II-I тыс. до н.э., которые одни считают ксеротермическим максимумом, а другие, наоборот, — увлажненным периодом. Как бы то ни было все эти обстоятельства решающим образом повлияли на дальнейшую судьбу древних угров, живших в регионе Южного Зауралья. Они либо должны были приспособить свой хозяйственный уклад к новой естественногеографической обстановке, либо оставить эту территорию и переселиться в другие области, имеющие более благоприятные экологические условия. Северные племена угров — далекие предки хантов и манси — выбрали последнюю возможность. Начиная с XIII в. до н.э. они переселяются в бассейн Нижней и Средней

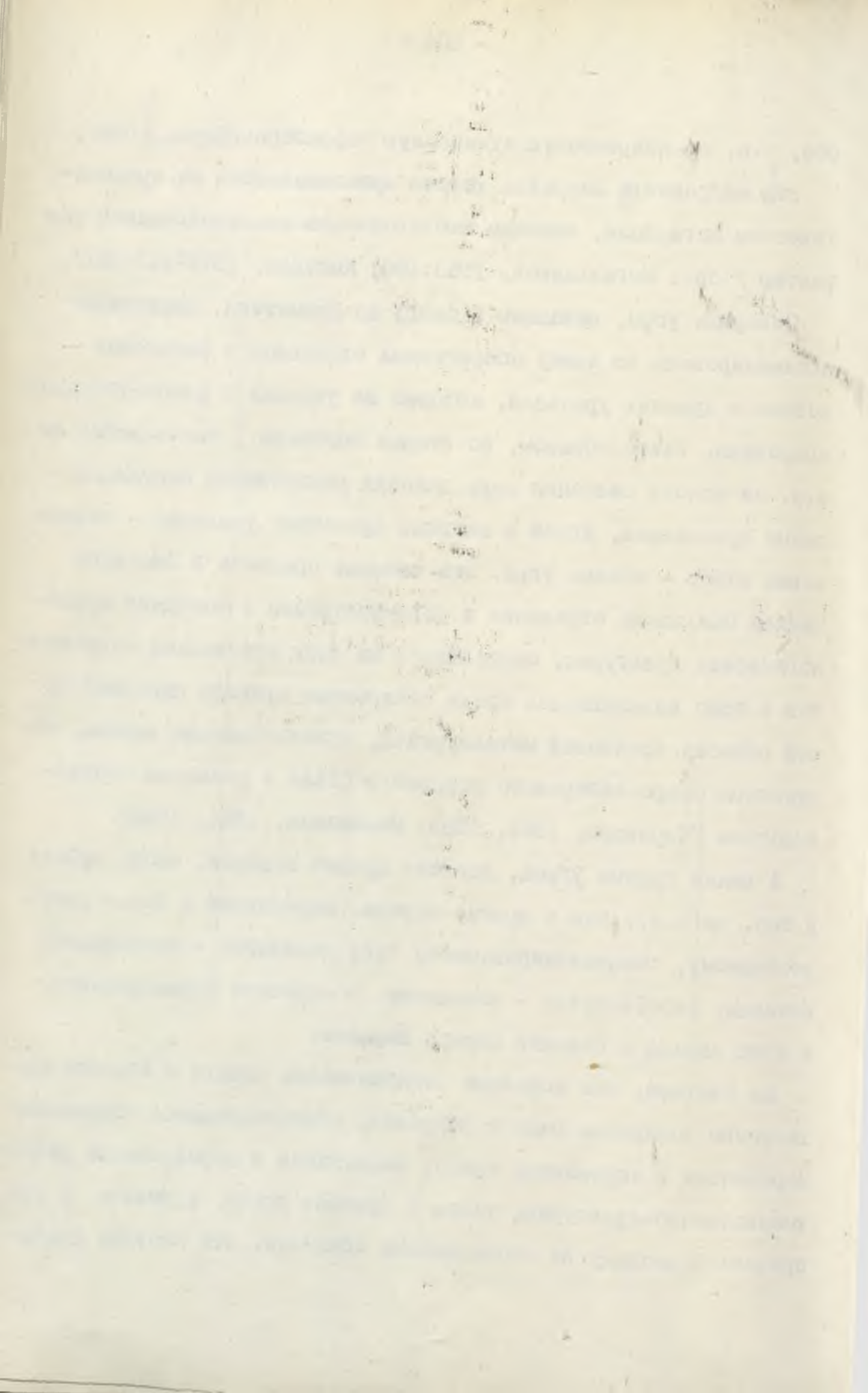
Оби, т.е. их современную этническую территорию/Вереш, 1978/.

Эта миграция из Зауралья хорошо прослеживается на археологическом материале, имеющим скотоводческо-земледельческий характер / ср.: Могильников, 1963:180; Косарев, 1972:147-161/.

Северные угры, попавшие в тайгу из лесостепи, постепенно ассимилировали по языку аборигенных охотников и рыболовов – потомков древних уральцев, которые не уходили с финно-угорской прародины. Таким образом, во второй половине I тысячелетия до н.э. на основе смещения двух далеких родственных популяций – южных пришельцев, угров и местных архаичных уральцев – возник новый этнос – обские угры. Эти сложные процессы в бассейне Нижней Оби нашли отражение в усть-полуйской и соседних археологических культурах, слагавшихся из двух этнических компонентов и ярко выделявшихся среди синхронных культур циркумполярной области бронзовой металлургией, использованием железа, искусством скифо-сибирского звериного стиля и развитым собаководством /Чернецов, 1941, 1953; Мошинская, 1964, 1965/.

А южная группа угров, далёкие предки венгров, около рубежа II тыс. до н.э., как и другие народы, переходила к более прогрессивному, специализированному типу хозяйства – пастбищному кочевому скотоводству – номадизму, в основном формирующимся в этот период в степной полосе Евразии.

Мы считаем, что коренные экономические сдвиги в области архаичного хозяйства Южного Зауралья, стимулирующиеся отдельными переменами в окружающей среде, выразились в формировании разных хозяйственно-культурных типов у древних угров, и, вместе с тем, привели к распаду их этноязыковой общности. Эти сложные хозяй-

ственные и этнические процессы по всей вероятности происходили во время переходного этапа от бронзы к железу, одновременно с некоторыми изменениями экологических условий. Эти важные экономические и экологические факторы играли немалую роль в этногенезе южно-угорской группы, т.е. далеких предков венгров, на что в специальной литературе раньше не обращали никакого внимания.

В венгерской специальной литературе наше предположение о вероятной причине разделения угорской общности на рубеже II-I тысячелетия до н.э. вследствие развития производительных сил и специализации общественного труда, выразившихся в возникновении кочевого скотоводства, получило оживленный отклик. Так, например, археолог И.Фодор и языковед П.Хайду в своих работах полностью приняли нашу точку зрения /Fodor, 1971:171; 1975:116-129; Hajdú, 1978:32,86/. Зато историк А.Барта выступил с отрицанием нашего тезиса о вышеуказанных причинах дифференциации древнеугорской группы, утверждая, что в таких отдаленных областях как юг Западной Сибири, климатические изменения на уровне современных знаний вряд ли можно определить даже приблизительно, и вообще является ошибочным связывать хозяйственные сдвиги с экологическими изменениями /Barta, 1975:226-234/.

Но принимая во внимание многочисленные публикации по палеоклиматической реконструкции в Евразии, в том числе и Западной Сибири, а также некоторые теоретические положения о причинах развития производительных сил в обществах с архаичной экономикой, вряд ли можно согласиться со скептическими взглядами выше-названного венгерского ученого. На современном уровне наших знаний речь идет уже не о том, что были или не были климатиче-

ские изменения по всей Евразии в конце II- начале I тыс. до н.э., а конкретных исследованиях по выявлению экологической ситуации в разных ландшафтных зонах Земного шара.

Отметим, что определенная роль экологических изменений, стимулирующая по всей вероятности становление кочевого скотоводства, была установлена не нами, а еще ранее другими исследователями, которые пробовали связать предполагаемый ксеротермический максимум конца II тыс. до н.э. с зарождением специализированного хозяйственно-культурного типа у степных скотоводов - номуадизма, на исходе бронзы /Руденко, 1961; Марков, 1967, 1973/. В отличие от них, мы, в свою очередь, обращаем внимание на то, что по новейшим палеоклиматическим данным советских и зарубежных палеоэкологов, в Евразии около XIII в. до н.э. наступил сходный с последующим субатлантическим периодом влажного климата /Шаги, 1968:461; Хотинский, 1977:164-165/. Изменение температурных режимов в мировом масштабе, основанное на изучении Гренландского льда, лишнее раз доказывает, что, по-видимому, надо более осторожно относиться к предположению о т.н. ксеротермическом максимуме на рубеже II-I тыс. до н.э. Вследствие того, что палеоэкологические реконструкции суббореала основываются на данных северной Евразии и широколиственных областях Восточной Европы, нельзя исключить, что в степной и пустынной зоне климат изменялся по-другому. Есть такая концепция, что в лесной и степной зонах климат изменился диаметрально противоположно /Абрасов, 1962; Гумилев, 1966:27-32; Смирнов, 1975:32:42/. По этому противоречит то, что во II-I тыс. до н.э., интересующих нас больше всего, все-таки наблюдается параллельное изменение климата на севере и на юге. Во II тыс. до н.э. чувст-

уется засушливость повсюду, в том числе и Средней Азии, хотя и не в такой мере, как предполагалось раньше /Виноградов-Мамедов, 1975:234-256; Хотинский, 1977:163-165/. Однако один из самых спорных вопросов палеоэкологии вообще и в связи с нашей проблематикой этногенеза обских угров и венгров тот, что на рубеже II-I тыс. до н.э. наступил ли действительно ксеротермический максимум или наоборот, начался более влажный климат, продолжающийся, как это утверждает в своей последней монографии крупнейший советский специалист по палеоэкологии А.Н.Хотинский, в течение всего I тыс. до н.э.

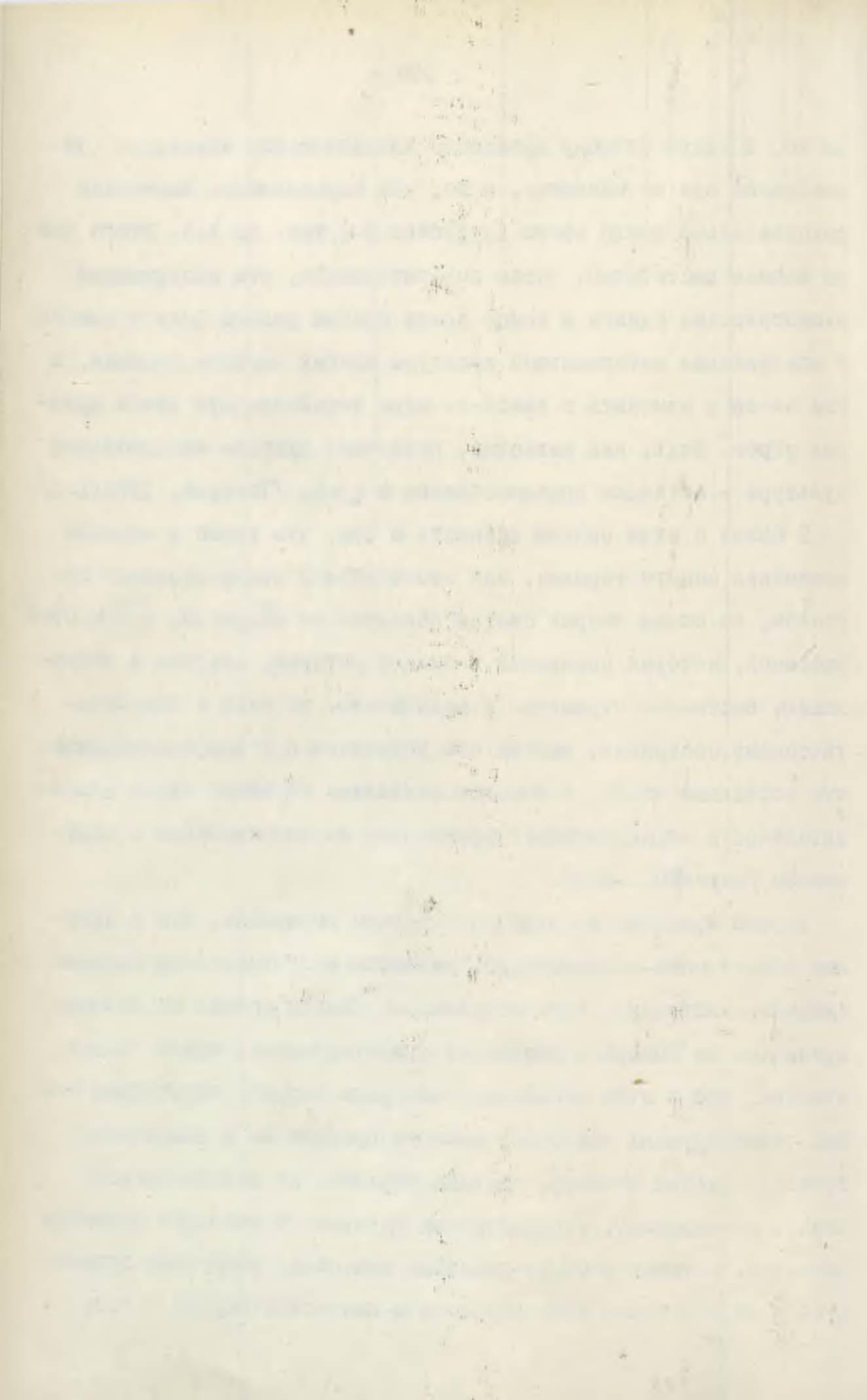
Как нам кажется, не задача этнографа решать спор среди климатологов и археологов, хотя и имеем полное право высказать свое мнение, и не ждать окончательного решения вопроса о направлении увлажнения или аридности в конце эпохи бронзы.

Эта палеоклиматологическая проблематика для нас чрезвычайно важна; хотелось бы привлечь ее не столько к кочевничеству, сколько к этногенезу угорских групп. Тем не менее, независимо от того, кто окажется прав среди специалистов в будущем споре о т.н. ксеротермическом максимуме конца II тыс. до н.э., очень важно, что даже на современном этапе наших далеко не полных знаний обе стороны пришли к общему заключению, что действительно важные экологические изменения происходили, начиная приблизительно именно с XIII в. до н.э. по всем ландшафтно-климатическим зонам Евразии и сопровождались большими переселениями народов от Индии и Балкан на юге, до Прибалтики, Поволжья, Камы, Башкирии, Западной Сибири, Зауралья - на севере. Сейчас для нас в вопросе изучения причин распада угорской языковой общности и выделения древних венгров первостепенное значение имеет

не то, в какую сторону произошло климатическое изменение (похолодание или потепление), а то, что определенное изменение действительно имело место на рубеже II-I тыс. до н.э. Этого факта вполне достаточно, чтобы констатировать, что наступающие экологические сдвиги в конце эпохи бронзы должны были привести к модификации материальной культуры многих народов Евразии, в том числе и изменить в какой-то мере хозяйственную жизнь древних угров. Ведь, как известно, первичная функция материальной культуры - активное приспособление к среде /Токарев, 1973:1-2/.

В связи с этим нельзя забывать о том, что этнос в широком понимании самого термина, как своеобразный этносоциальный организм, по общей теории систем является не закрытой, а открытой системой, которая принимает и отдает материю, энергию и информацию, постоянно стремится к равновесию, то есть к гомеостатическому состоянию; внутри его усиливаются и дифференцируются его составные части, с помощью механизма обратной связи (положительные и отрицательные) происходят взаимоотношения с окружением /Маркарян, 1969/.

Хорошо известно из этнографического материала, что в прошлом общественно-экономическое развитие многочисленных народов Америки, Австралии, Азии осталось на низком уровне по разным причинам. Не говоря о вторичной примитивизации, здесь только отметим, что в этом отношении свою роль сыграло отсутствие особых стимулирующих факторов, которые привели бы к изменению культуры данных этносов, главным образом, их экономической жизни. По-видимому, у первобытных народов отсутствует механизм развития, который в более развитых классовых обществах существует в виде частной собственности и классовой борьбы и т.п.

Вследствие недифференцированности общественной структуры, неразвитости общественных противоречий, слабое разделение труда в родо-племенном строе тормозит развитие производительных сил. В эту эпоху главный антагонизм существует не между общественными группами, а между социальным организмом и природой. Культура племенных групп носит традиционный характер; члены этих общин обычно противостоят всем нововведениям как изнутри, так и извне, и считают священным долгом сохранить наследие своих отцов и предков. Как нам кажется, развитие производительных сил в прошлом не было постоянным, как в современную эпоху, а имело скачкообразный характер. Вслед за К.Марксом мы также считаем, что природная среда является составной частью производительных сил, и в прошлом большие изменения экологических условий должны были приводить не только к отрицательным, но иногда и к положительным сдвигам в хозяйственной жизни архаических общностей, которые всегда старались оптимально приспособляться к своему природному окружению. Если бы в прошлом не произошло крупных ландшафтно-климатических изменений на земле, то это имело бы отрицательные последствия в развитии человеческой культуры. Ведь главные вехи культурного развития человечества раньше весьма часто совпадали со значительными экологическими переменами, начиная со становления "Хомо сапиенса" через развитие палеолитических культур до мезолита и начала неолитической революции, не говоря о формировании кочевого скотоводства в степных и пустынных районах и табунного оленеводства в тундровой зоне Евразии./Маркс - Энгельс, 1966:74; Руденко, 1961; Марков, 1967; Сальников, 1967; Косарев, 1976; Долуханов, 1977; Долуханов-Нашкевич, 1977; Крупник, 1977/.

Хотя главным механизмом развития производительных сил является хозяйственная специализация, базирующаяся на общественном разделении труда, однако необходимо учесть, что на первых этапах человеческой истории прямое воздействие географического фактора на общество было весьма значительным; лишь по мере развития культуры оно уменьшалось /Чеснов, 1970:20 ; Самаркин, 1976:12/. Окружающая среда может накладывать определенный отпечаток на процесс локального исторического развития — ускоряя или замедляя его, формируя его специфические местные особенности, но она не может в корне изменить его. Для современных этногенетических исследований большое значение представляет высказывание К.Маркса (развитое советскими учеными) о том, что человек создает культуру, активно воздействуя на окружающую природную среду, в то же время активно приспосабливаясь к ней. Культура (включая и экономику) становится как бы второй окружающей любой человеческий коллектив сферой /Маркс, Энгельс, 1966; Токарев, 1973 /. Вполне можно согласиться с не раз высказывавшимися замечаниями о том, что важно рассматривать этнос, его хозяйство и окружающую природную среду в динамическом единстве, в виде целостной "этно-экологической системы", объединяющей человеческий коллектив и используемую им хозяйственную территорию /Крупник, 1977:4/.

В этой связи вызывает интерес тот факт, что благоприятные условия для перехода к новой форме экономики в традиционных обществах не раз создавались в период хозяйственного кризиса, который мог быть вызван различными причинами, в том числе и природными /Матюшин, 1976:259,262/. Во всяком случае в последнее время многие исследователи сходятся в том, что экстремаль-

ные условия, складывающиеся в отдельных регионах в силу определенных изменений в биосфере, являлись толчком в прошлом для роста производительных сил /Косарев, 1976; Долуханов, 1977; Крупник, 1977/. Особенно важное значение имела в этом отношении аридизация или увлажнение климата в степях Евразии и соседних областях. Как нам кажется, все эти положения в какой-то мере подтверждаются и на примерах этногенеза и ранней этнической истории обских угров и древневенгерского народа.

Глава третья.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДУАЛИНО-БРАТРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ОБСКИХ УГРОВ И ВОПРОСЫ ЭТИМОЛОГИИ

"МАНСИ", "МОСЬ", "МАДЬЯР"

Как известно, вследствие медленного общественного развития, которое было характерно для субарктического района Северной Евразии (имевшего не только суровый климат, но и сравнительную изолированность в географическом отношении), многие элементы традиционной народной культуры обских угров, как и их языки, отражают более архаичные черты, чем культура остальных финно-угорских народов.

Таким образом, традиционная культура манси, как и хантов и самодийских народов, может служить опорой для историко-этнографической реконструкции и в некоторых случаях даже отражать явления, возникшие в ходе их этногенеза. Сюда относятся не только такие явления материальной культуры, которые свидетельствуют о хорошей приспособленности к суровому субарктическому климату, но и двоичная символическая классификация (типологические параллели можно найти почти у всех стоящих на стадияльно-ранних ступенях развития народов), или орнаментальный комплекс в изобразительном искусстве, имеющий черты преемственности от искусства неолита и бронзового века, как например, т.н. андроновские геометрические мотивы. К этому можно добавить также некоторые архаичные черты их социальной организации, лучше всего сохранившиеся у северных манси в бассейне рр. Ляпына и Северной Сосны /Чернецов, 1948; Мошинская, 1965; Васильев, 1962; Соколова, 1975/.

Видимо нельзя полностью исключать, что упомянутое в предыдущей главе этническое смешение частично отражается пришедших угров и аборигенов в дуальной общественной структуре хантов (и северных манси), состоящей из фратрий "пор" и "мось" (Steinitz, 1938; Соколова, 1975:143-154/. Во всяком случае, среди различных тотемов фратрий зооморфные птица и медведь как культовые изображения символизирующие в свое время, по-видимому, верхний и нижний мир, найдены в археологических материалах по всей Северной Евразии, в том числе в Западной Сибири с эпохи неолита /Мошинская, 1975:98-126/. Поэтому вполне можно допустить, что архаичная общественная структура хантов и манси, или, по крайней мере, некоторые ее черты, как, например, периодический медвежий праздник, относившийся лишь к одной из фратрий - представляет консервативное этнографическое явление, связанное возможно с очень ранними временами, может быть даже с уральской эпохой /Соколова, 1975:154/. В то же время важным атрибутом противоположной фратрии "мось" является культ лошади. Представление о ее мифическом герое Мир-сусне-хум - "За нродом смотрящий человек" как крылатый всадник - говорит о том, что в отличие от вышеупомянутых архаических явлений здесь налицо значительное этнокультурное влияние южных пришельцев уже более позднего времени, приблизительно конца бронзовой эпохи или начала железного века /Чернецов, 1941, 1953:238; Мошинская, 1964; Могильников, 1973/. Зато ритуальное соперничество и издевка между группами "пор" и "мось" (монеть mont'), также их противопоставление на основе выражения "вареномясного" (котельного) народа и "сыромясного" народа, на наш взгляд, по-видимому, является дуально-символи-

ческой классификацией, которая отражает бинарную общественную структуру и связанную с ней своеобразную двоичную модель мира, обычно характеризующуюся мифологическими представлениями о религиозно-ритуальной жизни народов архаической культуры. Таким образом, эта оценочная дихотомия не выражает этнического смещения и не имеет под собой реальных культурных различий, как предполагают некоторые зарубежные исследователи.

Как известно из полевых исследований Н.Л.Гондатти, Б.Мун-качи, И.Папая, В.Н.Чернецова, В.Штейница, А.М.Золотарева, Э.П.Соколовой и др., общество хантов и манси разделялось на две тотемические экзогамные группы, из которых одна называется "пор", другая "мось" (или в южно-хантыйском диалекте "моньть"). В специальной литературе эти вышеупомянутые дуальные половины обычно называются фратриями. Здесь мы не будем говорить подробно о том, в какой мере можно пользоваться терминами "брачный класс" или *colety* помимо фратрий. Вместо этого попробуем при помощи подробного анализа названий фратрий проверить действительно ли могли бы иметь место этнические смещения в формировании дуальной общественной структуры обских угров, которая среди всех народов Сибири лучше всего сохранилась именно у них.

В нашем анализе исходим из того, что у северных манси в бассейне рек Ляпина и Северной Сосьвы еще в прошлом веке было обнаружено интересное предание, в котором сами обские угры пытаются дать объяснение возникновению их фратрий: "Раз богатыри, вернувшись с охоты, только что расположились есть убитую дичь, как видят, что на них идет множество других богатырей: часть их испугалась, бросилась бежать, но не желая расставаться с мя-

сом, захватили его сырым - это так называемые мось-хум или торум сыр-хум; другие же, побуждаемые голодом, остались и начали греть котел, но не успели, противники пришли и разбили им носы. (Они с этой целью и приходили - хотели посмеяться). С этих пор они и стали носить имя - пор-хум, их потомство и сохранило название мось-хум и пор-хум" /Гондatti, 1888:37/.

Венгерский академик Я.Харматта совсем недавно выдвинул весьма далеко идущее положение о том, что у обских угров фратрия "мось" якобы действительно ела в свое время только сырое мясо в противовес брачному классу "пор", как об этом говорится в легенде о происхождении фратриальных систем. Поэтому Я.Харматта связывает предков брачной половины "мось" с народом, живущим вблизи средней Волги и фигурирующим в работе греческого историка Гелланика в 5 веке до н.э., а также в картах Птолемея. Этот народ в античности назывался иранцами "амодоко-с". Анализируя этот этноним, Харматта установил, что его хорошо можно этимологизировать из иранских языков как "кушающий сырое мясо" /Harmatta, 1954:191; 1977:181/.

Эти заманчивые предположения другой венгерский ученый, профессор Д.Ласло считает весьма вероятными; он даже дальше их развивает. Д.Ласло предполагает, что отголосок мифа о возникновении дуального устройства фратрий у обских угров мог в какой-то мере сохраниться в обычаях и у древних венгров, что и отражает замечание средневекового хрониста Регино (ок. 839 г. н.э.) о том, что венгры... "едят сырое мясо и пьют кровь". Эти слова западно-европейского хрониста, по его мнению, можно связать с фратрией "мось", представители которой иногда называются у обских угров "сыромясным народом". Далее Д.Ласло предполагает,

что сырое мясо, как правило, едят преимущественно северные народы, народы тундры. "У них земля замерзает, убитое животное они закапывают, а потом едят замороженное мясо этого животного. Кроме этого они пьют и кровь свежееубитого зверя". По Д.Ласло, у древних венгров вполне мог сохраниться такой обычай, как у народа, имеющего происхождение из региона северной Евразии /László, 1978:194/.

Таким образом Ласло выдвинул связь не только с этногенезом обских угров, как Харматта, но и с ранней этнической историей венгров, включая X в. н.э. Поэтому в нашей работе мы не могли игнорировать эту интересную, но в зарубежной литературе малоизвестную концепцию, касающуюся древней истории всех угорских народов. Тем более, что название т.н. "сыромясного народа", то есть фратрии "мось" генетически связано по общепринятому мнению лингвистов с первой частью венгерского этнонима "мадьяр".

По мнению Харматта, около II в. до н.э., когда в степной зоне по различным причинам наблюдается значительная перегруппировка кочевых племен, появился иранский племенной союз "даха" к северу от Каспийского и Аральского морей. Среди них "парносы" жили южнее, а "пориосы" севернее, соприкасаясь таким образом с восточными финно-уграми. Вышеупомянутый венгерский исследователь считает, что название "порио-с"-ы (древне-иранский *parvua*, средне-иранский * *pori*, * *pari*, > * *por*, * *par*/ сохранилось у удмуртов и обских угров /Harmatta, 1977:192/.

А.Харматта далее даже утверждает: так как сходное с древне-иранским племенным именем слово "пор" имеется в языках и хантов, и северных манси, в качестве фратриального названия, это обозначает, что упомянутые южные соседи обских угров – иранцы "дахи" , * *pari* > * *por* после II века до н.э. играли важную

роль не только в их этногенезе, но и одновременно в возникновении дуально-фратриальной системы хантов и манси. В подтверждение своей гипотезы он ссылается на тот факт, что в традиционном фольклоре у них даже сохранилось противопоставление охотников-рыболовов "мось" ("сыромясный народ") и более развитых, но чужих "пор" ("вареномясный народ"). Он имеет в виду сказание, объясняющее возникновение дуально-экзогамной "половины" обских угров. В этом мифе, повествующем о генезисе данной архаичной общественной структуре фратрии "мось" называется "сыромясным народом", а люди "пор" - "вареномясным народом". На основе этого рассказа, записанного в конце прошлого века русским исследователем Н.Гондатти, Харматта утверждает, что это якобы свидетельствует о более высоком культурном уровне иранских предков фратрии "пор". Однако В.Н.Чернецов, зафиксировавший тот же самый миф позже, в 30-е годы нашего столетия, отмечает, что в культурном отношении такое противопоставление "сыромясной" и "вареномясной" не имеет под собой никакой реальной почвы /Чернецов, 1939:20/. Кроме того, по его данным эпитет "сыромясной" относится именно к фратрии "пор", а "вареномясной" к фратрии "мось", то есть совершенно противоположные материалам Н.Гондатти. Но даже если остановиться на этом варианте Гондатти, возможно истолкование этой легенды, отличие от объяснения Л.Харматта: об этом будет сказано дальше.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что в последнее время советские семиотики интенсивно занимались исследованием знаковых универсалов, обнаруженных в фольклоре и в обряде разных народов, как вторично моделирующих системах, базирующихся на естественных языках /Иванов, Топоров, 1965; Иванов, 1969/.

В связи с этим можно обратиться к этносемиотическим исследованиям, раскрывающим значения противопоставления "сырой" - "вареный" в мифологии. Здесь мы не хотим распространяться о книге К.Леви-Строса под заглавием "Сырое и вареное" с ее далеко идущими выводами, не всегда убедительными. Однако в этой связи все-таки мы считаем уместным остановиться на положениях некоторых семиотиков, главным образом советских. Целесообразно применить их результаты в интерпретации понятий "сыромясной" и "вареномясной" народ в мифе обских угров о происхождении их дуально-фратриальной системы.

Как известно, народы, живущие на низких уровнях общественно-экономического развития, как правило, имеют превратные мифические взгляды на узкую и более широкую окружающую их среду. Эта "модель мира", которая в специальной семиотической литературе обычно называется миро-поэтической; при этом подчеркивается, что она характерна не только для народов, имеющих архаические культуры, но и для ранней детской психологии, а также художественного творчества. Она характеризуется, помимо этноцентризма, двойной символической классификацией. Суть дуальной символической классификации заключается в том, что если не все, то как правило самые важные явления мира, главным образом сакральные, описываются с помощью полярно противопоставленных понятий. Сюда относятся в том числе дихотомические оппозиции "сырое" - "вареное", вместе с другими двоичными противопоставлениями, как например: "правое" - "левое", "мужчина" - "женщина", "тьма" - "свет", "белое" - "черное", "красное" - "синее", "юг" - "север", "восток" - "запад", "день" - "ночь", "четный" - "нечетный", "солнце" - "луна", "хорошее" - "плохое"

и т.д. Такая же картина наблюдается в мифологии обских угров и составляет систему своеобразного этикета, где члены отдельных бинарных сопоставлений выражают отрицательные или положительные оценки. Эти характерные полярные пары символов могли меняться местами в зависимости от конкретной ситуации /Золотарев, 1964; Иванов, 1968; 1969, 1973; Иванов-Топоров, 1965; Мелетинский, 1976).

У обских угров, как и у подавляющего большинства "примитивных" народов, по традиции, правая сторона относится к мужчинам, левая - к женщинам. Это отражается в разделении жилища по полу на две половины подобно тому, как это наблюдается в крестьянских домах восточной и средней Европы. У обских угров на медвежьем празднике мужчины целуют правую лапу почитаемого животного в красном углу так, что мужчины сидят справа, а женщины слева от медведя. Однако инверсия наблюдается в их понятиях о загробной жизни: по "дороге, ведущей в царство мертвых" по правой стороне идут грешные, а по левой - невинные, что является зеркальным отражением действительной практики хантов и манси, где правая сторона обычно оценивается положительно, а левая - отрицательно. На это, например, указывает о мансийском языке семантика слова "правое" - "хорошая сторона", так же, как у венгров "правое" этимологически обозначает "лучший". Местожительство "хороших духов" находится, по их верованиям, на юге или востоке, а "плохих" - на севере и западе. Соответственно этому они совершают жертвоприношения обычно двух видов: "кровавое" (сырое) и вареное в эти же направления /Мошинская, 1953; Чернецов, 1959; Munkácsi 1892; Karjalainen, 1921:250-31; Kannisto 1958:125; Hajdú, 1954/.

У обских угров хорошо прослеживается также противопоставление по полу "четный" - "нечетный" - также характерное для дуальной символической классификации народов архаической культуры. Например, при убийстве медведицы праздник продолжается четыре дня, а медведя - пять дней, при этом в первом случае поют 4 медвежьих песни, а во втором - 5. По представлению обских угров женщины имеют 4 души, а мужчины - 5 /Черноцов, 1959/.

Души мертвых, после того, как они покинут тело, летят в образе птицы "по пути птиц или мертвых" в северном направлении, где в устье реки Оби у Северного Ледовитого океана, по представлениям хантов и манси, находится страна мертвых". По их верованиям, загробный мир - это черное озеро, страна змей, лягушек, рыб - холодный край.

Мансийский миф сохранил представление обских угров о появлении души в стране мертвых. "В царство подземного князя Куль можно попасть через маленькое отверстие. Там, где небо соединяется с землей, находится скала с дыркой, которая семь раз покрыта рыболовной и птицеловной сетью. Здесь сидят старик и старуха; они караулят вход. Герой прилетает в виде птицы, попадает в железную сеть, крылья его ломаются, и он падает в воду, превращаясь там в щуку. Только так, в образе рыбы, можно преодолеть это препятствие и вступить в царство мертвых". Из этого мифа хорошо видно, что сопоставление живого и мертвого выражается в парной оппозиции воздух-вода, птица-рыба /Норра́л, 1975:225/.

Перечисленные примеры символических дихотомических противопоставлений у обских угров, куда входит и оппозиция "сырое-

вареное", можно продолжить и дальше. Но наша главная цель теперь не это. Здесь мы только подчеркиваем то обстоятельство, что, как известно из работ зарубежных и советских исследователей Э.Дюркейма, М.Мосса, А.М.Золотарева, А.М.Хокарта, В.В.Иванова, В.Н.Топорова и других, у тех народов, где общественная структура имеет двойное деление, ряд положительных и отрицательных символов их дуально-символической классификации обычно группируется отдельно по фратриям / Durkheim-Mauss, 1901; Иванов, 1969:105 /. Таким образом, эти две дуальные половины общества выглядят как соперничающие, дразнящиеся, враждующие группы, несмотря на то, что взаимные браки весьма тесно связывают их друг с другом. Такая тенденция наблюдается и у обских угров. В "модели мира" хантов и манси можно различать три уровня: с р е д н и й - земля, где живут люди, за которыми наблюдает "Человек, смотрящий за народом" (Мир-суснэ-хум, седьмой сын Нуми-Торума - главного божества обских угров, живущего на небе, то есть в в е р х н е м мире. С Нуми-Торумом и его сыном, изображаемом крылатым всадником, связана фратрия "мось". Ее тотемы - гусь, лебедь, береза. Другая, противоположная фратрия - "пор": ее представители относятся к "Пор-нэ" (Женщина - "пор") - отрицательному женскому мифологическому персонажу, - проживающей в н и ж н е м мире вместе с "Куль" главой подземного царства. Тотемы этой фратрии - медведь, вернее медведица, зонтичное растение, кедр и лиственница. Как доказано в вышедшей посмертно работе В.Н.Чернецова, архаичный медвежий праздник, который у обских угров теперь является общенародным развлекательным мероприятием, первоначально существовал только у фратрии "пор", то есть "вареномясного народа".

Это архаическое празднество проводили сначала один раз в семь лет, потом последующие семь лет праздновали каждый год, затем следовал перерыв в семь лет, и так периодически повторялось /Чернецов, 1939; Tchernetzov, 1974:285/.

Что касается названий фратрий "пор" мы хотели бы обратить внимание на следующие проблемы.

На наш взгляд, в этой связи не исключено, что совпадение названия брачного класса "пор" у обских угров с именем иранского племенного союза даха, как предполагает Я.Харматта, — может быть и случайным явлением, ведь этимология фратриального названия "пор" специалистами объясняется по-разному. Например, В.Н.Чернецов связывает ее с зонтичным растением, В.Штейниц без особой аргументации считает это этнонимом аборигенного населения Западной Сибири. Мы, с нашей стороны, тоже выдвигаем свою гипотезу по этому вопросу. Мы исходим из того, что у обских угров различается два вида жертвоприношений: т.н. "кровавое" (jiri) и "бескровное". Последнее называется "пори" или "пури" (porí, purí). Обращает на себя внимание "бескровное" жертвоприношение "пори", оцениваемое ниже "кровавого", приносимого лишь в особенно важных случаях и при котором мясо животного, приносимого в жертву (белая лошадь, олень, собака), едят в сыром виде и пьют парную кровь, в отличие от бескровного жертвоприношения, где еду, посвященную (часто вредным) божествам обских угров, предварительно варят /Чернецов, 1939; Steinitz, 1938; Munkácsi-Kálmán, 1958:102/.

Среди "некровных" жертвоприношений самое почетное место достается медведю, тотемическому предку фратрий "пор", которые едят его в вареном виде на особом медвежьем празднике, где

The first part of the paper is devoted to a general discussion of the problem of the origin of life. It is shown that the problem is not only a scientific one, but also a philosophical one. The second part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of life. It is shown that the most plausible theory is the theory of spontaneous generation. The third part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of man. It is shown that the most plausible theory is the theory of evolution. The fourth part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of the universe. It is shown that the most plausible theory is the theory of the big bang. The fifth part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of the earth. It is shown that the most plausible theory is the theory of the nebular hypothesis. The sixth part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of the solar system. It is shown that the most plausible theory is the theory of the nebular hypothesis. The seventh part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of the planets. It is shown that the most plausible theory is the theory of the nebular hypothesis. The eighth part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of the life on earth. It is shown that the most plausible theory is the theory of spontaneous generation. The ninth part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of the human race. It is shown that the most plausible theory is the theory of evolution. The tenth part of the paper is devoted to a discussion of the various theories of the origin of the universe. It is shown that the most plausible theory is the theory of the big bang.

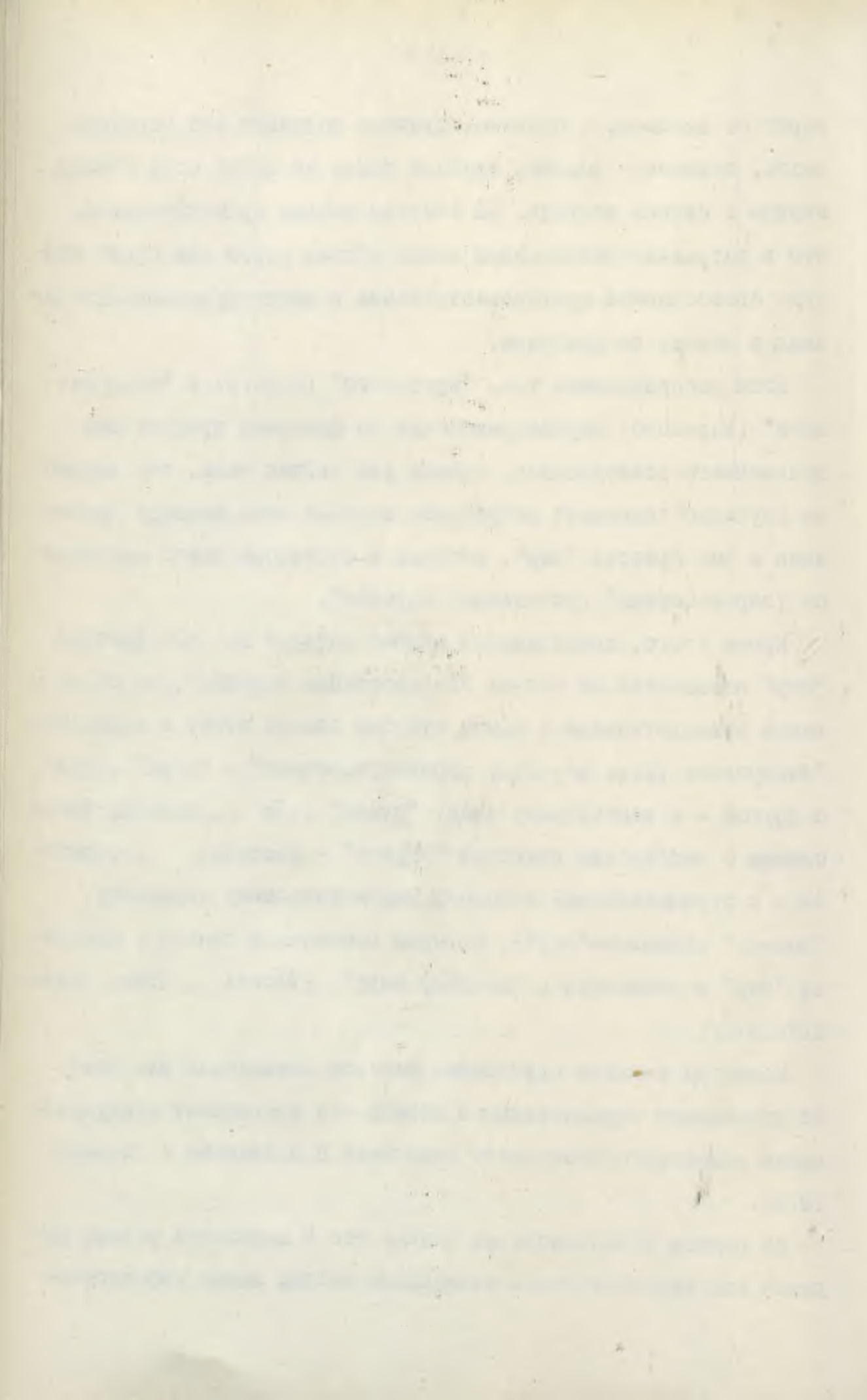
варят не женщины, а мужчины. Мужчины получают его переднюю часть, женщины – заднюю; женщины также не могут есть голову, сердце и печень медведя. Мы считаем весьма примечательным, что в ритуально-религиозной жизни обских угров как будто найдено своеобразное противопоставление в жертвоприношениях медведя и лошади по фратриям.

Хотя распределение т.н. "кровавого" (сырого) и "некровавого" (вареного) жертвоприношения по фратриям требует еще дальнейшего исследования, однако уже сейчас ясно, что видимо не случайно совпадает ритуальное варение мяса медведя мужчинами и имя фратрии "пор", которая в фольклоре часто называется "вареномясным" (котельным) народом".

Кроме этого, представляет особый интерес то, что фратрия "пор" называется не только "вареномясным народом", но ее название этимологически с одной стороны близко стоит к выражению "бескровное (т.е. вареное) жертвоприношение" – "пори" (пури), с другой – к хантийскому слову "пепел" (pär), который тесно связан с венгерским глаголом "варить" – forralni, третьей – к отрицательному женскому мифологическому персонажу "Пор-пэ" (Женщина-"пор"), который несомненно связан с фратрией "пор" и относится к "нижнему миру" /Bárczi, 1944; Veres, 1978:371/.

Можно ли считать случайными все эти совпадения или нет? От поспешного отрицательного ответа нас удерживает предупреждение известного советского семиотика В.В.Иванова /Ivanov, 1979/.

Из работы В.В.Иванова мы знаем, что в мифологии разных народов как типологический изоморфизм иногда имена мифологиче-

ских отрицательных женских образов совпадают со словом "пепел". Весьма вероятно, что у обских угров мы имеем дело с таким же явлением.

В этой связи любопытно замечание венгерского фольклориста М.Хоппала, что в мифологии многих этносов наблюдается тенденция к резкому противопоставлению не только "верхнего" и "нижнего", но и "потустороннего" и "нижнего" мира. Есть предположение, что по дуальной символической классификации "нижний мир" имеет атрибут теплого, а "потусторонний" холодного. Как бы то ни было, с помощью этой трактовки действительно можно хорошо объяснить, почему обские угры всегда, даже летом, одевают покойников в зимнюю одежду и почему фратрия "пор" — то есть "вареномясной народ" принадлежит к теплomu "нижнему миру" и относится к отрицательному мифическому женскому персонажу "Пор-нэ", имя которого одновременно связано не только с названием фратрии, но и хантыйским словом "пепел" и некровавым жертвоприношением, в том числе и в приготовленном вареном виде /Norral, 1975:226/.

Солнце в ритуальных представлениях обских угров представляет собой женский образ. Этому соответствует, что главное женское божество в их мифологии — жена, или иногда сестра Нуми-Торома имеет эпитет "золотая".

Нам кажется, что у обских угров связь солнца и цвета золота имеет определенные отношения именно к огню и через него к имени Женщины—"пор" (Пор-нэ), близко стоящему к названию пепла. Из всего этого, на наш взгляд, вытекает, что иносказательная кличка фратрия "пор" — "вареномясной народ", и сходность названия вареного жертвоприношения "пори" (или пури) с фрат-

риальным именем "пор" представляет собой взаимосвязанную систему, куда непременно входит и мифический персонаж "жонщина-пор", т.е. Пор-нэ - представительница одноименной фратрии и вместе с тем теплого "нижнего мира".

Итак, можно объяснить значение выражения "вареномясный период" иначе, чем это сделал Л.Харматта, тем более, что архаичный медвежий праздник относился сначала именно к этому брачному классу, то есть к фратрии "пор". Это обстоятельство так же как и другие данные, на наш взгляд противоречат тому, что они якобы были иранскими пришельцами с юга.

По нашему мнению, в оценке почетности двух фратрий у обских угров можно принимать во внимание принадлежность к верховному богу Нуми-Торому и его сыну Мир-суснэ-хум экзогамной группы "мось", а к отрицательному мифическому женскому персоналу "Пор-нэ" группы "пор", также интересную оппозицию по полам предков этих фратрий. У людей "мось", т.е. "сыромясного народа" предком считается положительный мужской персонаж - крылатый всадник "За народом смотрящий человек" (вернее мужчина), а у людей "пор" - "вареномясного народа" - отрицательный женский образ "Пор-нэ" Чернецов, 1939/.

Из всего этого хорошо видно, что, хотя фратрия "мось" называлась в мифе "сыромясным народом", она тем не менее принадлежала к верхнему миру, а фратрия "пор" "вареномясный (котельный) народ", которую Л.Харматта считает на основе этого эпитета более развитой в культурном отношении, была представителем как раз теплого, нижнего мира. Это символическое противопоставление двух взаимообращающихся фратрий привожу В.Г.Бабакова к тому, на наш взгляд, поспешному выводу, что издевка, насмешка

и вражда экзогамных групп "пор" и "мось", якобы отголоски того, что эти фратрии в недавнем прошлом представляли собой отдельные этносы. Для нас неприемлема такая интерпретация, так же как и объяснение Харматта, что фратрия "пор" была пришлым с юга и более развитым народом в культурном отношении, на том основании, что ее члены якобы ели в свое время еду в вареном виде. Дело в том, что у обских угров мы находим также полноту дуальной символической классификации с характерным, так называемым, мифо-поэтическим мировоззрением/Вереш, 1977/.

У хантов и манси в мифе о происхождении их дуальной фратриальной системы "пор" и "мось" "сыромясной народ" - популярно противопоставляется "вареномясному народу" и, по-видимому, символизирует прежде всего обрядовое различие этих дуальных тотемических экзогамных групп.

Относительно сказания о происхождении фратрий "пор" и "мось" у обских угров, повествующего о том, помимо предупреждения В.Н.Чернецова о нереальности фактической основы этого сказания, уместно еще упомянуть замечание известного финского фольклориста И.Хаутана /Kuusi, 1975:285/. Он считает, что иногда очень трудно различить миф в его собственном смысле от так называемого "квази-мифа" в прозаических сказаниях этиологического содержания. По его мнению, в квази-мифах в отличие от настоящих объяснение происхождения каких-то явлений является только видимостью. На самом деле речь идет о том, что под видом этих объяснений, как правило, выражено не обоснование происхождения каких-нибудь явлений, - а сарказм, ирония, морально-педагогические наставления или ненависть, не говоря уже о развлекательной тенденции. И.Хаутана считает, что эти

сказании надо строго отделять от настоящих мифов. То, что сказание обских угров о происхождении их фратрий в варианте, записанном Н.Гондатти в прошлом веке повествует, что народ "пор", который остался на месте при приближении врагов, доваривая мясо, был ими побит, а в варианте В.Н.Чернецова - наоборот - можно указать на то, что мы видимо в этом случае имеем дело с т.н. квази-мифом. Это предание, по мнению В.Н.Чернецова, имеет позднейшее происхождение и дошло до нас в обрывочно-искаженной форме. Во всяком случае, даже в самом сказании, когда говорится о том, что они - "люди" делятся на две части "порхум" и "мось-хум" в передаче рассказчиков отмечает, что собственно "между ними нет никакой разницы" /Чернецов, 1939:20-21/.

Судя по всему, из-за перечисленных многочисленных данных и некоторых теоретических соображений мы думаем, что иносказательное название фратрии "пор" как "вареномясной (котельный) народ" само по себе не дает достаточной основы для того, чтобы считать их предков в культурном отношении в прошлом выше, чем предков фратрии "мось", несмотря на то, что их групповое название в самом деле похоже на имена иранского племенного союза "даха" / Veres, 1978:369-371; 1979:34/.

Впрочем, помимо названия фратрии "пор" имя фратрии "мось" также пробовали ученые вывести из иранского языкового источника. Таким образом могло бы создаться такое впечатление, что кроме дуальной организации обских угров собственно иранцы вместе с этнонимом манси создали и их фратриальное название "мось" и "пор".

Однако, по нашему мнению, сближение некоторых угорских групповых названий с иранскими словами может быть и случайным совпадением и требует дальнейшего тщательного рассмотрения. Ведь случайное совпадение довольно часто встречается в лингвистических исследованиях, особенно тогда, когда семантика данного слова неясна. Несмотря, однако, на то, что возникают веские сомнения в том, что предки фратрии "пор" — являлись иранскими пришельцами во II в. до н.э. — все же в дальнейшем нельзя исключить возможности того, что этнические смешения местного и пришлого (с юга) народов в этногенезе обских угров в какой-то мере, хотя частично, можно связать с возникновением дуальной фратриальной системы или ее отдельных черт некоторых групп хантов и манси. Во всяком случае, более тщательный этимологический анализ названия фратрии "мось", которую обычно обские угры считают "сыромятным народом", несомненно свидетельствуют об этническом смешении, и более определенно, что в случае фратрии "пор". Доказательством этого служит ниже излагаемое.

То несомненно остроумное, но фактически слабо обоснованное, предположение В. Штейница, что эти фратрии первоначально представляли разные этносы, по нашему мнению, может подтвердить, помимо этнокультурной двухкомпетентности Усть-Полуйской и родственных культур, и новый этимологический анализ названия фратрий "мось", которое фонетически соответствует сходному слову южных хантов "моньть" и этнониму манси. Реконструированной общей праформой всех этих названий $moś \sim meñt' \sim moñsi \sim māñsi \sim māñsi$ встречающейся у разных угорских народов,

включая и венгров, являлся *maŋsǎ́ это отглагольное существительное, обозначающее "рассказать" "сказание" /MNyTESz, 1970:816, 904; MSzFE, 1971:415, 440/.

На наш взгляд у древних угров в свое время противопоставление "мы" - "они" базировалось на дихотомической оппозиции "говорящий"-"немой", в которой отражалось противопоставление "свой"-"чужой" на основе резкого языкового различия. Очевидно, дуальная структура, если не у всех, то у некоторых групп обских угров сформировалась в основном таким образом, что смешивающиеся этносы друг для друга играли роль брачного класса. Взаимный обмен женщинами по экзогамным правилам способствовал не только уменьшению вражды между аборигенами и пришельцами, но и привел к установлению родственных связей и, следовательно, создал благоприятные условия для распространения языка пришельцев - угров. После этого в процессе этнической интеграции у хантов возник новый, их современный этноним, обозначающий уже общих потомков двух народов. Первоначальное самоназвание угров у них сохранилось как название фратрии "моньть" в северо-хантыйском диалекте - "мось", а у манси как этноним./Вереш, 1976:357-358; Veres, 1976:353/.

Все это имеет большое значение не только для этнической истории хантов и манси, но и для выяснения этногенеза венгерского народа, потому что фратриальные названия "мось" (моньть) в финно-угристике, как правило, связывают с семантическим и фонетическим значением самоназвания манси, а также с первой частью этнонима венгров "мадьяр" /MNyTESz, 1970:816/.

В связи с выяснением происхождения самоназвания манси небезинтересно отметить, что название глухаря у них мансин; оно

почти полностью совпадает, с одной стороны, с этнонимом, с другой стороны, близко к глаголу "рассказать" в обдорском диалекте *manä*-и также к некоторым формам слова "сказка" у других групп хантов /Чернецов, 1959; ОФЯ, 1974:272/. Последнее слово в свою очередь связано с фратриальным названием "мось" (моньть). Таким образом, наблюдается своеобразная связь между этими пятью словами, на которую специалисты до сих пор не обратили должного внимания. Как нам кажется, в данном случае этноним и слова: "глухарь", "рассказать", фратриальное название мось, "сказка" - теснейшим образом переплетаются друг с другом не только в фонетическом, но и семантическом отношениях. Несмотря на то, что на первый взгляд это кажется парадоксальным.

В этой связи обращает на себя внимание весьма интересное замечание В.Н.Чернецова, что у обских угров часто встречается общее название манси и хантов в форме "шипор". Это слово в фонетической форме чрезвычайно близко стоит к названию тетерев (шипор) на мансийском языке. В то же время звуковая форма из этнонима "манси" близка к названию глухаря на их языке - "мансин" /Чернецов, 1959 /.

В предыдущих работах о дуальных символических классификациях мы только обратили внимание на это интересное явление, на первый взгляд якобы связанное с тотемизмом этнических названий в парной форме. К сожалению, нельзя полностью исключить случайное совпадение относительно этих слов, т.к. Е.И.Ромбандеева считает, что "мансин" на мансийском языке обозначает "большущая, чренущая" (птица). Тем не менее, нам хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты относительно предполагаемой связи близости звучания этнонима манси и названия глухаря.

Хотя в настоящее время у манси слова "сказание - сказка" (mojt) являются пермскими заимствованиями, но у хантов, соседнего близкородственного народа сохранилась угорская, которая в то же время совпадает с одним из названий фратрий обских угров - "мось" - (моньть).

По всей вероятности современное хантыйское слово сказка, сказ, сказание /moʃə ~ moʃs ~ moŋt'/ в далеком прошлом у предков обских угров, как и у многих других народов, в том числе и русских, происходило от слов - "сказать", "рассказать", т.е. говорить. Не исключено, что у манси глухарь первоначально называется говорящей птицей. Как известно, во время тока эта птица теряет бдительность, т.е. становится глухой, так как все время подает собственный голос. Вышеописанное интересное поведение глухаря вовсе не противоречит тому, в то время когда многие народы называют эту птицу "глухой", манси дали ей имя "говорящей", ведь глухарь потому не слышит, что все время подает голос. Характерен следующий интересный хантыйский обычай: если за общим котлом одному из охотников досталась голова глухаря, он должен рассказать своим товарищам сказку /Лукина, 1975:4/. Весьма интересно, что разные варианты современного хантыйского слова сказка в реконструированной форме *maŋsǎ полностью совпадают с этнонимом манси *maŋsǎ и венгров, а также с фратриальным названием "мось" или "моньть" (moŋt'). Лингвисты, исходя, наверное, из сегодняшней семантики перечисленных групповых и других названий, не могли себе представить, что этноним можно вывести из слова сказка, - несмотря на то, что их реконструированная фонетическая угорская праформа совершенно идентична и в угорскую эпоху, по мнению самих языко-

ведов, являлась одновременно глаголом и существительным. Думается, что этимология перечисленных слов, имеющих общий корень, довольно убедительно свидетельствует о финно-угорском происхождении тем более, что в данной праформе находим суффикс прилагательного /сэ~сӓ~се/, что обусловило палатальный *п*. Кроме этого только в последнее время у манси не добавляется к их самоназванию слова "мужчина" или "женщина". Это же наблюдается (по утверждению Е.И.Ромбандеевой) и у фратриальных названий. Этнонимы со значением "говорящий человек", выражающие резко языковые различия контактирующих этнических общностей, встречаются, хотя и не часто, и у других народов.

Из вышесказанного видно, что этимологию самоназвания манси мы объясняем совершенно по другому, что до сих пор было принято в лингвистической литературе, занимающейся этой проблематикой.

Наша новая точка зрения продиктована тем условием, что сравнительное языкознание, помимо изучения закономерного развития звуковой формы, должно проследить историю семантики исследуемого слова, чтобы исключить возможность сделать далеко идущие выводы из случайного совпадения.

Вполне очевидно, это правило относится и к изучению этимологии самоназвания народа манси. Однако только фонетическая реконструкция древне-угорской формы данного этнонима является безупречной, его языковой источник и семантическое обозначение, как нам кажется, в свете более внимательного обследования, являются спорной и нуждаются в дальнейших уточнениях.

Б.Мункачи считал этноним народа манси индо-иранским заимствованием, а Э.Итконен объясняет его на финно-угорской основе и связывает с финским словом "самец", "мужчина" /Munkácsi, 1965:110; Itkonen, 1956 /. Toivonen, 1930/.

Покойный В.М.Иллич-Свитыч принимает это последнее толкование Итконена в своем ностратическом словаре, но специалисты по финно-угристике пока отрицают его, ссылаясь на фонетические трудности /Иллич-Свитыч, 1976/; MSzFE, 1971:440/.

Во всяком случае, семантическое объяснение древнеугорского слова *mańśä, из которого впоследствии развился этноним "манси", + фратриальное название "мось" у хантов и северных манси, а также первая часть самоназвания венгров, до сих пор базируются на том категорическом утверждении, что имя народа всегда и везде выводится из слова человек. Начиная с Б.Мункачи подавляющее большинство исследователей предполагают сложные семантические допущения, впрочем никогда строго не доказанные. Они считают, что индоиранское слово "manu-s" - "мужчина", имевшее индоевропейское происхождение, было заимствовано древнеугорскими языками, где семантически расширилось и стало означать "человек", потом стало этнонимом, но позже потерялась первоначальная и расширенная семантика и только сохранилось как название народа (у манси) или в реликтовой форме фратриального имени (у хантов и северных манси). А у древних венгров этот древнеугорский корень *mańśä ~ maɣu - (мадь) потерял свое значение и поэтому даже расширился новым словом "-ар", также обозначающим "человек". Этимология самоназвания венгров таким образом, по мнению большинства ученых, "человек + человек" /Munkácsi, 1905; MNyTESz, 1970:816/. Однако вызывает удивление, что аналогии такого этнонима не может найти ни у одного народа.

Этому сложному ряду предположений противоречит несколько таких фактов, которые до сих пор почему-то не принимались во

внимание лингвистами.

Не обращалось внимание на то важное обстоятельство, что народы архаичной культуры обычно себя называют людьми, а своих соседей по-другому "чужой", "враг" и т.д. У них из-за этноцентризма, базирующегося на дихотомическом противопоставлении мы — они, для самоназвания как правило (кроме случаев этнического смешения), никогда не заимствуется слово "мужчина" или "человек" из чужого языка /Чеснов, 1971:6-13/.

Действительно, финно-угорские народы Поволжья мари, удмурты, меря и мурома заимствовали свои этнонимы из иранских языков под влиянием этнического смешения. Название мордвы также происходит от этого же самого иранского корня март (marta-s) "человек", который можно найти и в современных иранских языках, в таджикском "мард", "мужчина" /ОФЯ, 1974/.

Однако, если бы у обских угров, скажем, этноним действительно имел бы иранское происхождение, тогда он должен был бы соответствовать самоназваниям — перечисленных поволжских финно-угорских народов, чего не наблюдается на самом деле. Доказательство тому слово "морт", хотя у них и есть, но имеет другое значение, а именно "юг" (mort mā) /Munkácsi, 1895/. Это, по-видимому, указывает на то, что раньше в этом направлении от них жили иранцы. Выражение mort mā — у хантов и манси обозначает "земля март-ов", т.е. иранцев.

Ведь из работы греческого географа (I в. до н.э.) Страбона мы знаем, что около начала нашей эры в регионе Каспийского моря, т.е. на юг от этнической территории обских угров действительно кочевали иранские племена под названием "морд". Кроме того общеизвестно, что предки таджиков и родственные в языковом отношении другие иранские народы до эпохи "великого переселения

народов" были расселены почти во всей Средней Азии. У этих близко родственных народов тоже находили слово "морд". Правда, у таджиков это слово теперь означает "мужчина", однако, по-видимому, его первоначальное обозначение тоже вытеснилось под влиянием исламской культуры арабским неологизмом "адам" - т.е. человек /Оранский, 1963:35; Sztrabon, 1975:150/.

На наш взгляд весьма важно то обстоятельство, что широко распространенное иранское слово, обозначающее "человек" - *marta-s* среди финно-угорских обских угров как раз в языке манси имеет только вторичное значение, в качестве стороны света. Этническое смешение не происходило между древними уграми и праиранцами или индоиранцами, что подтверждается лингвистическим материалом /Korenchu, 1972; Harmatta, 1977:168/. Конечно, в принципе не исключено, что фонетически этноним манси можно объяснить на индоевропейской языковой основе как заимствование угров от их южных, более развитых в культурном отношении праиранских соседей. Однако это широко распространенное предположение среди финно-угристов имеет свои фонетические трудности, на которые до сих пор не обращали должного внимания. Поэтому, мы здесь должны особо подчеркнуть мнение Э.Г.Грантовского ^х. Он считает, что довольно трудно объяснить самоназвание "манси" с помощью иранских языков, так как фонетически проблематичным является сохранение звука "с" в конечном слове этого слова, который в иранской форме фигурирует только в именительном, а в других падежах в разговорной речи абсолютно отсутствует, не говоря о том, что эта форма мало

х/ Устное сообщение Э.А.Грантовского.

засвидетельствована в иранских языках, и больше характерна для индийских групп /Абаев, 1949:173/.

Одновременно все эти обстоятельства исключают возможность объяснить этноним манси и фратриальное название "мось" (моньть) заимствованием из древнеиранского языка. Тем более, что сходные формы характерны не только для угорских и индоевропейских, но и почти для всех языков ностратической макролингвистической общности — от семито-хамитских до дравидских языков включительно. Ностратическая форма: *mānʰ, финно-угорская: основа: *mon-, которая, по мнению Иллич-Свитича расширена суффиксом прилагательных — се. Здесь необходимо отметить, что на это последнее обстоятельство не обратили никакого внимания финно-угроведы. Подробный анализ общего древнеугорского этнонима, из которого происходит теперешнее самоназвание манси и венгров, имеет принципиальное значение не только для этногенеза обских угров и для этнической истории предков современных венгров.

Таким образом, из всего вышеизложенного следует, что этимологию этнонима "манси" и фратрии "мось", а также самоназвание венгров скорее можно объяснить на финно-угорской языковой почве как "говорящий человек". Это толкование больше соответствует не только лингвистическим критериям (фонетическим и семантическим) в плане внутренней реконструкции, но и теоретическим соображениям относительно возникновения механизма этнонимов. Дихотомичный принцип является основой формирования древнейших этнонимов /Чеснов, 1971:13; Токарев, 1973 /.

Как известно, угорские народы рано отделились от уральской языковой общности. Их этническая консолидация происходила глав-

ным образом на основе языка, в корне отличающегося от соседей, чуждых им этнических групп.

Существование дуализма древнеугорского слова *mańsǎ с одной стороны в форме этнонима, с другой - фратриального названия "мось", у северной диалектной группы манси дало основу американскому лингвисту Дж.Лотцу для интересного предположения, что два фонетических варианта венгерского этнонима "мадьяр" - "медьер" унаследованы предками венгров до X в. н.э. именно с угорского периода /Lotz, 1956:677-681/.

Однако в этой связи обращает на себя особое внимание наличие тотемического брачного класса под названиями "мось" только у северных манси и отсутствие этого названия у других более южных групп этой же народности. В то же время сходная дуальная фратриальная система "пор" и "мось" существовала, кроме северной группы манси, у другого соседнего народа - у хантов. Как нам кажется, все это указывает на исключительное своеобразие происхождения этнографической группы северных манси и дает ключ к объяснению дуальности вариантов угорского этнонима у них. Тем более, что не только социальная структура, но обычно и те черты культуры (включая даже их диалект), которые отличают их от более южных сородичей, в большинстве случаев как раз сближают сосвинских и ляпинских манси не со своими более южными сородичами, а с соседними верными хантами, например, оленеводство /Соколова, 1975:190-191/. Хотя они живут рядом и в сходных экономических условиях в бассейне Нижней Оби все-таки нельзя объяснить каждое общее явление между ними, т.е. хантами и северными манси лишь конвергенцией или заимствованием. Можно допустить в какой-то мере даже их еди-

ную этническую основу /Вереш, 1967, 1975:86/. Это подтверждается главным образом весьма сходной фонетической системой диалекта северных манси и языком хантов, которая могла возникнуть только под влиянием этнического смешения. Помимо этого, носившие тотемический характер тамги ХУП века, культ "За народом смотрящего человека", остатки хантыйской топонимики у северных манси как будто также указывают на единую генетическую основу северных манси и хантов, не говоря уже о том, что их шаманские песни изобилуют хантыйскими словами и выражениями, не понятными даже исполнителям /Steinitz, ^{1938;} Симченко, 1965; Rombangyeva, 1967:65-99; Munkácsi-Kálmán, 1952/.

Как нам кажется, вероятно в ходе больших этнических передвижений в Западной Сибири около XII в. манси продвинулись на север и появились в бассейне рек Северной Сосьвы и Ляпина, принадлежавшем уже с Усть-полуйского времени или еще раньше хантскому этносу, и смешались с аборигенами - хантами /Вереш, 1967; см.: Могильников, 1964, 1973; Миненко, 1975; Toivonen, 1956:169/.

В это же время манси входили в фратрии "пор" и "мось" хантов, тем более, что у них тоже существовали тогда дихотомические брачные классы, выявленные З.П.Соколовой, хотя они, по всей вероятности, назывались по-другому, так как слова "пор" и "мось", обозначающие соответствующие дислокальные группы у северных манси по мнению специалистов по обско-угорским языкам, имеют несомненно хантыйскую фонетическую звуковую структуру перед согласным звук "н" выпадает /Zsirai, 1954/.

Видимо пришельцы манси в языковом отношении ассимилировали местное население и распространили свой этноним. Таким образом,

влияние хантыйского этнического субстрата до сих пор в большой мере отражается в культуре северных манси, может быть и в их хозяйственном укладе, но прежде всего черты фонетической системы и название общественной организации "пор" и "мось", которые они заимствовали также у хантов.

Новый антропологический материал также подтверждает это предполагаемое этническое смешение. Несмотря на резкую языковую разницу, северные манси в антропологическом отношении близко стоят к березовским хантам. В то же время манси рр.Ляпина и среднего течения Сосьвы по группам крови и другим измерительным и балловым признакам близко стоят к ивдельским и пельмским манси. Манси верховьев Сосьвы обнаруживают некоторое тяготение к кондинцам /Давыдова, 1976:15-16/.

Более десяти лет тому назад автором этих строк была выдвинута гипотеза, согласно которой фратрии "пор" и "мось" в бассейне рр.Ляпины и Сосьвы возникли сравнительно недавно в ходе смешения манси и хантов в XII в., затем распространялись отсюда в ходе новых миграции среди хантов /Вереш, 1967/.

Однако в свете новых фактов эту гипотезу все же следует считать частично ошибочной, по крайней мере что касается распространения фратриальной системы из единого центра /Соколова, 1976; ср. Бабаков В.Г., 1973:19-20/.

Дальнейшие исследования показали, что дуальные брачные классы ограничены не только северной группой манси. Как установили новейшие исследования З.П.Соколовой, дуализм общественного строя прослеживается везде у обских угров в XIII-XIV вв. На основе достоверных данных, базирующихся на архивных данных XIII в. и на свидетельствах полевых исследований этнографов прошлого века, можно уверенно сказать, что независимо от значительной

подвижности населения в Приобье могла длительно существовать классически стройная дуально-фратриальная организация /Соколова, 1976; Гондатти, 1888/. Все это лишний раз подтверждает достоверность позднейших исследований покойного В.Н.Чернецова, что в прошлом в действительности у всех групп хантов и манси существовало экзогамное дуальное общественное устройство, в подавляющем большинстве называвшееся "пор" и "мось" или его вариантами.

Однако фратриальное название "мось" у северных манси является поздним заимствованием из хантыйского языка. И хотя оно имеет общий корень с этнонимом манси тем не менее происхождение двух вариантов этого названия нельзя относить к угорскому периоду, как утверждает Лотц. /Veres, 1978:371/.

В заключение хочется отметить, что один из важных доводов в пользу локализации прародины древних угров в Прикамье служило то предположение, что предки хантов и манси из северо-восточной Европы в Западную Сибирь переселились около XII в. н.э. Эту гипотезу обычно подкрепляли топонимикой на западном склоне Урала, сохранявшей окончания гласных, которые исчезли из географических и гидронимических названий на современной этнической территории манси и хантов. Однако вызывает удивление, что никто из лингвистов не обратил внимания на явные хронологические противоречия этого утверждения. Дело в том, что сами лингвисты придерживаются того взгляда, что лишь около XV-XVI вв., то есть намного позже после того, как обычно предполагают переселение обских угров из Европы в Азию, конечные гласные начали исчезать. На наш взгляд сохранение конечных гласных в топонимах Западного Приуралья может свидетельствовать

только о том, что процесс исчезновения конечных гласных уже не затронул в XV-XVI вв. этих названий и никаким образом нельзя их применять для обоснования более раннего переселения около X-XII вв. н.э. обских угров. К тому же в хантыйском и мансийском языках гласные исчезли из конца слова независимо друг от друга. Впрочем известно, что фонетические процессы в центральных диалектах, как правило, происходят быстрее, чем в периферийных, которые больше сохраняют архаичную форму. Поэтому мы заключаем, что исчезновение гласных из конца слов в топонимах современной этнической территории обских угров и сохранение их на западной окраине этнического ареала манси само по себе не служит аргументом в пользу широко распространенной среди лингвистов концепции о продвижении групп хантов и манси с запада на восток, из Прикамья в Западную Сибирь.

Против предположения о переселении обских угров с западного склона Урала на Восточный бассейн среднего и нижнего течения Оби говорят и данные археологии /Чернецов, 1941, 1953; Мошинская, 1965; Могильников, 1973/.

В упомянутой раньше концепции Я.Харматта и Д.Ласло, по нашему мнению, есть только одно рациональное зерно, а именно, что северные народы действительно едят сырое мясо и пьют кровь животных (из-за недостатка витаминов). Однако мы не можем обойти молчанием, что кочевники более южных, даже пустынных районов Евразии также ели сырое мясо и, видимо, не только потому, что они могли происходить из более северных областей. Другие данные также противоречат тому, что предков братии "мось" тем более предков венгров можно связывать с народом Поволжья, иранское название которого "амадокос" - "кушающим сырое мясо",

хотя на первый взгляд эта концепция является весьма заманчивой.

Археологические исследования советских ученых относительно этногенеза обских угров, а также другие материалы, в частности, приведенные нами выше, не подтверждают предположения о переселении хантов и манси под давлением коми из Северо-Западной Европы за Урал. Слабая аргументированность этого предположения на основе лингвистических наблюдений М.Кишпал еще раньше подчеркнула, когда указывала на то, что выявленные древнетюркские слова не могли попасть к древним уграм в Европе тем более, если обские угры будто только в XII веке переселились из Прикамья в Западную Сибирь /Кишпал, 1953:186/. Однако ее взгляды были подвергнуты в свое время несправедливой критике. Мы не отрицаем возможности того, что западная часть этнической территории манси в прошлом доходила до Перми, то есть перешла в Европу: ведь это хорошо видно на диалектологических картах Я.Гуя (XVIII в.) и на этнической карте Б.О.Долгих о родоплеменном составе народов Сибири в XVII веке. Однако мы возражаем против такой широко бытующей в зарубежной литературе интерпретации, согласно которой мансийская субстратная топонимика, якобы, подтверждает переселение обских угров в целом с западного европейского склона Урала на восточный азиатский. Как нам представляется, более вероятно, что эти топонимы свидетельствуют не о переселении, а, напротив, об ассимиляции местных угров с пришельцами /Гуя, 1963/.

Ведь ханты и манси, как известно из более поздних данных, не так уж легко оставляли свои земли. Например, западные и южные группы даже изменили свой язык, перешли на башкирский, татарский или русский, но в основном остались на своем месте.

Вне всякого сомнения, обские угры – самые близкие родственники по языку венграм среди финно-угров; в то же время, в их антропологическом типе, материальной и духовной культуре, может быть, в какой-то мере даже в некоторых чертах их своеобразной дуальной социальной организации, довольно сильно чувствуется влияние архаичного этнического субстрата древних уральцев – аборигенов Западной Сибири. Вероятно этим объясняется то интересное противоречие, что в современных угорских языках лингвисты могли выявить сравнительно мало общих языковых соответствий, во всяком случае меньше, чем можно было ожидать, особенно относительно грамматики. В обско-угорском и венгерском языках до настоящего времени специалисты обнаружили в противовес около 400 общим корням слов всего лишь несколько сходных фонетических тенденций и три суффикса / *hajdu*, 1962:36-37/. Малочисленность общих угорских языковых явлений можно объяснить влиянием этнического субстрата. Наряду с этим заслуживает особого внимания тот факт, что несмотря на большую отдаленность угров и самодийцев друг от друга, они принадлежат в языковом отношении разным ветвям уральской семьи, тем не менее в их фонетической структуре можно найти многочисленные соответствия / *Harmatta*, 1967/. Наконец, здесь надо упомянуть о своеобразных мотивах, характерных для неолитической керамики древних уральцев Западной Сибири, помимо геометрического стиля андроновской археологической культуры более позднего времени бронзового века, которые сохранились даже и в современных орнаментах обских угров, являющимися, собственно говоря, на теперешней этнической тер-

ритории пришельцами с юга лесостепи Зауралья. По нашему мнению, все эти вышеперечисленные явления красноречиво свидетельствуют о сравнительной географической изолированности данной территории, имевшей в этническом отношении далеко идущую преемственность и чрезвычайно медленное развитие производительных сил.

Глава четвертая

ДРЕВНЕВЕНГЕРСКАЯ ЭПОХА

Как уже упоминалось, большинство венгерских исследователей как раньше, так и теперь, считают, что прародину своих предков — надо искать в лесистых районах Средней Волги, в Прикамье или в западной части Башкирии. Исходную территорию древних венгров обычно гипотетически связывают с волосовской, ананьинской, пьяноборской, неволинской археологическими культурами северо-восточной Европы. Эти взгляды главным образом основываются на традиционной, но методологически неверной концепции о локализации уральской финно-угорской языковой общности к западу от Уральских гор, а также на том, что самые близкие родственники венгров по языку — ханты и манси — якобы сравнительно недавно переселились в Западную Сибирь из Европейского Предуралья. Наряду с этим ошибочно предполагается, что наличие двух одинаковых племенных названий (Юрмати, Еней) тюркского происхождения у венгров X в. и у средневековых башкир даёт полное основание искать "*Magña Hungaria*" в Башкирии. Начиная с А.Вамбери (конец прошлого века) до настоящего времени (академик Д.Немет, Л.Лигети, Д.Ласло) в этногенезе древних венгров считали определяющими этнокультурные влияния тюрков. Согласно этой широко распространенной концепции скотоводческие и земледельческие навыки предков венгров, а также их племенная организация были заимствованы от потомков болгар в Среднем Поволжье около X в. или позже.

В конце прошлого и первой половине нашего столетия венгерские специалисты обычно считали, что древних венгров надо искать на

юге Западной Сибири, куда они переселились из лесного Поволжья с исходной территории финно-угорских народов. Их концепция базировалась на высказывании Константина Багрянородного о том, что венгров раньше называли почему-то "саварты асфалои", а турки-савиры начинали свой путь в начале "большого переселения народов" с юга Западной Сибири. Большое влияние савилов сохранилось не только в мифологии обских угров под именем загадочного народа "сабир" или "шопер", но из их этнонима возникло название "Сибирь". Эта точка зрения господствовала в довоенной венгерской историографии, однако после 1945 г. стало преобладающим предположение о прародине венгров в области Прикамья и Башкирии, в основном в ее европейской части.

Популярности этого взгляда среди историков способствовало то, что средневековые арабские географы не раз называли венгров башкирами, не говоря о том, что Д.И.Немет попробовал лингвистически вывести этноним башкиров из самоназвания венгров.

Кроме того общеизвестно, что в Среднем Поволжье довольно распространены топонимы мишер, мижер, мишар и мижар, которые обычно тоже связывают (но не всегда убедительно) с этнонимом венгров — мадьяр /Németh, 1930; 1966:34-50; Várári, 1977: 283-291/.

Предполагаемую башкирскую прародину венгров пытались подкрепить сведениями монаха Юлиана, который якобы в Башкирии или близкой к ней территории нашел в начале XIII века некоторые венгерские группы, оторвавшиеся от основной массы ранее X века.

Вследствие всего этого получилось, что все больше и больше исследователей были склонны отрицать тот взгляд, что венгры во время "великого переселения народов" могли появиться в При-

кубанье недалеко от Кавказских гор на побережье Черного и Азовского морей. Это предположение было раньше довольно популярным и считалось вторым этапом переселения венгров в направлении их новой родины - Лабедию, Этелькёз, наконец, к западному краю Евразийской степной зоны - Паннонию.

В отличие от этих предположений, господствующих в специальной литературе в ВНР, наша концепция о прародине древних венгров - следующая. Исходя из того, что предки венгров действительно были кочевыми скотоводами до X в. н.э., и принимая во внимание то, что их антропологический тип формировался в I тысячелетии до н.э., т.е. в эпоху ранних кочевников, именно в степных и полупустынных районах Казахстана, можно сделать интересный вывод относительно этногенеза предков нашего народа. Разделение угорской этнолингвистической общности и этногенез венгров по всей вероятности взаимосвязаны и имеют прямое отношение к возникновению кочевого скотоводства в конце эпохи бронзы в начале железного века. Отсюда следует, что надо вновь вернуться к той забытой концепции, которая считает исходную территорию древних венгров не в лесном районе Северо-Восточной Европы, а в азиатских степях.

Наша главная аргументация в этом вопросе базируется на том, что по новейшим палеоантропологическим данным Г.Ф.Дебеца, Тибора Тотта расовые признаки венгров в эпоху приобретения родины (I в. н.э.) имели ярко выраженный андронидный облик. Это проявлялось в довольно крупных размерах черепной коробки, и, несмотря на европеидность, в широких скуловых диаметрах /Дебец, 1938:16; Тотт, 1970:149-159/. Как известно, Тотт локализирует морфогенетический ареал древних венгров между Нижней Волгой и

Аральским морем в тысячелетнем периоде с XII по II вв. до н.э., на наш взгляд, из его данных следует, что обрисованная им территория Казахстана соответствует во-первых одному важному из центров кочевничества, во вторых хронологически совпадает со временем формирования номадизма и эпохой ранних кочевников (по А.Х.Хазанову — древних), не говоря о том, что расстояние между Аральским морем и Нижней Волгой кочевники могут покрыть в течение года. Вполне можно допустить, что в северном Прикаспии в отличие от других скотоводов — номадов венгры кочевали круглогодично, что по мнению авторитетных советских специалистов весьма редкое явление и происходит в особых исторических или экологических условиях. Принимая во внимание, что в языке венгров отсутствует собственный ранний термин земледелия кроме проса и андроновидный крупный размер головных показателей у их предков, можно считать весьма вероятным, что прародину древних венгров надо искать в тех степных и полупустынных районах, где меньше всего возможно земледелие. Этим требованиям евразийской степной зоны лучше всего соответствует Казахстан, который ближе всего расположен к предполагаемой исходной территории древних угров лесостепному Зауралью и непосредственно соседствует с южной частью предполагаемой прародины уральских народов — с Западно-Сибирской низменностью.

Вследствие всех этих совпадений, на наш взгляд, исследование Тота относительно антропологического типа протовенгров и их географической локализации внесли неоценимый вклад в разработку этногенеза венгерского народа, несмотря на то, что он в отличие от нас не сделал никаких культурно-исторических вы-

водов, логически вытекающих из его концепции. При помощи его результатов можно найти то недостающее до того звено, которое связывает древних угров эпохи бронзы с предками венгров, в период "великого переселения народов". Как известно, до настоящего времени не было никаких данных, касающихся не только местоположения протовенгров до хазарского периода, но и облика их культуры. Для выяснения проблемы путей переселения древних венгров новые антропологические данные имеют первостепенное значение, не говоря уже о том, что на основе этих сведений можно сделать далеко идущие выводы относительно их хозяйственной деятельности, которые не противоречат более поздним историческим данным о них.

Мы особо подчеркиваем значение исследований Тота, которые он обоснованно суммировал в недавно защищенной докторской диссертации, не только потому, что их хорошо можно связать с новыми результатами других дисциплин, но и потому, что его идеи, как нам представляется, не оцениваются в должной мере в венгерской специальной литературе. К сожалению, это обстоятельство доныне в большей мере препятствует более полной реконструкции праистории наших предков / Гинзбург, 1970:90-94; Lipták, 1970:85-90; 1977:231-243/.

Во избежание недоразумения следует подчеркнуть, что в специальной литературе впервые мы выдвинули тезис: в этногенезе венгров имело далеко идущие последствия то важное обстоятельство, что в конце бронзового века и начале железного века в степной зоне, распространяющейся от Монголии до Карпатских гор, куда входил и Южный Урал, произошло хозяйственное отделение скотоводов и земледельцев. Этот процесс роста специализа-

ции производительных сил, выражающийся в углублении общественного разделения труда, документируется археологическими и остеологическими материалами.

Мы уже раньше уделяли внимание изучению вышеупомянутых поразительных хронологических совпадений, проливающих свет, по нашему убеждению, на этногенез венгерского народа. Это впервые было высказано нами в декабре 1969 г. в связи с докладом Т.Хоффмана, директора будапештского Этнографического музея, о венгерском этносе, и послужило впоследствии основой статьи "Новые данные о финно-угорской и венгерской праистории", вышедшей в свет в 1971 г. в ежегоднике Этнографического музея /Veres, 1971:35-45; Hoffmann, 1975:159-198/.

В этом сообщении мы впервые попробовали связать хронологию распада угорской языковой общности (состоявшей из общих предков хантов, манси и венгров), ранее установленную лингвистами, с некоторыми экологическими и культурно-хозяйственными изменениями, вытекающими из дальнейшего прогрессирующего развития производительных сил, происходящими в степи Евразии и выявленными археологами, этнографами и палеоклиматологами.

Вызывает удивление, что среди венгерских специалистов, занимающихся праисторией своего народа, долгое время никто не заметил, что дифференциация угорской этно-лингвистической общности в начале 1 тыс. до н.э. происходила синхронно с возникновением кочевничества в конце эпохи бронзы. Однако это досадное упущение становится понятным, если принять во внимание, что вопрос о становлении номадизма в степной зоне около рубежа II-I тыс., ранее разработанный известными советскими специалистами М.П.Грязнов, С.И.Руденко, С.С.Черников, Г.Е.Марков и

т.д.), к сожалению, не был известен до начала 70-х годов нашего столетия в венгерской научной литературе /Грязнов, 1955; Черников, 1957, 1965; Руденко, 1961; Марков, 1967/.

Собственно первая статья, которая в сжатой форме познакомила венгерских специалистов с результатами и аргументацией советских исследований относительно проблематики происхождения кочевого скотоводства в Евразийской степной зоне, была написана нами в 1969 г. и вышла в свет в 1971 г.

В этой работе мы занимались не только вопросами, каким образом происходило формирование специализированного хозяйства кочевников из оседлого комплексного хозяйства скотоводов и земледельцев в финальном этапе степной бронзы Евразии, но одновременно пробовали связать происхождение хозяйственно-культурного типа кочевничества с дифференциацией угорской общности и этногенезом древних венгров /Veres, 1971:33-57/.

Во избежание недоразумений заметим, что венгерские исследователи, особенно востоковеды и этнографы, и раньше неоднократно занимались разными вопросами кочевничества. С помощью этнографического материала турецких народов Средней Азии, собранного ими иногда даже в полевых условиях, а также восточных письменных источников, они надеялись найти параллели для лучшего понимания хозяйственного быта и общественной структуры венгров-кочевников в эпоху приобретения родины или более раннего времени (А.Вамбери, Л.Алмаши).

Однако проблемы формирования кочевого скотоводства в умеренных степных районах Евразии ускользнули от их внимания, хотя мимоходом и встречались такие стандартные выражения, даже в работах начала нашего столетия, что первые кочевые

народы в истории — киммерийцы или скифы. Это, собственно, правильное утверждение являлось просто умозаключением, почти ничем не было аргументировано и ему не придавалось большое значение. Общепринятая современная точка зрения относительно генезиса кочевого хозяйства не противоречит этому предположению. Общеизвестный факт ныне, что подавляющее большинство советских археологов и этнографов приурочивает время формирования особого хозяйственно-культурного типа степных номадов как раз в рубежу II—I тыс. до н.э., т.е. к эпохе появления киммерийцев и скифов, согласно письменным источникам. Этот общераспространенный взгляд относительно становления кочевничества, который признали и за рубежом, давно зафиксирован не только в специальных советских научных трудах, но и в энциклопедиях, учебниках и даже научно-популярных изданиях в СССР; однако до появления нашей статьи и работы С.И.Руденко под редакцией Л.Фёльдеша на немецком языке в Будапеште, среди ученых ВНР хронология возникновения кочевого скотоводства степи не была известна, если не считать неопределенных замечаний в книге известного ^{РК} этнолога А.Рона-Таша "По следам кочевников", об экспедиции венгерских востоковедов в Монголию, вышедшую впоследствии и на русском языке. Там мимоходом находим предположение, что кочевничество формировалось в VI в. до н.э. /Róna-Tó, 1962:187/. Но этому короткому и вместе с тем неточному замечанию, вдобавок без всякой аргументации или ссылки, никто, даже сам автор книги, не придавал особого значения в истории культуры вообще, тем более относительно этногенеза венгров, хотя тогда уже давно общеизвестно было, что предки венгров выделились из угорской общности,

по мнению лингвистов, в 1-й половине I тыс. до н.э. (по мнению Э.Моора в III веке, или около V века до н.э., по П.Хайду) и в раннем средневековье они являлись типичными кочевниками южнорусских степей. Но, видимо, венгерские археологи, лингвисты, этнографы и антропологи не следили за работами как отечественных, так и зарубежных представителей других дисциплин, или не очень доверяли им. Другими словами, даже в начале 60-х годов комплексный метод этногенетических исследований далеко не был исчерпан в ВНР. Как бы то ни было, но факт, что до 1959 года никто не обратил внимания на поразительное хронологическое совпадение; возникновение кочевничества в степи и расформирование угорской общности в лесостепи Южного Зауралья; совпадает также и генезис антропологического облика древних венгров в полупустынных районах Казахстана, не говоря о значительных экологических изменениях в конце эпохи бронзы и начала железа по всей Евразии. Все это, по нашему мнению, не случайное совпадение разных явлений, а обуславливающие друг друга причинные связи.

Против случайности здесь красноречиво говорит то важное обстоятельство, что хронологию возникновения номадизма, изменение климата, а также начала формирования расового облика предков венгров представители разных дисциплин приурочивали независимо друг от друга к одному же периоду, а именно — к концу II — началу I тыс. до н.э.

В наших первых работах мы всего навсего лишь хотели обратить внимание специалистов на то, что эти важные события протекали не только по времени синхронно, но и теснейшим образом взаимосвязаны в других отношениях.

Суммируя все вышесказанное, на наш взгляд, в конце бронзового века расформированию угорской этнолингвистической общности способствовало не только выделение предков обских угров, но и не в меньшей мере выделение протovenгров. Последние — тем, что они активно участвовали в первом крупном общественном разделении труда, происходившем в ту пору в степях. В то время как северная угорская группа переселилась в направлении тайги, южные угры во время упомянутого изменения климата (между XIII—УШ вв. до н.э.) приспособливали свою хозяйственную систему к новым неблагоприятным экологическим условиям Западно-Сибирской степи.

Древние венгры от оседлого комплексного хозяйства стали переходить к новым специализированным формам скотоводства — кочевничеству с коневодческим уклоном, что несомненно должно было обусловить более подвижный образ их жизни. Древним венграм в их переходе к кочевничеству в большей мере способствовали ранее существовавшие скотоводческие навыки в лесостепи Южного Зауралья. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что этническая территория древних угров располагалась близ важных центров зарождения номадного скотоводства. Венгры, переходя на новый, кочевой образ жизни, попали в более благоприятные хозяйственные условия, чем другие финно-угорские народы, оставшиеся в лесной зоне Северной Евразии.

При переходе венгров к кочевому скотоводству возникла возможность для того, чтобы они соответственно их общественно-экономическим условиям могли совершить тот исключительно длинный путь, который вел их от родственников по языку оставшихся

в лесостепной зоне (Сибири) в западный край степи, в среднее Подунавье, на их сегодняшнюю родину.

Во всяком случае, на наш взгляд, очень важным с точки зрения этногенеза венгров является то, что около XII в. до н.э. параллельно с упомянутыми экологическими изменениями некоторые группы андроновидной культуры из лесостепи Южного Урала, подобно северной части срубной культуры Заволжья, Прикамья и Башкирии, проникли на более южные просторы, а именно в Северо-Казахстанские степи /Зданович, 1975:24; Мажитов, 1968:29/.

По мнению Г.Б.Здановича археологический материал конца эпохи бронзы, имеющий черкаскульский культурный облик, красноречиво свидетельствует о передвижении некоторых племен лесного и лесостепного Зауралья с севера на юг в среду североказахстанских племен. Типичная черкаскульская посуда с примесью талька и желобчатым орнаментом появляется на ишимских поселениях. Приход черкаскульских племен фиксируется по своеобразному типу жилищ и отдельным специфическим формам орудий труда. Оказав значительное влияние на Северный Казахстан, черкаскульские племена постепенно растворились в среде местного населения /Зданович, 1975:23-25/.

На наш взгляд хотя в Северном Казахстане проникающие сюда черкаскульские группы постепенно потеряли свою культурную специфику, нельзя полностью исключить возможность того, что они в языковом отношении сохранили свою самостоятельность и не ассимилировались с соседними чужими этническими общностями. Принимая во внимание, что антропологический облик древних венгров имел явно выраженный андроновский характер и формировался в Казахстане между XII-II вв. до н.э., а также другие данные, о

которых более подробно будем говорить ниже, мы выдвигаем гипотезу о том, что передвигавшихся черкаскульцев из Западно-Сибирской лесостепи предположительно можно этнически отождествить с южными группами угров — предками древних венгров.

Вышеизложенное вполне соответствует общим соображениям относительно этногенеза венгерского народа. Ведь Северный Казахстан расположен сравнительно недалеко от этнической территории обских угров, самых близких родственников венгров по языку, и вместе с тем, соседняя Западная Сибирь считается прародиной древних уральцев.

Локализация древних венгров между Нижней Волгой и Аральским морем в конце бронзы и в начале железного века согласуется не только с антропологическими данными, но лучше всего объясняет место и время формирования номадизма у предков нашего народа. Естественно, наше предположение является лишь гипотезой относительно этнической интерпретации вклинивания черкаскульцев из Южного Зауралья в Северный Казахстан. Правильность его может быть подтверждена только косвенно. Однако не исключено, что начатые интенсивные археологические раскопки в Казахстане по конкретизации передвижения Зауральских лесостепных племен на исходе бронзового века на более южные земли еще могут дать много нового. Тем не менее пока мы не имеем видимой причины отказаться от ранее выдвинутой нами концепции, что далекие предки древних угров на рубеже II—I тысячелетий до н.э., вследствие сложных экологических и экономических процессов попали из лесной зоны Сибири в степную, создали там свое кочевническое хозяйство и одновременно сформировались в этническую общность.

По исследованиям эстонского ученого К.Ю.Марк, палеоантропологические данные также не противоречат предположению о постепенной инфильтрации малочисленных монголоидных групп со времени финального этапа эпохи бронзы в среду северокаспийских степных племен из лесостепного Зауралья.^х

Прежде чем подвести итоги вышесказанному об этногенезе протомадьяров, мы хотели бы обратить внимание на то интересное обстоятельство, что венгры — единственный народ среди финно-угров, предки которого из лесной (таежной) зоны северной Евразии попали в степь, и здесь, на этой южной земле получили новый импульс развития. Логично, что возникновение этого этноса следует искать в южной части уральской прародины, а именно в такой области Западной Сибири, где экологическая и экономическая обстановка делает возможным, чтобы какие-то группы племен, хотя бы одно, могли с севера легко попасть в степную зону, создать более прогрессивное хозяйство, способное развиваться, но без того, чтобы эти группы окончательно потеряли бы все свои отличительные культурные черты и растворились бы этнически в окружении соседних групп. По нашему мнению, этим упомянутым требованиям больше соответствует территория, расположенная к востоку от Урала — лесостепные и степные области Западной Сибири, чем район бассейна Камы, где подавляющее большинство современных венгерских специалистов по традиции склонны искать уральскую и угорскую прародины и вместе с тем исходную территорию предков венгров.

х/ доклад в 1975 году на 14-ом международном конгрессе финно-угроведов.

Мы считаем, что своеобразные оптимальные экологические и хозяйственные условия лесостепи Южного Зауралья в какой-то мере уже сами по себе объясняют некоторые проблемы этногенеза венгров, до сих пор не изученные в таком аспекте в специальной литературе. Во всяком случае, оптимальные экологические условия и прочная экономическая база Зауральской андронидной культуры, которую мы гипотетически отождествляем в этническом отношении с древними уграми, может объяснить причину сохранения сравнительно небольшой группой древних венгров своего этноса в среде других кочевых народов, численно преобладающих в степной зоне Евразии. Выходцы из этого района в степной зоне в культурном уровне незначительно отличались от соседних, более южных племен. Для них раньше была также характерна оседлая комплексная экономика и вместе с другими племенами они переходили на рубеже II-I тысячелетий к кочевому хозяйству.

Таким образом, принимая все данные во внимание, получаем ответ на спорный вопрос, почему не в Европе - в Среднем Поволжье, а в Азии - на восточных склонах Южного Урала и сопредельных землях надо было отделиться далеким предкам венгров от близко родственных им групп, частично ставших животноводцами и земледельцами к этому времени, но оставшихся в лесостепной зоне.

Кроме этого проливается свет и на другую проблему, а именно на то, какие факторы играли роль в том, что среди финно-угорских народов только венгры переселились в степную зону. Почему же они являются единственной финно-угорской группой, перешедшей к кочевому скотоводству? Наконец, получаем более точные даты определения хронологии образования древне-венгерского

этноса по сравнению с прежними попытками.

Итак, можно сделать заключение, что в этническом формировании древних венгров, выделившихся из угорской этнолингвистической общности к началу I тысячелетия до н.э. важную роль играли экологические и экономические причины. Однако нельзя не обратить внимания на то, что при этногенезе венгров наряду с внешними влияниями не менее важное значение имели и внутренние факторы. По нашему мнению внутренний фактор ранней этнической консолидации вытекал из своеобразного положения предков венгров, кочевавших в степи.

Древневенгерские диалекты, носившие своеобразный финно-угорский характер, стояли особняком среди языков ~~номадов~~, принадлежавших к индоевропейской, алтайской, или другой неизвестной языковой семье. Это обстоятельство во многом препятствовало многосторонней интенсивной связи венгров с другими кочевниками, что, впрочем, в значительной мере ограничивало и этническое смешение. Вследствие сужения брачных связей возник не только языковой, но и генетический барьер между ставшей эндогамной древневенгерской группой и окружающей ее чуждой этнической средой. Это, в свою очередь, привело к относительной языковой, культурной, даже в некоторой мере антропологической однородности, т.е. происходила ранняя этническая консолидация.

По-видимому, противопоставление древневенгерского этноса соседним, но не родственным генетически общностям выразилась не только в изолированном положении языка, в определенном уровне эндогамности, но и в том, что осознавалось бинарное понятие — "мы — они", т.е. возникло этническое самосознание,

которое, наверное, выражалось и в создании собственного самоназвания.

Действительно, новый этимологический анализ первой составной части венгерского этнонима "мадьяр" возводится к дихотомии "говорящий"—"немой". Реконструированная форма современного самоназвания венгров *maŋsǎ не случайно совпадала в угорскую эпоху с отглагольными существительными "рассказать" > "сказание".

По-видимому, этноним "мадьяр" у венгров формировался на осознанном языковом различии: они выражали противопоставление "свои"—"чужой" дихотомической оппозицией: "Мы говорим, а они не (или плохо) понимают". Этноним с подобным значением хотя и не часто, но все-таки встречается и у других народов. Например, название славян и немцев обозначает: мы — "говорящие", они — "немые". В Восточном Судане горные буруны называют себя "кто понимает язык", а соседей — "глухими". Выражение "варвар" у древних греков (и "бербер" у арабов), как известно, ведет происхождение от слова "заикающийся".^х

На основе всего этого, древневенгерский этнос вполне можно характеризовать как осознанную культурно-языковую общность, которая формировалась на определенной территории между людьми, живущими в тех же общественно-экономических условиях.

Основываясь на совокупности данных разных источников, вполне правомерно предположить, что этногенез венгров закончился

х/ Интересно, что в современном венгерском языке существует глагол, образованный от этнонима "мадьяр" — "объяснить". (Kálmán, 1970; Veres, 1975:197).

тогда, когда они отделились окончательно по экономическим причинам от родственных им по языку групп и превратились в степи в самостоятельную замкнутую языковую и культурную общность. Древневенгерский народ можно считать динамической адаптивной системой, имевшей сравнительно постоянное общее культурное своеобразие, и этим отличающийся от соседних этнически общностей. Его члены рано или поздно осознали свое единство. Это универсальное социопсихологическое групповое сознание, базирующееся на дихотомическом противопоставлении "мы" — "они", выразила эндогамия, т.е. предпочтение заключения браков внутри своей общности, а также самоназвание — этноним. В ходе дальнейшей этнической истории венгерского народа все эти признаки, которые характерны для любого этноса, явились несомненно важным фактором этнической консолидации, но у венгров в этом отношении особую роль играл их собственный своеобразный финно-угорский язык, в корне отличающийся от соседей-иранцев или других, пока нам не известных народов. Все эти обстоятельства сделали возможным, что венгерский этнос (этникос), как и некоторые другие народы, в течение нескольких общественно-экономических формаций сохранился, не потеряв этнической преемственности их общности.

Однако следует подчеркнуть, что самый важный объективный и постоянный этнический признак венгров как в то время, так и позднее — их собственный язык. Субъективный критерий этноса, по-видимому, групповое сознание, выражающееся и в признаках представления о предполагаемом общем происхождении. На наш взгляд, сеть племен и племенных диалектов древних венгров была замкнутой коммуникационной системой, обладающая информа-

ционной сетью средней интенсивности, даже возможно немного сильнее из-за их весьма подвижного кочевого образа жизни. Это лучше всего доказывается новой этимологией самоназвания венгерского народа, предложенной нами, которая обозначает "говорящий человек". Соединение двух разных слов мадь + ар (говорящий человек) в единый этноним датируется, по мнению лингвистов, началом древневенгерской эпохи. /MNYTESz, 1970:816; MSzFE, 1971:416/.

Никто не сомневается в том, что общность языка — одно из важнейших условий формирования этноса. Язык имеет самый яркий этнический характер. Как правило, внутри этноса общий язык является одним из самых важных факторов этнической консолидации, потому что в области культуры как раз язык составляет замкнутую систему и дает возможность на резкое обособление. Язык не только средство коммуникации. Он вместе с тем имеет и важный знаковый характер. Он символизирует принадлежность говорящих на нем к определенной этнической общности. Не случайно, что подавляющее большинство названий языка данного народа совпадает с его этнонимом /Бромлей, 1973:51-54/. Когда это совпадение не наблюдается, часто можно объяснить это тем, что данный народ исторически и территориально-географически, а также политически отделился в прошлом от своих соплеменников.

То, что этногенез в раннюю этническую историю древних венгров можно искать в довольно отдаленном времени, как у китайцев, армян и греков или персов и т.д., объясняется тем, что отделение финно-угров друг от друга произошло сравнительно рано, и этническая консолидация древних венгров происходила главным образом на основе русского языкового сопоставления с соседними, но

чужими этническими группами. Это явление в ту пору было видимо довольно редким. Это объясняется, по-видимому, тем, что в древности язык если не всегда, но все-таки иногда, при наличии особых условий, мог бы являться этническим признаком у некоторых народов.

Более вероятно, как нам представляется, что в прошлом довольно часто друг с другом соседствовали родственные этнические группы, в языковом отношении в большой степени близкие друг другу и поэтому не имевшие резкой лингвистической границы. Во всяком случае, такое явление наблюдается даже в наши дни, кроме тюркских и арабских народов, почти у всех, за редким исключением, этнолингвистических общностей в Европе: у славян, балтов, германцев, романцев, также у финно-пермской или обско-угрской, самодийской ветвей уральцев в Азии. Этими же причинами объясняется довольно позднее этническое разделение тюрков и арабов, составлявших еще недавно почти сплошную единую языковую цепь слабо дифференцированных диалектов от севера Китая до Босфора или от средневековой Испании до Месопотамии. Разумеется, иногда это положение осложняется иноязычным субстратом, а также поглощением родственных групп. Однако вместе с тем нельзя забывать о том, что этнос всегда тесно связан со своей социальной и природной средой, то есть составляет этно-социальный организм. Наверное поэтому в отдельных случаях уровень консолидации языка может зависеть и от степени развития производительных сил (соответственно и общественных отношений), хотя язык как таковой, как и этнос (этникос) сам по себе не является формационным явлением /Козлов, 1970:47-61; Бромлей,

1973/. Так у охотников или примитивных земледельцев наблюдается большая языковая раздробленность. У кочевников-скотоводов как у степных, пустынных, так и у тундровых (например арабы, казахи, ненцы) — обычно большая языковая (вернее диалектная) гомогенность вследствие их подвижного образа жизни и частых взаимных контактов. Но в то же время их весьма своеобразный хозяйственно-культурный тип может послужить иногда этнической и лингвистической дифференциацией, как это, имело место во время отдаленного переселения, например, в случае венгров.

Кроме собственного языка и эндогамии, сыграло благоприятную роль и то обстоятельство, что у древних венгров к началу I тысячелетия до н.э. одновременно (а не позже) с другими степными народами сформировался свой кочевой уклад жизни. Именно это привело к тому, что среди иранцев, тюрков и других народов (по своей численности доминирующих в степи), древние венгры, как равноправные участники единой евразийской кочевой культуры, могли сохранить внутреннюю общественную автономию, а также свое этническое лицо. Таким образом они избежали опасности этнической ассимиляции. Конечно, это положение не исключает возможности отделения некоторых групп, ассимиляции чужих или различных этнокультурных связей через двуязычие.

Что касается этнического облика народов, способствовавших переходу древних венгров к кочевому скотоводству, хочется обратить внимание на следующие обстоятельства.

В связи с предположением Т.Тота об индоиранском этническом характере субстрата древних венгров, нельзя упускать из виду многочисленные высказывания, отрицающие в целом или частично

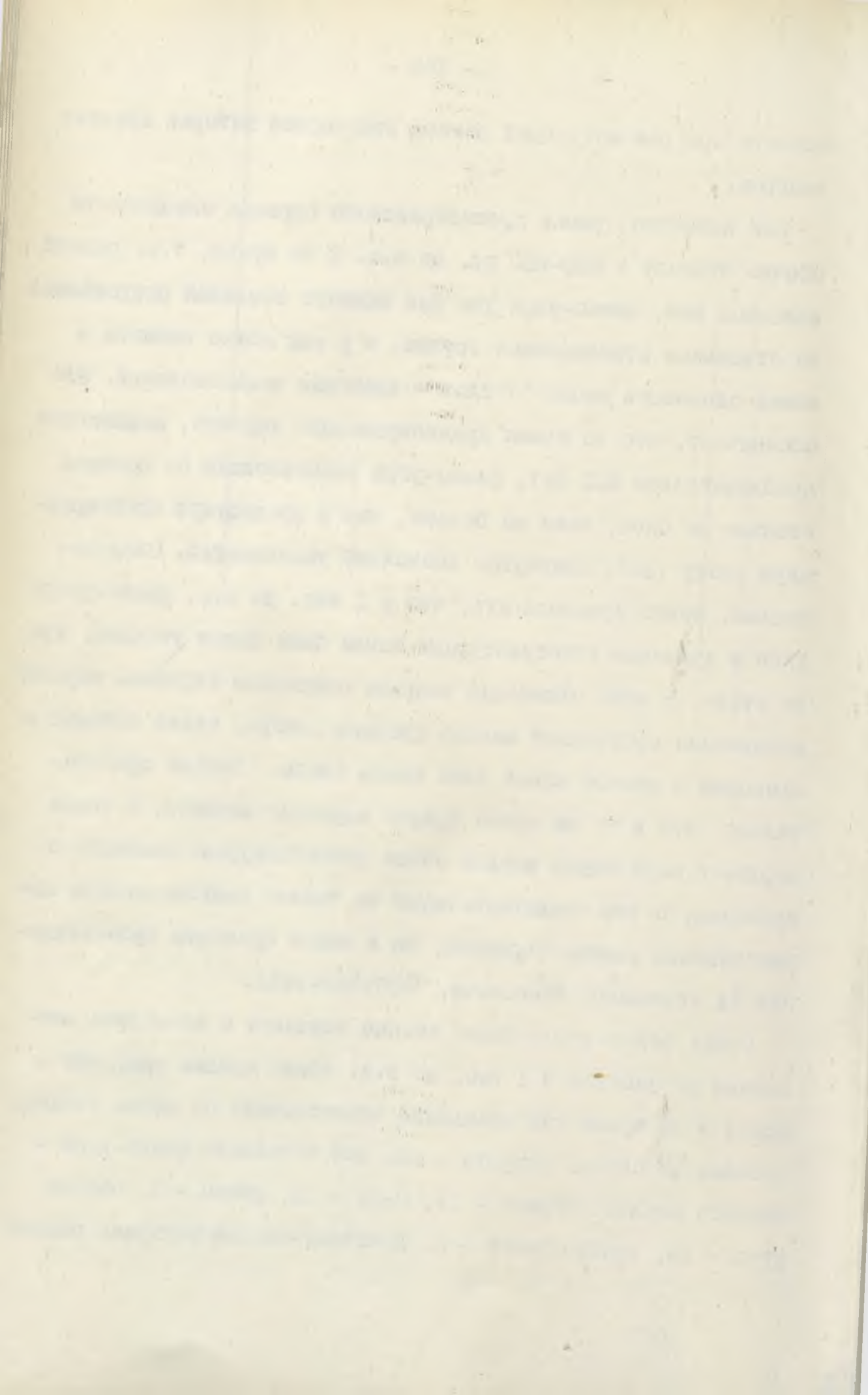
иранский этнический характер андроновской археологической культуры бронзового века, послужившей основой культуры ранних кочевников Казахстана и части Средней Азии в эпоху раннего железа. И.Етмар, В.Н.Чернецов, К.В.Сальников, Э.А.Грантовский, С.И.Вайнштейн и другие решительно высказывались против общераспространенного, но пока никем не доказанного отождествления андроновцев с иранским или индоиранским этносом. В последнее десятилетие специалисты аргументированно обосновали, что даже нельзя говорить о едином андроновском археологическом комплексе, состоящем на самом деле из нескольких самостоятельных культурных обществ, например, Федоровской, алакульской, которые раньше ошибочно считали хронологическими этапами. Только последние стоит ближе к орубной культуре Поволжья и этнически можно более убедительно связать ее с иранцами. Такой вывод был сделан на основе преемственности археологической культуры и антропологического типа в эпоху бронзы и железа данного региона, о котором имеются исторические источники ~~из~~ I тыс. до н.э., свидетельствующие о скифских и сарматских группах степной зоны Восточной Европы /Чернецов, 1951; Jettmar, 1956:330-342; Черников, 1960:112; Сальников, 1967:352; Грантовский, 1970:52, 380; Стоколос, 1972; Вайнштейн-Семенов, 1977; Сараниди, 1977:146-150/.

Для введенной иранской этнической интерпретации андроновской культуры Казахстана мы пока еще не имеем достаточно материалов. Создается впечатление, что остается все меньше и меньше приверженцев гипотезы, объявляющей прародиной иранцев Среднюю Азию, а тем более Казахстан. В связи с этим привлекают внимание данные лингвистики, которые не были воспользованы в этом

аспекте при реконструкции ранней этнической истории древних венгров.

Как известно, рамки древнеиранского периода специалисты обычно относят к 800-200 гг. до н.э. В то время, т.е. ранний железный век, финно-угры уже без всякого сомнения разделились на отдельные этноязыковые группы, и у них можно выявить в общей сложности около 57 слов - иранских заимствований. Это обозначает, что во время древнеиранского периода, длившегося приблизительно 600 лет, финно-угры заимствовали от иранцев столько же слов, если не больше, чем в предыдущую протоиранскую эпоху (53), длившуюся несколько тысячелетий. Следовательно, можно предполагать, что в I тыс. до н.э. финно-угорские и иранские этнокультурные связи были более тесными, чем до этого. В этом отношении вопреки ожиданиям странным образом исключение составляют именно древние венгры, связи которых с иранцами в данное время были очень слабы. Весьма примечательно, что в то же время предки пермских народов, а также мордвы и мари имели весьма живые этнокультурные контакты с иранцами, о чем свидетельствуют не только многочисленные заимствования разных терминов, но и явное иранское происхождение их этнонимов /Harmatta, 1977:167-183/.

Среди финно-угров самые тесные контакты с иранскими племенами установили в I тыс. до н.э. общие предки удмуртов и коми; в то время как последние заимствовали от южных степных соседей 33 слова, удмурты - 25, все остальные финно-угры - немного меньше: мордва - 19, мари - 12, финны - 7, обские угры - 16, венгры всего - 6. Лингвистический материал вполне

согласуется с археологическими данными. Общеизвестно, что ананьинская археологическая культура Поволжья (УП-II в до н.э.) отождествляемая специалистами на основе ретроспективного метода с предками пермских народов, более других культур лесной зоны Европейской части СССР была подвержена иранскому влиянию /Зруева, 1952; Халиков, 1970; Савельева, 1971/.

Итак, у древних венгров, живших несомненно в степной зоне в эпоху ранних кочевников, таких заимствований можно выявить меньше, чем у других финно-угров. Это нельзя считать случайностью, ибо венгерский язык в этом отношении исследован лучше, чем языки вышеперечисленных родственных ему народов Поволжья. Нам кажется, что этому парадоксальному явлению надо придавать большое значение в вопросе этнической истории древних венгров. Языковеды только констатировали ничтожное число древнеиранских заимствований в I тыс. до н.э. у наших предков. Мы попробуем интерпретировать этот интересный факт. Предками древних венгров в уральской прародине были самые южные группы финно-угров; как известно, это был единственный этнос среди них, оказавшийся в степи и принявший кочевой образ жизни. Поэтому казалось бы, естественно, что в эпоху ранних кочевников следует ожидать больше всего иранских заимствований именно у них, а не у других финно-угорских народов, к тому же живущих в лесной, а не в степной зоне в Европе. Ведь в это время, как общепризнано, в евразийской степной зоне от Алтая до Карпат господствовали скифы, сарматы, саки, массагеты и другие ирано-язычные кочевые скотоводы. Никак нельзя предполагать, будто древние венгры в I тыс. до н.э. жили севернее, чем поволжские финно-угорские народы или обские угры, финны и саами. Это положение подтвер-

ждается помимо всего прочего палеоантропологическим материалом Северного Прикаспия, а также кочевническими традициями венгров. На современном уровне наших знаний остается две альтернативы, объясняющие удивительно малое число иранских заимствований у венгров в эпоху раннего кочевничества по сравнению с другими финно-уграми. Во-первых, естественно думать, что древние венгры, находясь в степной зоне в древнеиранский период, как кочевники имели враждебные отношения с соседними номадами, говорившими на иранском языке. Поэтому к ним проникло минимальное число иранских слов. Во-вторых, в меньшей мере можно допустить, что венгры соседствовали не с ираноязычными, а с другими народами Казахстана, пока еще в этническом отношении неизвестными нам, и с которыми предположительно можно связать некоторые слова венгерского языка, не имеющие ни финно-угорскую, ни иранскую или тюркскую, ни славянскую этимологию. Необходимо упомянуть здесь статью В.Н.Топорова, в которой он пишет о тохарских заимствованиях в венгерском языке /Топоров, 1958/. Во всяком случае прекращение контактов тохаров с другими индоевропейскими языками произошло до конца II тысячелетия до н.э. /Грантовский, 1970: 360/.

Соотношение многочисленных древнеиранских заимствований в I тыс. до н.э. у народов, принадлежащих к финской ветви уральской языковой семьи, по сравнению с венграми, у которых в это время меньше всего наблюдается иранское влияние, ставит под сомнение общераспространенную среди специалистов ВНР точку зрения, что древние венгры из лесных районов Среднего Поволжья перешли в степную зону Евразии. Несмотря на то, что

археологи еще не могли выявить материальной культуры древних венгров, ясно, что в свете лингвистических данных, относящихся к древнеиранским заимствованиям в финно-угорских языках, район Среднего Поволжья должен быть исключен из тех территорий, на которых ищут этногенез венгерского народа, хотя этот регион в СССР лучше всего обследован в археологическом отношении. Волго-Камье постоянно находилось под сильным этнокультурным влиянием иранцев в эпоху раннего железа. Между УП-II вв. до н.э. может быть и раньше в основном протомадьяры соседствовали с какой-то этнической группой, неизвестной нам в языковом отношении.

Следовательно, первый период ранней этнической истории венгров-кочевников в засушливых районах Северного Прикаспия вряд ли протекал под сильным влиянием иранцев по сравнению со вторым, который начинается около II в. до н.э., тогда усиливаются этнические контакты с иранцами. Помимо заимствований 45 слов, имеющих среднеиранскую фонетическую структуру, это выражалось, как считает автор, и в появлении общих фонетических изоглосс в древневенгерском и иранском языках (возникновение в начале слов звуков b-, d-, g- и тенденция перехода *p > f; t* > f; k > x; *s > h), не характерных для остальных финно-угорских народов. Не исключено, что предки венгров и иранцев в период со II в. до н.э. по IV в. н.э., т.е. до начала "великого переселения народов", имели тесные этнокультурные контакты и вследствие этого между ними возник так называемый языковый союз /Veres, 1972:10; 1978: 93; Вереш, 1978, 145; ср.Оранский, 1963:42-59; Harmatta, 1977:179/.

Надо считать благоприятным условием, что то время, когда древние венгры кочевали в степях Евразии, на них оказали этнокультурное влияние нескольких этнических общностей, то есть что они не были постоянно подвержены лишь одному этнокультурному влиянию, которое в противном случае в течение длительного времени рано или поздно несомненно привело бы к этнической ассимиляции.

Но после II в. до н.э. венгры контак^{иро}товали с разными иранскими группами, что отражается в изобилии среднеиранских заимствований. В эпоху великого переселения народов, IV в. н.э., а может быть и немного раньше, начинается влияние турков на венгров. Без всякого сомнения, чужие этнокультурные влияния плодотворно воздействовали на венгров, они способствовали распространению культурных новаций, в том числе хозяйственных нововведений, заимствование которых обогатило венгерскую материальную культуру.

Несмотря на то, что мы пока не имеем возможности приурочить древних венгров к определенной археологической культуре, тем не менее мы можем с помощью сравнительных этнографических и исторических данных реконструировать их общественную структуру. Однако последнее не является задачей нашей работы из-за ограниченности объема. Только отметим, что не исключено существование дуальной общественной организации древних венгров. Во всяком случае, в IX в. н.э. у них еще господствовало управление двумя вождями, один из которых был военачальником, а другой выполнял гражданскую и религиозную функции. Как известно из более позднего письменного и этнографического материала, у других кочевых народов также было широко распростра-

нено дуальное деление их общества, что сохраняло^{сь} даже в Хазарском каганате. Нам кажется, что так называемый скифо-сибирский звериный стиль, изображающий борющихся животных, гипотетически можно связать, с одной стороны, с двоичными организационными структурами кочевнических обществ Евразийской степи, с другой — с дуально-символической классификацией их мировоззрения, которая распространена если не повсеместно, то довольно широко у народов архаической культуры. У многих народов, имевших архаичные культуры, эти две системы связаны друг с другом. Следует обратить внимание на то, интересное явление, что китайский знак "инь" и "янь", отражающий дихотомическую символическую классификацию китайцев, весьма сходную типологически с другими народами, даже живущими на других континентах, поразительно похож на схематические изображения свернувшегося животного скифо-сибирского звериного стиля евразийской степи раннего железного века. Мы не хотим выводить генетический знак "инь" и "янь" из звериного стиля, или наоборот, хотя некоторые культурные элементы, как, например, пентатония музыкального стиля Евразийской степной зоны, характерная и для венгерской народной музыки, почти совпадают с распространением звериного стиля. Здесь мы, наверное, имеем дело с типологическим изоморфизмом/Вереш, 1977/.

Древние китайцы, как и кочевники степи, имели дуальные общественные структуры, которые со своей стороны, имели связь с дуально-символической классификацией /Крюков, 1968; Иванов, 1969: 105/. Несмотря на отсутствие предметов искусства древневенгерского этноса, мы тем не менее имеем основания предполагать, что в эпоху ранних кочевников они имели такой

же скифо-сибирский изобразительный звериный стиль, как и другие номады в степях, простиравшихся от Венгрии до Монголии. Во всяком случае, в сохранившейся венгерской средневековой хронике фольклорный мотив об оплодотворении соколом мифической праматери венгров - оленя^{цы} - видимо, отражает в оральной традиции типичные картины звериного стиля степной зоны раннего железного века, где был широко распространен мотив противопоставления верхней хищной птицы низшему травоядному зверю - оленю /Györfi, 1958/.

Несколько слов о значении кочевого скотоводства в экономической структуре древних венгров. Хотя в степной зоне Евразии в течение всего скифо-сарматского периода (с VII в. до н.э. до IV в. н.э.) едва ли какие-нибудь явления, кроме антропологических данных, можно непосредственно связать с древними венграми, возможно все же в общих чертах реконструировать их экономическую систему.

Реконструкции хозяйственно-культурного типа евразийской степи способствует то обстоятельство, что в основном тем же путем развивались ранние кочевники в степной зоне от Карпатских гор до Монгольских равнин. В этом процессе важную роль играло не только сходство экологических условий и однотипная экономика, но и весьма подвижный образ жизни номадов. Как известно из раскопок, среди них подчас с удивительной быстротой распространялись влияния соседних развитых цивилизаций. Археологические данные свидетельствуют о большом единообразии материальной культуры степных районов: сходны типы оружия, упряжь и т.н. сибирско-скифское культовое искусство "звериный стиль" с характерным сюжетом борющихся зверей. Пожалуй, за

исключением архаических похоронных обрядов, едва ли возможно выделить какие-либо другие специфические этнические черты. Однако было бы ошибкой полагать, что в евразийской степной зоне в тот период обитали только скотоводы.

В степи жили и небольшие группы земледельцев, хотя и в тесном взаимодействии с кочевниками. Технология была для этого уже достаточно развита. Пахотное орудие в степи появилось в эпоху бронзы, и с этого времени, но главным образом в течение I в. до н.э., примитивное палочно-мотыжное земледелие было постепенно вытеснено гораздо более передовой технологией выращивания хлебных злаков на открытых полях / Hoffman, 1970:745/. Примитивный ⁹⁵ рало не только радикально изменил ⁹ способ обработки земли, но и соединил земледелие со скотоводством.

Со своими более совершенными орудиями они собирали большие урожаи при меньших затратах труда, что поднимало их жизненный уровень. Однако соседние кочевые группы, в чьих сферах влияния обитали эти земледельцы, оказывали на них сильное воздействие. Земледельцы редко сами потребляли весь прибавочный продукт и обычно платили, иногда добровольно, иногда по принуждению, дань или подати кочевникам, завоевавшим их землю, с тем, чтобы те защищали ее от других завоевателей. По всей вероятности, первоначальное разделение труда в степной зоне между земледельцами и скотоводами обусловило взаимозависимость и одновременно неразрешимый антагонизм между группами с разной хозяйственной специализацией. Экономическая структура скотоводов-кочевников вынуждала их совершать военные походы с целью грабежа, сбора дани и организации интенсивной торговли / Ecsedy, 1969-855-875/. Военная гегемония кочевников породила постоянные отноше-

ния обмена между кочевниками и земледельцами, ведшими натуральное хозяйство. В результате этого установилась своеобразная форма отношений, суть которых — экономическая взаимозависимость, а конкретное выражение, очень часто в зависимости от ситуации — война. Естественно, что кочевое общество в процессе обмена и торговли, развивающихся благодаря первому крупному историческому разделению труда, представляло собой агрессивную сторону. Для снятия экономического напряжения, возникающего при их одностороннем "способе производства", кочевники по различным поводам организовывали военные походы, расширявшие рынки сбыта и дававшие денежные средства — скот. Успеху этих экспедиций способствовала мобильная конница кочевников, не знавшая себе равных в то время, особенно после изобретения стремени. Вследствие широкого развития скотоводства у конных кочевников Евразии, а также из-за принудительного обмена продуктами, постоянно существовало экономическое напряжение, ведущее к войне. Основное противоречие между земледельцами и скотоводами было неразрешимо, так как истинный интерес соперничающих обществ состоял не во взаимном уничтожении, хотя эта субъективная цель иногда достигалась, но в существовании и взаимодействии двух в корне различных экономик, что заставляло обе стороны взаимно увеличивать свое производство. Оценивая воинственность и войны кочевников в эпоху ранних и поздних кочевников, можно сказать — на что указывал в свое время К. Маркс, — что война в этот период была одним из обычных способов обмена продуктами между скотоводами и земледельцами.

Однако кочевники, несмотря на все свои военные успехи, экономически были очень нестабильны. Скот, их основное средство к существованию, часто погибал от болезней или суровых погодных условий. Частые миграции кочевников вызывались именно этими понятными материальными причинами. Падежи скота случались гораздо чаще у кочевников, чем стихийные бедствия соседних оседлых общин.

По нашему мнению, в связи с изобилием противоречиями "симбиозом" кочевников и земледельцев, следует учесть, что между крайними полюсами земледельчества и скотоводства существовал ряд переходных форм. Вопреки тому, что скотоводство было несомненно преобладающим видом деятельности кочевников Евразийской степной зоны, оно не было единственным. Земледелие не было совершенно незнакомо им. По этнографическим и письменным свидетельствам известно, что кочевники могли примитивным способом возделывать землю. С.И.Руденко и ряд других советских ученых считают, что большинство степных кочевников состояло из так называемых полукочевых групп, отчасти занятых и земледелием. Круглогодичные миграции были редки и вызывались особыми историческими и экологическими обстоятельствами /Руденко, 1961:5; Марков, 1967:2:15/.

Мы считаем, что, несмотря на конфликты между земледельцами и кочевниками-скотоводами, возможно были самые разнообразные формы сосуществования номадов и земледельцев, даже внутри одной этнической общности — благодаря действию экологических, социальных и этнических факторов. Однако эти группы, оседлые и занятые земледелием, могли быть легко оторваны от кочевников сходного этнического происхождения. Можно предположить, что

такие явления имели место не один раз также во время миграции древних венгров по степной полосе в течение 2 тыс. лет от II-I тыс. до н.э. до IX в. н.э.

Во всяком случае у протомадьяров исчезли многие слова, связанные с земледелием, уже тогда, когда они перешли к кочевническому скотоводству, имеющему узко специализированный хозяйственный уклад. Исключительно неблагоприятные экологические условия Западного Казахстана, где кочевали древневенгерские племена в течение I тыс. до н.э., также не способствовали сохранению земледельческих навыков, вероятно существовавших в общеугорский период бронзового века. Единственный конкретный факт о былом земледелии угров - слово - "просо", - общий корень в современных обско-угорских и венгерском языках, находящихся друг от друга теперь на расстоянии более 3-х тысяч километров /Miytesz, 1970, 380/.

Таким образом, на наш взгляд, отчасти кочевническое хозяйство, а также географическое своеобразие их этнической территории в Северном Прикаспии объясняют, почему не удалось выявить до сих пор венгерскую терминологию земледелия до X в. н.э. Впервые основные земледельческие термины венгров до X в. н.э., по-видимому, заимствованы из языка тюркских народов в южнорусских степях /Gombócs^{sz}, 1908; Németh^{sz}, 1930; Fodor, 1977; Ligeti, 1977/.

Как нам кажется, постепенное распространение более развитых форм земледелия у венгров можно приурочить лишь к эпохе "великого переселения народов", когда после IV в. н.э. они перекочевали из западно-казахстанских полупустынь в Европу,

в степи Кубани и Причерноморья. Как известно, эти земли более увлажнены, чем аридный регион Северного Прикаспия, и, по мнению многих исследователей, более пригодны для ведения полукочевого хозяйства /Руденко, 1961:6/. Поэтому вполне закономерно, что именно здесь – специализированная скотоводческая экономика пришлых угорских, тюркских и других кочевников существенно изменилась под влиянием экологических, этнических и прочих факторов. Эти важные хозяйственные и культурные изменения проявились, начиная, главным образом, с 700-х гг. н.э., в распространении пашенного земледелия, постепенном переходе кочевников к оседлости и в изменении видовой структуры стада в сторону преобладания малоподвижного крупного рогатого скота.

Эту своеобразную "экономическую революцию" пришлых кочевых народов отражает салтово-маяцкая археологическая культура, существование которой хорошо начинает прослеживаться примерно с конца VII в. н.э. до рубежа IX-XI вв. /Плетнева, 1967/. Явление аккультурации в Хазарском каганате, конечно, не оставило без изменения хозяйственный уклад и соседних кочевых венгерских племен в загадочной Лебедии или Этелькёзе (т.е. в бассейнах Нижнего Дона и Днепра).

По нашему мнению, значительный тюркский слой заимствованных слов, выявленный в венгерском языке и имеющий болгарско-чувашский фонетически облик, ведет свое происхождение от языков Хазарского каганата. Среди этих слов очень много сельскохозяйственных терминов, связанных с земледелием, в том числе и пашенном – "плуг", "серп", "ток", "гумно", "жнивье", "сбор урожая", "пшеница", "ячмень". Кроме лексем относительно земледелия найдены и такие, которые отражают полукочевое или

пастушеское скотоводство - "бык", "тёлка", "теленки", "путы", "творог", "сыр", а также "свинья", "курица" и т.д. Наряду с этим другие слова свидетельствуют о виноделии и садоводстве - "виноград", "дрожжи", "цедить вино", "хмель", "яблоко", "груша", "орехи", "фрукты", "конопля", "крапива", "горох", "веретено", "шерсть" и т.д. / Gombocz, 1908; Bárczi, 1963: 44-49; Барта, 1972:118-128/.

Наблюдения арабских путешественников IX в. н.э. (Ибн Руста, Гардизи) также подтверждают в какой-то мере комплексный характер хозяйства венгерских племен, а также тогдашнюю благоприятность климата южнорусской степи /Заходер, 1962:58/.

"Они имеют юрты и вместе следуют за кормом, а также зеленой растительностью", далее "На территории венгров (м-дж-р - мадьяр) много деревьев и воды. Их почва влажная (!). Они имеют много пашенных земель". Более того, эти письменные данные дают реальную основу для палеоклиматических реконструкций, проведенных на основе колебаний Каспийского моря и озера Балатон и палеон^итологических исследований /Брукс, 1952:321; Гумилев, 1966:66; Шаги, 1968:141-168; Хотинский, 1977:165/.

По этой концепции во всей зоне степей Евразии с IY по XIII вв. господствовал более благоприятный климат, резко отличающийся от современного, и способствующий не только ведению кочевого хозяйства, но и распространению плужного земледелия. Этим обстоятельством можно объяснить, с одной стороны, чрезвычайную активность кочевников, а с другой - стремление народов Хазарского каганата к оседанию.

Анализ источников разного рода, но прежде всего лингвистические данные, не составляет никакого сомнения в том, что

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

венгры еще до переселения на новую родину, находящуюся на краю Евразийской степи, в течение достаточно долгого времени контактировали с такими тюркскими племенами, которые знали плужное земледелие, садоводство, не говоря о разведении крупного рогатого скота, а в языковом отношении являлись самыми близкими родственниками предков чувашей. Как известно, это мог быть древнеболгарский или хазарский язык. Крупные востоковеды (Пеллиот, Д.Немет, Л.Лигети) считают весьма вероятным принадлежность хазарского языка той же особой группы тюркских народов, куда входит по сравнительно-исторической классификации язык древних болгар и их потомков чувашей, в корне отличающийся в фонетическом отношении от речи всех остальных тюркских народов, в том числе и поволжских татар / Németh, 1930; Pelliot, 1949, 214-223; Ligeti, 1977:33/. Очень важно с точки зрения этнической истории, что в венгерском языке сохранились архаичные черты фонетики древних болгар. Но еще интереснее тот малоизвестный факт, что кроме венгров сходное явление наблюдается и у монголов в Центральной Азии. Это особенно примечательно потому, что почти те же самые вышеупомянутые тюркские слова, относящиеся к разведению крупного рогатого скота, а иногда и к земледелию, встречаются у монголов, как у венгров. Можно думать, что у этих типичных кочевых народов произошли сходные культурно-хозяйственные процессы. Видимо, как мадьяры, так и монголы, из общего тюркского лингвистического источника болгаро-чувашского характера, но в разное время и на разной территории заимствовали те же слова, относящиеся к другому, более развитому хозяйственно-культурному типу. Таким образом,

упреки американского ученого Д.Синора в адрес венгерских востоковедов, дескать они предвзято предпочитают тюркское влияние монгольскому в праистории мадьяров, является необоснованным / Sinor, 1969, 273-281; 1975:325-339/. Новые результаты А.Рона-Таша подтверждают старые, но справедливые взгляды Э.Гомбоца относительно языкового источника тюркских заимствований в венгерском / Gombocz, 1908, 1912; Róna-Tas, 1977: 267-277/.

До сих пор спорный вопрос - где же произошли контакты венгров с болгарами.

Если сравнить археологические и остеологические материалы Хазарского каганата (салтово-маяцкой культуры УП-Х вв.) и перечень слов болгаро-чувашского типа, заимствованных венграми у тюрков до X в. н.э. относительно земледелия и животноводства, мы получим весьма поразительное сходство.

Кажется, здесь не надо особенно подробно распространяться о сопоставлении археологического материала салтово-маяцкой культуры южнорусских степей раннего средневековья с лингвистическим материалом венгерского языка, сохранившего архаичные черты тюркских заимствований относительно производящего хозяйства. В последнее десятилетие эта работа была тщательно выполнена несколькими венгерскими исследователями, как например, А.Барта, Ч.Балинт и И.Фодор / Barta, 1968:84-90; Барта, 1972: 113-128; Balint, 1975:52-63; Fodor, 1977:79-115/. Однако здесь следует указать на ошибку Балинта. Он неправильно утверждает, что предметы, указывающие на высокий уровень земледельческой деятельности Хазарского каганата, происходят из лесостепных вариантов салтово-маяцкой культуры. Как раз наоборот, из книги

С.А.Плетневой явствует, что железные наральники плуга и другие сельскохозяйственные орудия найдены в степном варианте данной археологической культуры, тем более, что именно в применении тяжелого плуга нуждалось степное население /Плетнева, 1967/. К тому же лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры, на основе антропологических и археологических материалов с архаичными чертами похоронного обряда обычно подавляющим большинством исследователей связывается с аланами, которые с Северного Кавказа переселились в лесостепь. Ради справедливости надо отметить допущение частичной ассимиляции этого ираноязычного населения с тюрками /Артамонов, 1962: 313; Мерперт, 1958:682; Плетнева, 1976:74/. Это в принципе может быть, но к сожалению мало данных, подтверждающих это. У некоторых историков такое предположение вызвано тем обстоятельством, что только при помощи этой гипотезы представляется возможность объяснить наличие протоболгарских заимствований у венгров, якобы живущих в лесостепи.

Несмотря на упомянутые работы А.Барта, Ч.Балинт и И.Фодора, которые убедительно доказывали поразительное совпадение археологического материала салтово-маяцкой культуры южнорусских степей с тюркским слоем болгаро-чувацкого типа венгерского языка относительно терминов земледелия и развития крупного рогатого скота, среди венгерских исследователей, но и не только у них, все-таки господствует мнение о контакте венгров с древними болгарами в VIII-IX вв. в лесистом районе среднего Поволжья. Эта методологическая ошибка, по-видимому, вызвана тем, что данные ученые принимают во внимание только некоторые материалы и упускают из виду подавляющее большин-

ство сведений относительно праистории венгров до их соприкосновения с болгарами и хазарами. Предположение непосредственных чувашско-венгерских контактов, на чем настаивают многие исследователи ВНР, требует дополнительной аргументации. Впрочем турецкие заимствования венгерского языка показывают такие диалектные разновидности, которые указывают на то, что чувашский язык не является непосредственным представителем этих турецких диалектов, с которыми венгры контактировали /Róna-Tas, 1977:267-273/.

Помимо этого, некоторые слова, как например, "кизил", "виноград", также красноречиво свидетельствуют о том, что контакты древних венгров и болгаров могли иметь место не на севере, т.е. в среднем Поволжье, а в более южных областях, именно в южнорусских степях восточной Европы, где локализируют венгров и письменные источники, в том числе и анонимная хроника средневековья /Gombócz, 1908, Györffi, 1958:52/. Там написано, что братья Гунор и Мадьяр в болотах Мэотида украли дочерей князей Белара и Дула.

По мнению специалистов имя Белар идентично этнониму болгар. Таким образом, упоминание Белара и осетинского имени Дул без всякого сомнения указывают на то, что болгаро-осетинско-венгерские связи произошли в степях Причерноморья, близ Азовского моря /Györffy, 1958; Harmatta, 1977:166/. Помимо письменных свидетельств многочисленные аланские заимствования в том числе "женщина", "крепость", "меч", "мост" в венгерском языке, относящиеся к этому периоду, действительно свидетельствуют об интенсивных культурных связях с ними. Но странным образом почему-то мы не находим среди этих иран-

ских слов терминов земледелия. Мы объясняем это тем, что в этом языке, также как его продолжатели - осетинском, отсутствуют общие иранские слова земледелия, кроме проса /Абаев, 1965:148/. Причина этого заключается, как нам кажется, наверное в том, что перед седентаризацией на Кавказе аланы, как и древние венгры или ^имоголы в Центральной Азии, были типичными степными кочевниками с коневодческим уклоном. Лингвистические данные, подтверждающие отсутствие земледелия у аланов, поразительно совпадают с наблюдениями современников. По описанию Аммиана Марцеллина, у аланов "нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках" /Хазанов, 1978:101/.

Мы присоединяемся к взглядам тех малочисленных специалистов, которые связывают тюркские заимствования в венгерском языке с болгарами Хазарского каганата. Впервые высказал это сам З.Гомфоц, хотя он сначала колебался. Разумеется, не исключена возможность нахождения отдельных групп древних венгров и на севере Волжско-Уральского региона, в частности в Башкирии или на Каме. Основываясь на анализе вышеперечисленных письменных, археологических и лингвистических источников, а также принимая во внимание более ранние данные об этногенезе древних венгров, мы уверены, что основная масса мадьярских племен (та, которая позднее составила ядро венгерской народности в бассейне Среднего Дуная) с VI до IX вв. расселялась все-таки не в Волжско-Уральском регионе, как предполагает большинство венгерских ученых и некоторые их зарубежные коллеги, а в Предкавказье, в частности, в Прикубанье. Подтверждением этому служат несомненно упомянутые выше данные.

Другой спорный вопрос касается хронологии появления земледелия у венгерских племен. Хочется здесь отметить, что некоторые специалисты недавно попытались изобразить венгерскую праисторию таким образом, как будто древние мадьяры не имели почти никакого отношения к номадизму, якобы они почти полностью были земледельцами. Результаты тюркологии отбросили, ссылаясь на то, что заимствование слов чужого языка может произойти и тогда, когда данный предмет не перенимают / Hoffmann, 1969:89-93; 1975:206-207; Bartha, 1975:150/. Это положение в общем-то правильно, однако нельзя его арбюлировать, особенно в данном случае. С нашей стороны и в дальнейшем мы считаем обоснованным взгляд об относительно поздних их заимствованиях в венгерском языке.

Изучая историю и экономику евразийской степной зоны, можно считаться с распространением там земледелия уже в бронзовом веке или в некоторых местах даже раньше. Мы сами раньше писали о том, что теоретически нельзя исключить в культуре угорских предков древних венгров и зачатки земледелия с эпохи бронзового века. Тем более, что кочевники в какой-то мере обычно всегда знакомы с некоторыми примитивными формами земледелия. Несмотря, однако, на это, развитие земледельческих навыков у древних венгров вряд ли можно представить прямолинейными, как ошибочно думают некоторые "неоэволюционисты". На основе упомянутых антропологических данных, а также заимствований вышеперечисленных тюркских слов, можно сделать вполне обоснованный вывод, что земледелие венгров-кочевников до соприкосновения с болгарами и хазарами имело подсобное значение, было весьма примитивным или даже не исключено, что

земледелие у них вообще не существовало. Однако в УШ-IX вв. под сильным культурным влиянием упомянутых тюркских народов Хазарского каганата, частично и у некоторых групп венгров в южнорусских степях земледелие могло бы появиться или постепенно измениться и подняться на более высокий уровень. При чем не исключено, что в данное время существовал только своеобразный хозяйственный симбиоз венгров-кочевников с некоторыми земледельческими болгарскими (или хазарскими) племенами в Причерноморье. Из работы Константина Багрянородного "Об управлении государством" (X в.) точно известно, что из Хазарского каганата после неудачного восстания к венграм перебежали кабары, которые также могли распространить у них земледелие / Györfi, 1958:118/.

Можно, конечно, как альтернативу, предположить, что в основном земледелие вошло в культуру венгров еще позже, именно после их переселения в 896 г. в среднее Придунавье, где раньше жили авары. Однако этому явно противоречит помимо всего прочего остеологический материал, несомненно свидетельствующий уже не о типичном кочевническом скотоводстве, а о полукочевом, полукочевом жизненном укладе хозяйства венгров. В их поселениях в Венгрии (X в.) также, как и в селищах салтово-маяцкой археологической культуры, под влиянием которой венгры находились несколько столетий, самыми распространенными животными были крупный рогатый скот (30-40 %; 29-34), часто встречается лошадь (10 %; 10-27 %), овцы (25 %; 8-19 %), реже свиньи (10-20 %; 15-23 %). По мнению Ш.Бёкёни соседние славянские и германские народы в этом отношении резко отличались от тюрков и венгров. В то время, как степняки ели конину и

резали крупный рогатый скот, эти явления не наблюдались у упомянутых соседних земледельческих народов. У них крупный рогатый скот использовался прежде всего как тягловая сила. Это подтверждается тем, что в таких поселениях, которые были окружены болотами и где в меньшей мере могли заниматься земледелием, рогатый скот встречается реже. В этих поселениях пропорция свиней тоже меньше обычного. Их уменьшенный удельный вес заменяло мясо зверей, добываемых на охоте. Несомненно, что разница между двумя способами животноводства вытекала из разного типа хозяйственного уклада. Венгры даже после переселения в 896 г. долго сохраняли полукочевую структуру разведения домашних животных (Bökönyi, 1969:280; Dienes, 1972:31; Balint, 1975:60).

В Западной Европе в раскопках поселений эпохи средневековья среди костей очень редко встречаются, или же вообще отсутствуют костные остатки лошадей. Совсем иначе обстояло дело в это время у венгров среднего Придунавья, которые, судя по материалам раскопок, несмотря на запрещение католической церкви и королевской власти, продолжали есть конину. Естественно, не в городах, областных центрах или столице, где власть короля и церкви была сильна, а в захолустных деревнях. Об этом письменные источники обычно не упоминают. Однако остеологический материал несомненно свидетельствует о том, что венгры долгое время сохраняли обычай есть мясо лошади. По подсчетам известного палеозоолога Ш.Бёкёни, среди костных остатков мы находим в раскопках средневековых поселений в Венгрии до 20-25 % разбитых костей лошади (Bökönyi, 1978:77-141/).

То, что такой обычай действительно так долго сохранялся, подтверждается также тем, что в деревнях средневековой Венгрии нередко находят целые лошадиные черепа, которые крестьяне использовали против злых духов. По археологическим данным, в Венгрии перестали есть конину только в XIV-XV вв. н.э. после того, как венгры — потомки кочевников окончательно осели около XIII в. н.э. и стали преимущественно земледельческим народом.

Как известно, в религиозных представлениях древних венгров, также как в обрядах степных кочевников (и не только у них), лошадь занимала особое место /László, 1944:135/. Поэтому понятно, что после принятия ими христианства церковь запретила им не только при похоронах класть в могилу хозяина его лошадь, но также и употреблять конину в пищу. Возможно, что в отношении венгров применяли даже более строгие меры для борьбы с нарушителями этого запрета, чем в отношении других народов некочевнического происхождения. Хроники отмечают, что во время восстания в 1044 г. против насильственной христианизации, проводимой Стефаном I — создателем венгерской феодальной государственности, — восставшие, вернувшись к языческим обычаям, ели конину /Gyöffy, 1958:230/.

Представлению о том, что в хозяйстве венгров уже до X в. господствовало бы земледелие, как усиленно утверждают некоторые в последнее время, также противоречат данные относительно распространения поселений пришлых венгерских племен. Даже Д.Ласло, который ратует на то, что венгры в X в. уже были хорошо знакомы с земледелием, признает, что те группы, которые

под предводительством Арпада - предка первой венгерской королевской династии, появились в 896 г. в Карпато-Дунаиском бассейне, поселились в основном на песчаных почвах, пригодных для номадизма вокруг местного населения, занимавшегося земледелием на глинистых почвах /László Gy, 1978:145/.

Помимо этих соображений против тех, кто придает слишком большое значение земледелию в хозяйстве венгров IX-X вв., свидетельствует другой интересный факт, также ¹⁰уменьшающий удельный вес земледелия.

Если сравнить кариес венгров около X в. с народами, занимающимися в основном земледелием, получается, что у венгров-кочевников он был распространен в меньшей мере. Однако после их переселения в Паннонию кариес постепенно, но в течение довольно короткого срока быстро распространился. Очевидна связь этого с распространением земледелия, которое к XIII веку привело к полной оседлости венгров. На краниологических материалах хорошо видна не только численность кариесных зубов, но и его постоянное возрастание по времени /Kiszely, 1969:237/.

Также неслучайно, что характерная для кочевников развития обработка кожи квасцами, как знаем из анализа земли, взятой в изножье могилы венгров X в., была известна у них. В средневековье такую белую кожу хорошего качества и в большом количестве вывозили со Среднего Дуная в страны Западной Европы, где она называлась "венгерской кожей"; она имела большой спрос /Gáborján, 1962:97-140/. В связи с этим нужно упомянуть, что один тип легкой телеги с особой амортизацией распространился в некоторых странах Западной Европы после X в. под венгерским влиянием /Tarr, 1963:191/. Все это, а также интенсив-

ный экспорт крупного рогатого скота из Паннонии на Запад, свидетельствует о том, что в средневековой Венгрии имелись своеобразные традиции в области животноводства, выгодно отличающиеся от соседних народов, которые испокон веков были земледельцами. В какой-то мере об этом говорит даже позднее распространение в Европе легкой кавалерии под венгерским названием гусаров, хотя некоторые исследователи отрицают связь гусарского комплекса с венгерскими кочевническими традициями в целом; но никто не может сомневаться в том, что не только седло венгерских пастухов, но и седло гусаров, как их сабли, восходит к единому евразийскому кочевническому прототипу. /László, 1944:350; Köhalmi, 1972:184-194/.

Очень вероятно, что от тюркских народов Хазарского каганата венгры получили не только слова "конопля", "трепало", "мялка", "ручес", но и вместе с тем обозначающие это предметы и действия. Однако мялку, в отличие от современного употребления, первоначальные кочевые народы евразийских степей, в том числе и венгры, использовали в другой функции, а именно, при обработке кожи. Это интересное изменение функции мялки у венгров произошло видимо параллельно с постепенной трансформацией их жизненного уклада, а именно с увеличением удельного веса земледелия в экономике. Тогда уже начали ее использовать и для обработки конопли. Полная смена функций этого предмета произошла намного позже, когда венгры окончательно осели и стали по сути дела земледельческим народом /Szolnoki, 1972:74-97/.

Тот факт, что в Европе венгерский язык почти единственный, в котором пахотные орудия имеют лишь одно название в отличие от большинства других европейских народов, имеющих в своих

языках, как правило, парные наименования, - тоже свидетельствует о том, что венгры видимо поздно познакомились с земледелием. Парные наименования у европейских народов, выражающие противопоставление двух функциональных особенностей упряжных пахотных орудий, которые разделяются на две большие группы: первая - орудия типа "рало", к числу которых следует отнести простейшие виды сох, и вторая - орудия "плужного" типа, появившиеся относительно поздно /Bratanić, 1954:265-306; Barabás, 1963:98; Краснов, 1975:176/. Не исключено, что венгры впервые познакомились не с ралом, а с плугом, когда у них распространилось земледелие, вследствие чего они и заимствовали более развитую форму пахотного орудия. Прimitивных типов у них либо вообще не было (ведь известно из археологического материала, что в Хазарском каганате, где венгры могли познакомиться с земледелием, пользовались именно тяжелым плугом), либо, если они имели, то тогда рало не имело повсеместного распространения и было вытеснено плугом. Венгерское название плуга *eke* происходит от тюркского слова **akäg* "пахать", "обрабатывать землю" /Mnytesz, 1971, 733/. Единое название пахотных орудий венгров может свидетельствовать о том, что со времени распространения земледелия у них бытовал единый тип плуга /Плетнева, 1967; 1976; Barabás, 1963:98/.

Итак, вопреки утверждениям некоторых авторитетных отечественных ученых последнего времени, которые слишком большое значение придают земледелию в древней истории венгров и умаляют несомненно прогрессивный характер кочевничества в свое время в развитии производительных сил в засушливом поясе Евразии, все-таки более отвечает действительности та точка зрения, что в южнорусских

степях мадьяры появились с Востока как типичные номады. Однако их узко специализированное скотоводческое хозяйство препятствовало дальнейшему развитию производительных сил, то есть в это время этот уклад здесь уже более или менее исчерпал свои возможности. В этот период производительные силы могли подниматься на более высокую ступень только с помощью распространения нового хозяйственного уклада. Наряду с изменением животноводства, выражающемся в выдвижении на первый план крупного рогатого скота по сравнению с лошадью, земледелие начало играть более важную роль, особенно с распространением тяжелого степного плуга. Своеобразный хозяйственный симбиоз узкоспециализированного кочевого скотоводства венгров и плужного земледелия турков, который вначале носил только экономический характер между разными этническими общностями Хазарского каганата, рано или поздно, вследствие тесных взаимных связей, привел не только к более высокой политической интеграции, но и одновременно в какой-то мере к взаимной этнической ассимиляции. Мы никоим образом не согласны с тем распространенным мнением среди венгерских специалистов, в том числе антропологов, что земледельцами в племенном союзе мадьяров хазарского времени были группы финно-угорского происхождения, а кочевниками — турки / Moor, 1964; Lipták, 1977:231-243/. Нам кажется, что, если можно говорить в этом вопросе об этническом делении по культурно-хозяйственному типу, тогда как раз было наоборот. Из лингвистических, археологических и других данных, которыми мы теперь располагаем, можно сделать вывод, что экономика венгерских племен того времени, когда они переселились на новую родину, имела смешанный, в известной степени комплексный характер, но внутри этого кочевое скотовод-

ство, на наш взгляд, должно было играть более значительную роль, чем плужное земледелие, с которым сравнительно недавно познакомились некоторые венгерские группы под этнокультурным влиянием турков. Это предположение подтверждается, помимо упомянутого языкового и остеологического материала, новыми результатами историко-этнографических исследований.

На наш взгляд, хотя в хозяйстве венгров около X в. прежде всего преобладало кочевое скотоводство, имевшее в то же время важное военное значение — разложение этой узкой специализированной экономики и появление зачатков комплексного хозяйства, распространение разных форм земледелия — уже имело у них место до переселения ^{на} Средний Дунай. Вероятно, что в этом процессе, сопровождавшемся постепенным оседанием венгров, вернее их отдельных групп уже в степях Причерноморья, решающую роль сыграли разные народы Хазарского каганата.

В заключение несколько замечаний о причинах появления венгров в 896 г. в бассейне Среднего Дуная в западном краю Евразийской степной зоны. На основе письменных источников, главным образом сведений Константина Багрянородного, еще в конце XIX в. было установлено, что толчком переселения венгров на их современную родину явилось нападение печенегов во время войн между болгарами, венграми и византийцами. Эта точка зрения была господствующей до последнего времени. Несколько лет тому назад венгерским лингвистом Э.Моор и советским ученым Л.Н.Гумилевым, независимо друг от друга, была выдвинута гипотеза, что это важное событие истории венгерского народа можно связывать с климатическим изменением в X в. /Моор, 1963: 21; Гумилев, 1966: 89/. Однако свое мнение они высказали мимоходом и подробно не обосно-

вали, и никто не обратил внимание на эту новую точку зрения. На наш взгляд в дальнейшем необходимо более тщательно обследовать все обстоятельства при реконструкции исторической и хозяйственной ситуации восточно-европейской степи в конце IX в. Во всяком случае привлекают внимание хронологические противоречия между письменными источниками и археологическим материалом относительно падения Хазарского каганата в 996 г. и более раннего исчезновения салтово-маяцкой культуры. При рассмотрении этого парадоксального явления необходимо принимать во внимание, что упомянутый климатический период, совпадающий с эпохой "великого переселения народов" в конце IX в. сменяется большой засухой, длившейся в течение всего X в. н.э. Ухудшение оптимальных до этого экологических условий сразу же отразилось на всех сторонах жизни разных народов степи. Вероятно нельзя считать случайностью, что исчезновение как раз в начале этого периода укрепленных и неукрепленных славянских селений лесостепной зоны в бассейне Днепра. Одновременно с этим также прекращается жизнь, в земледельческих селах в бассейнах Дона и Донца. /Ляпушкин, 1958:158/. К этому же времени, т.е. к рубежу IX-X вв., относится, по мнению С.А.Плетневой, неожиданное исчезновение салтово-маяцкой культуры /Плетнева, 1967:134-157; 196; 1970/. Примечательно, наконец, что в упомянутый период, в 896 году, и венгры ^в поспешно оставляют свои кочевые и пашенные земли Этелькёзе вблизи Днепра и перекочевывают в бассейн Среднего Дуная, в западный край европейской степной зоны.

Следовательно, массовые миграции населения, связанные с упадком земледелия и изменением этнических территорий многих народов, распространились почти на все пространство Причерноморской степи и затронули многие этносы. Это явление нельзя объяснить, как это

часто делается) только нашествиями западных групп печенегов, появившихся здесь, может быть, тоже в конце IX в., потому что в таком одностороннем предположении слишком много противоречивых фактов. Прежде всего, новые археологические исследования, выявившие границы распространения печенегов, в значительной мере изменили наше представление о характере заселенности восточно-европейской степи в X веке. Во всяком случае область наибольшего распространения могил печенегов и узов (торков), расположена вопреки ожиданиям, не на территории Этелькёз, т.е. к западу от Днепра, а намного восточнее - в Поволжье /Федоров-Довыдов, 1966:138, 141/.

Как нам кажется, процесс оседания кочевников, который прослеживается с VIII в. и фиксируется салтово-маяцкой археологической культурой, прекращается на рубеже IX-X вв. - может быть, не только вследствие военных действий, но из-за ухудшения климата. Изменение природной среды побуждало полуоседлые или оседлые группы населения степной полосы приспосабливаться к новым условиям, меняя характер своего хозяйства или же переселяться в районы с более благоприятной для прежних форм деятельности экологической обстановкой. По нашему мнению, именно этим в какой-то мере объясняется массовое покидание степных земледельческих поселков и неожиданное исчезновение салтово-маяцкой культуры в упомянутый период.

Таким образом, некоторые хронологические противоречия археологических датировок и письменных источников, относящихся к Хазарскому каганату, могут быть разрешены, если принять во внимание деседентаризацию, резкие изменения в хозяйственном укладе народов в конце IX века и всего X в. Сказанное, конечно, не

исключает возможности влияния нападений печенегов, ибо естественно, что в процессе деседентаризации населения Хазарского каганата играли роль различные факторы.

Исходя из вышеизложенного можно считать обоснованным то предположение, что перекочевка венгров около 896 года в бассейн Среднего Дуная из Этелькёз, т.е. из района рек Днепра, Буга, Прута, тоже могла иметь связь с неблагоприятными экологическими изменениями происходившими в конце IX в. в степи. Венгерские племена, жившие до этого на землях, расположенных к востоку от Карпат, как мы уже упоминали, вели комплексное хозяйство, занимаясь пахотным земледелием и пастушеским и кочевым скотоводством. По-видимому, засуха сделала невозможным занятие земледелием и способствовала деседентеризации, возвращению венгров к кочевому образу жизни. Это экологическое обстоятельство, помимо других причин, также способствовало быстрому переселению их в Паннонию, о благоприятных условиях которой у них уже были точные сведения еще со времен первых военных походов туда в 862 году. Становится более понятным поэтому, что венгерский народ в письменных памятниках IX-X вв. характеризуется уже как типичный кочевой народ степи, хотя некоторые группы знали хлебопашество. Естественно, что от засухи пострадало не только их земледелие, но и поголовье скота; не исключено, что именно эта трагическая ситуация отражается в одной из самых ранних венгерских хроник - в "Геста Хунгарорум" (XI в.). Венгры раньше жили в одном районе, там было много орлов, и из-за них они не могли оставаться здесь, так как орлы, словно мухи, бросались на них с деревьев и уничтожали, пожирая их скот и лошадей. Так как бог хотел, чтобы они быстрее пустились в Венгрию оттуда. Три недели переходили они через го-

ры и пришли на край Венгрии - в Трансильванию", - пишет венгерский летописец /Györfi, 1958 /.

На основе перечисленных обстоятельств можно сделать вывод, что вследствие неблагоприятного климатического изменения, комплексное (в известной мере) хозяйство венгров в конце IX века испытало кризис, как и у других степных народов. В этом критическом положении вместо приспособления к изменяющемуся природным условиям венгры "выбрали" другую, как оказалось, исторически более выгодную альтернативу. Венгерские племена перекочевывают в соседние земли - близкий бассейн среднего Дуная, который окружен горами, ближе расположен к Атлантическому океану, благодаря чему имеет особый климат и в меньшей мере подвергается засухе в данную эпоху. Его ландшафт, сходный со степями Причерноморья, был пригоден для дальнейшего ведения и развития привычного венграм комплексного хозяйства.

Итак, появление венгров в бассейне Дуная около 896 года, было вызвано разными причинами, в том числе в какой-то мере и экономической необходимостью, трудностью адаптации к новой экологической среде. Однако в переселении на новую родину (896 г.) мы не отрицаем и влияния нападения некоторых западных печенежских групп, хотя время появления печенегов на границе Хазарского каганата проблематично. Не говоря о том, что ни ^в венгерских хрониках, ни фольклоре печенеги неизвестны. Зато общеизвестно, что во время большой засухи кочевые и полукочевые народы стараются поселиться на краю степи, где остаются более благоприятные условия. Подчеркнем, что даже после завоевания Паннонии венгры имели силы вести планомерные и победоносные военные походы, главным образом в направлении Западной Европы. В то же время их общественно-эко-

номическое развитие ускорилося и спустя 100 лет после переселения, на рубеже X-XI вв. венгры, одновременно с соседними земледельческими народами, приняли христианство и, что еще важнее, создали государство, которое обеспечило целостность венгерского этноса и играло заметную роль в истории феодальной Европы.

Решающее хозяйственное изменение застало венгров в западном краю Евразийской степной зоны — конечной остановке кочевых народов в Среднем Придунавье—Паннонии. В этом регионе немножко раньше появления венгров начала распространяться так называемая ранняя средневековая "аграрная революция", которая первоначально возникла в Южной Европе под влиянием античных цивилизаций. Ее благоприятное влияние однако не достигло кочевых народов, живущих к востоку от Карпатских гор. Поэтому переселение мадьяров в 896 году в Дунае—Карпатский бассейн надо считать положительным историческим событием. Это переселение было предпосылкой дальнейшего экономического развития и демографического роста венгров.

Самостоятельное феодальное государство венгров в регионе среднего Придунавья, которое заполнило политический вакуум в центрально-восточной Европе. Своей сильной военной организацией оно остановило продвижение немецкой колонизации в XI-XII вв., нашествие монголов в XIII в., а позже нападение турков. Венгры-полукочевники почти полностью превратились не позже XIII в. в земледельческий народ, заимствуя все передовые технические новшества данной эпохи, в чем не последнюю роль играл славянский этнический элемент западной части Паннонии. Этот процесс отражается 900 славянских заимствований в венгерском языке. Сюда относятся такие слова как "рожь", "овес", "стог", "лён", "сено", "солома", "коса", "буйвол" и т.п. Однако коренной перелом хозяйственной жизни

венгров произошел без того, чтобы они как этнос потеряли самые важные характерные черты, а именно: свой собственный язык, этническое самосознание, выражающееся общим названием — этнонимом, которое они противопоставили окружающей чужой этнической среде — на западе немцам, на севере — словакам, на востоке — древнерусским и румынам, на юге — хорватам и сербам

Своеобразное этническое развитие предков венгров до X в., а также в последнее тысячелетие лишний раз подтверждает важное теоретическое положение советских ученых, что этникос, т.е. ^{этнос} (в узком смысле слова; может сохраниться как таковой довольно долгое время, даже в течение нескольких общественно-экономических формаций / Козлов, 1970; Бромлей, 1973/.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помимо прочего получены следующие основные результаты в реконструкции праистории древних венгров:

1. Впервые в специальной литературе главные этапы этногенеза и этнической истории предков венгерского народа связываются с последовательными изменениями хозяйственно-культурных типов Евразии.

2. Выявлена основная причина разделения уральской языковой общности, как следствие развития производительных сил - углубления специализации общественного труда, то есть оптимальной хозяйственно-культурной адаптации к специфическим условиям окружающей среды, предполагаемой финно-угорской прародины.

3. Доказывается несостоятельность господствующей точки зрения, что исходная территория древних угров - общих предков хантов, манси и венгров - якобы была область средней Волги и Прикамья. В более аргументированной форме подтверждается гипотеза, что прародину угров и область этногенеза венгров, надо искать не в Европе, а в Азии, в лесостепях Западной Сибири, примыкающих к Южному Зауралью.

4. Выдвинуто положение, что основная причина разделения угорской этноязыковой общности и вместе с тем формирование древневенгерского этноса были обусловлены крупными хозяйственными изменениями, происходившими приблизительно на рубеже I-II тыс. ^{до} н.э. в степных районах Евразии, и сопровождавшихся определенными экологическими сдвигами. В формировании древневенгерского этноса главную роль играло возникновение специализированного хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов степей.

EXPLANATION

1. The first column contains the names of the persons who have been examined.

2. The second column contains the names of the persons who have been examined.

3. The third column contains the names of the persons who have been examined.

4. The fourth column contains the names of the persons who have been examined.

5. The fifth column contains the names of the persons who have been examined.

6. The sixth column contains the names of the persons who have been examined.

7. The seventh column contains the names of the persons who have been examined.

8. The eighth column contains the names of the persons who have been examined.

9. The ninth column contains the names of the persons who have been examined.

10. The tenth column contains the names of the persons who have been examined.

11. The eleventh column contains the names of the persons who have been examined.

12. The twelfth column contains the names of the persons who have been examined.

13. The thirteenth column contains the names of the persons who have been examined.

14. The fourteenth column contains the names of the persons who have been examined.

15. The fifteenth column contains the names of the persons who have been examined.

16. The sixteenth column contains the names of the persons who have been examined.

17. The seventeenth column contains the names of the persons who have been examined.

18. The eighteenth column contains the names of the persons who have been examined.

19. The nineteenth column contains the names of the persons who have been examined.

20. The twentieth column contains the names of the persons who have been examined.

21. The twenty-first column contains the names of the persons who have been examined.

22. The twenty-second column contains the names of the persons who have been examined.

23. The twenty-third column contains the names of the persons who have been examined.

24. The twenty-fourth column contains the names of the persons who have been examined.

25. The twenty-fifth column contains the names of the persons who have been examined.

26. The twenty-sixth column contains the names of the persons who have been examined.

27. The twenty-seventh column contains the names of the persons who have been examined.

28. The twenty-eighth column contains the names of the persons who have been examined.

5. В диссертации доказывается, что самоназвание венгров "мадьяр", и семантически и фонетически связанный с ним этноним "манси" и фратриальное название "мось" (моньть) у обских угров, имеет финно-угорское происхождение (обозначает "говорящий человек") и не может быть заимствовано от индо-иранцев, и тем более иранцев, как обычно предполагалось.

6. Автор, анализируя имеющиеся археологические, антропологические, лингвистические и этнографические данные, выступает против того популярного предположения, поддерживаемого некоторыми венгерскими историками в последнее время, что до появления венгров в западной части евразийской степной зоны кочевое хозяйство у них быдто бы не занимало господствующего положения, что в основном венгры занимались земледелием уже до X в.

7. В диссертации сделан вывод, что среди причин появления венгров в 896 году в Паннонии (на их современной этнической территории), помимо нападений западных групп печенегов, следует учитывать и процесс общей деседентеризации полукочевнических полужемледельческих групп салтово-маяцкой культуры во всей южнорусской степи, начиная с рубежа IX-X вв.

Постепенный переход подавляющего большинства венгров к земледелию и оседлости, превращение полукочевников в земледельцев происходило в Среднем Придунайье под влиянием т.н. средневековой аграрной революции, что отражается в 900 славянских заимствованиях в венгерском языке.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- АБАЕВ В.И., 1965. Скифо-европейские изогласы. М.
- АКИМОВА М.С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1961. О смешанном происхождении уральской расы.
— "Вопросы археологии Урала", вып. I.
- АЛЕКСЕЕВА Т.И., 1969. Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения. Автореферат докторской диссертации. М.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1972. В поисках предков. М.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1973. Антропологические данные и происхождение народов СССР. — Кн.: Расы и народы, № 3, М.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1974. География человеческих рас. М.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1974. Близкий к современности краниологический материал по финно-угорским народам, их расовая дифференциация и этногенез. В кн.: Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.
- АЛЕКСЕЕВ В.П., 1974. Антропологические аспекты исследования этногенеза финно-угорских народов. В кн.: Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.
- АКИШЕВ К.А., 1974. Этапы развития древнейшего скотоводства в Казахстане. В сб.: Тезисы докладов конференции "Форма перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя". М.
- АННИНСКИЙ С.А., 1940. Известия венгерских миссионеров XIII — XIV вв. о татарах и Восточной Европе. — Исторический архив I. Ш. М. — Л.

- АРАТКНОВ С.А., 1975. Роль среды в формировании вариацией древне-
рокимосской культуры. В кн.: Карта, схема и число в
этнической географии. М.
- АРАТКНОВ С.А., ЧЕБОКСАРОВ Н.Н., 1972. Передачи информации как
механизм существования этносоциальных и биологиче-
ских групп человечества. В кн.: Расы и народы, № 2.
- АРИСТЭ П.А., 1956. Формирование прибалтийско-финских языков и
древнейший период из развития. В кн.: Вопросы этни-
ческой истории эстонского народа. Таллин.
- АРТАМОНОВ М.И., 1962. История хазар. Л.
- АРТАМОНОВ М.И., 1973. Сокровища саков. М.
- АРТАМОНОВ М.И., ПЛЕТНЕВА С.А., 1970. Еще раз о степной культуре
Евразии. "Народы Азии и Африки", № 3.
- БАДЕР О.Н., 1964. Древнейшие металлурги Приуралья.
- БАДЕР О.Н., 1966. У истоков финно-угорской культуры в Восточной
и Северной Европе. В кн.: Доклады и сообщения архео-
логов. М.
- БАДЕР Н.О., 1970. Уральский неолит. В кн.: Каменный век на тер-
ритории СССР. М.
- БАДЕР Н.О., 1970. мезолит. В кн.: Каменный век на территории
СССР. М.
- БАДЕР О.Н., 1972. О древнейших финно-уграх на Урале и древних
финнах между Уралом и Балтикой. В кн.: Проблемы архе-
ологии и древней истории угров. М.
- БАРТА АНТАЛ, 1972. Истоки венгерской культуры X в. В кн.: Проб-
лемы археологии и древней истории угров. М.
- БАСКАКОВ Н.А., 1969. Введение в изучение тюркских языков. М.
- БРОМЛЕЙ Ю.В., 1969. Этнос и эндогамия. "Советская этнография",
№ 3.

БРОМЛЕИ Ю.В., 1973. Этнос и этнография. М.

БАБАКОВ В.Г., 1973. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов. Автореферат кандидатской диссертации. М.

БРУКС К., 1952. Климаты прошлого. М.

БРЮСОВ А.Я., 1964. Археологические культуры и этнические общности УП. МКАиЭН. М.

БРЮСОВ А.Я., 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.

БУНАК В.В., 1965. Вопросы расогенеза. В кн.: Происхождение и этническая история русского народа. М.

БУНАК В.В., 1974. Этнические общности и расовые деления. - В кн.: Расогенетические процессы в этнической истории. М.

БУРОВ Г.М., 1966. Археологические находки в старинных торфяниках бассейна р.Вычегды. - "Советская археология", № 1.

БУРОВ Г.М., 1935. Вычегодский край. Очерк древней истории. М.

ВАЙНШТЕЙН С.И., 1969. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореферат докторск. дис. М.

ВАЙНШТЕЙН С.И., 1972. Историческая этнография тувинцев (проблемы кочевого хозяйства).

ВАЙНШТЕЙН С.И., 1973. Проблема происхождения формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии.

ВАЙНШТЕЙН С.И., СЕМЕНОВ 1977. Рецензия на книгу Г.Е.Маркова "Кочевники Азии". - "Советская этнография" № 5.

- ВИКТОРОВА Л.Л., 1969. Становление классового общества древне-монгольских кочевников. В кн.: Проблемы докапиталистических обществ. М.
- ВИНОГРАДОВ А.В., МАМАДЕВ Э.Д., 1975. Первобытный Лявлякан. М.
- ВЕРЕШ ПЕТЕР, 1967. Вогульские волости в ХУП-ХУШ вв. Дипломная работа. Кафедра этнографии МГУ.
- ВЕРЕШ ПЕТЕР, 1975. Общественные и этнические группы манси в ХУП-ХІХ вв. Тезисы докладов на ІУ Международном конгрессе финно-угроведов. Будапешт.
- ВЕРЕШ ПЕТЕР, 1977. К вопросу о происхождении дуально-фратриальной организации обских угров. В кн.: Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. Сборник научных трудов. М.
- ВЕРЕШ ПЕТЕР, 1975. Хозяйственная специализация и развитие производителей оил в венгерской праистории. В кн.: Ежегодник.Этнографического Музея. Будапешт.
- ВЕРЕШ ПЕТЕР, 1978. Хозяйственно-культурные типы и вопросы этногенеза венгерского народа. В кн.: Типология в этнографии. М.
- ВЕРЕШ ПЕТЕР, 1978. Этнокультурные развития древневенгерского этноса до появления на современной этнической территории. В кн.: Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.
- ГАДЛО А.В., 1969. Южное Приазовье в период Хазарского Каганата. (Автореферат канд. диссерт.). Л.
- ГАРИПОВ Т.М., КУЗЕЕВ Р.Г., 1962. Башкиро-мадьярская проблема. В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа.
- ГЕНИНГ В.Ф., 1967. К вопросу о происхождении уральской этнической (языковой) общности. - В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания, вып. ІУ, Ижевск.

ГЕНИНГ В.Ф., 1970. Этнический процесс в первобытности.

Свердловск.

ГЕНИНГ В.Ф., 1970. Древнейшее расселение уральских народов.

Тезисы III Международного конгресса финно-угроведов.

Таллин.

ГЕНИНГ В.Ф., 1970. Выступление на УП-ом Международном конгрессе Антропологических и этнографических наук, Труды УП МКАиЭН, том 5, М.

ГЕНИНГ В.Ф., 1972. Южное Приуралье в III-УП вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения). В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.

ГЛАДКОВА Т.Д., 1961. Дерматоглифика некоторых северо-восточных народностей СССР (манси и коми) - "Вопросы антропологии", вып.3.

ГЕДАИ И., 1972. Вопросы денежного обращения у венгров до чеканки собственной монеты. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.

ГЕРАСИМОВ И.П., ВЕЛИЧКО А.А., 1974. Проблема роли природного фактора в развитии первобытного общества. - В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.

ГИНЗБУРГ В.В., 1970. Отзыв о диссертации П.Липтака "Палеоантропология этногенеза древних венгров". "Акта Антропологии", Будапешт.

ГИНЗБУРГ В.В., ТРОФИМОВА Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.

ГОНДАТТИ Н.Л., 1888. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.

ГОРДЕЕВ Ф.И., 1967. Балтийский и иранские заимствования в марийском языке. В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

ГРАНТОВСКИЙ Э.А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.

ГРИБОВА Л.С., 1975. Пермский звериный стиль. М.

ГРОТ К., 1881. Магьяры и Моравия с половины IX до X в. СПб.

ГРЯЗНОВ М.П., 1956. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников КСИИМК, вып.61.

ГРЯЗНОВ М.П., 1957. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и южной Сибири. "Краткие сообщения ИА", № 15.

ГУМИЛЕВ Л.Н., 1966. Открытие Хазарии. М.

ГУМИЛЕВ Л.Н., 1967. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. - "История СССР", № 1.

ГУМИЛЕВ Л.Н., 1974. Этногенез и биосфера земли. Автореферат доктор.дисс. Л.

ГУМИЛЕВ Л.Н., 1976. Г.Е.Грумм - Гржимайло и рождение науки об этногенезе. - "Природа", № 5.

ГУМИЛЕВ Л.Н., ЭРДЕИ И., 1969. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века. - "Народы Азии и Африки", № 3.

ГУРИНА Н.Н., 1956. Оленеостровский могильник. МИА, № 47.

ГУРИНА Н.Н., 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. М.

ГУРИНА Н.Н., 1972. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен. "Краткое сообщение ИА", вып.131.

ГУРИНА Н.Н., 1977. К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европей-

ской части СССР. - "Краткие сообщения" ИА № 149.

ГУРИНА Н.Н., 1977. К вопросу о взаимоотношении прибалтийско-финских древних культур с культурами Урала в эпоху неолита и бронзы. В сб.: Тезисы VI-го Уральского археологического совещания. М.

ГУРВИЧ И.С., 1975. Изучение этногенеза народов Севера в советский период. В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.

ГЕРЦЕНБЕРГ Л.Г., 1972. К вопросу о языковом ландшафте в древнейшую эпоху. В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.

ГУЯ ЯНОШ, 1963. Древнемансийские диалекты. В кн.: Доклады I-го Международного конгресса финно-угроведов. Будапешт.

ДАВЫДОВА Г.М., 1974. Популяционно-генетические исследования манси. В кн.: Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.

ДАВЫДОВА Г.М., 1975. Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза. - "Советская этнография", № 6.

ДАВЫДОВА Г.М., 1976. Антропологическое исследование северных манси и некоторые вопросы их расо- и этногенеза.

Автореферат канд. диссерт. М.

ДЕБЕЦ Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.

ДЕБЕЦ Г.Ф., 1961. О путях заселения полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. - "Советская этнография", № 6.

ДЕБЕЦ Г.Ф., 1963. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР. В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.

ДЕНИСОВА Р.И., 1974. Антропологический тип и генезис прибалтийских финнов. В кн.: Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.

ДОЛГИХ Б.О., 1952. Происхождение нганасанов. В кн.: Сибирский этнографический сборник, I. М.-Л.

ДОЛГИХ Б.О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.-Л.

ДОЛГИХ Б.О., 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.

ДОЛГОПОЛЬСКИЙ А.Б., 1971. Ностратические языки. - "Наука и человечество".

ДОЛУХАНОВ П.М., 1977. Мезолит: экологический подход. - "Краткие сообщения" ИА, № 149.

ДОЛУХАНОВ П.М., ПАШКЕВИЧ Г.А., 1977. Палеографические рубежи верхнего плейстоцена - голоцена и развитие хозяйственных типов на юго-востоке Европы. В кн.: Палеоэкология древнего человека. М.

ДУЛЬЗОН А.П., 1966. Опыт этнической привязки топонимии субстратного происхождения. В кн.: Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР.

ЕРЕМЕЕВ Д.Е., 1971. Этногенез турок. М.

ЕРМОЛОВА Н.М., 1977. Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой. - "Краткие сообщения" ИА, № 149.

ЕЛЬНИЦКИЙ Л.А., 1977. Скифия евразийских степей. Новосибирск.

ЖДАНКО Т.А., 1968. Некоторые аспекты исследования номадизма на современном этапе. М.

ЖДАНКО Т.А., 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.

ЗАХОДЕР Б.А., 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.

ЗОЛОТАРЕВ А.М., 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.

ЗОЛОТАРЕВА И.М., 1964. Распределение групп крови у народов
Северной Сибири. УП МКЭиАН. Москва.

ЗОЛОТАРЕВА И.М., 1968. Юкагиры (антропологический очерк). В кн.:
Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.

ЗОЛОТАРЕВА И.М., 1975. Антропология самодийских и угорских народов Западной Сибири. Доклад на IY Международном конгрессе финно-угристов. Будапешт.

ЗДАНОВИЧ Г.Б., 1973. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. - "Вопросы археологии Урала", вып. 12.

ЗДАНОВИЧ Г.Б., 1975. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петровского Приишимья. Автореферат кандидатской диссертации. М.

ЗБРУЕВА А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.

ИВАНОВ В.В., 1968. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. - "Советская археология" № 4.

ИВАНОВ В.В., 1969. Двоичная классификация у афро-азиатских народов. - "Народы Азии и Африки", № 5.

ИВАНОВ В.В., 1971. О древнейших контактах китайского языка с индоевропейским. - "Советская этнография", № 6.

ИВАНОВ В.В., 1973. Бинарные структуры в семиотических системах. - "Системы исследования". Ежегодник, 1973.

ИВАНОВ В.В., 1976. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. М.

- ИВАНОВ В.Б., ТОПОРОВ В.Н., 1965. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.
- ИВАНОВ С.В., 1964. Древний андронидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири. УП МКАиЭН. Москва.
- ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В.М., 1971. Опыт сравнения ностратических языков, т. I, М.
- ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В.М., 1976. Опыт сравнения ностратических языков, т. II, М.
- Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.
- История Венгрии, т. I, 1971, М.
- История Сибири, т. I, 1969, М.
- ИТИНА М.А., 1977. История степных племен южного Приаралья. М.
- КАЗАКОВ Е.П., 1972. Танкеевский могильник. К вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии. Казань.
- КАЗАКОВ Е.П., 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- КАМАЛОВ А.А., 1969. Гидронимия Башкирии. Автореферат канд. дисс. Уфа.
- КАНИВЕЦ В.И., 1974. Печерское Приполярье эпохи раннего металла. М.
- КАХОВСКИЙ В.Ф., 1965. Происхождение чувашского народа. Чебоксары.
- КЕШПЕН Ф.П., 1886. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб.
- КИПАРИСОВА Н.П., 1960. О культурах лесного Зауралья. - "Советская археология", № 2.

- КЛЕЙН Л.С., 1973. Археологические признаки миграций. М.
- КОВАЛЕВСКАЯ В.Б., 1970. К изучению орнаментики наборных поясов У1-IX вв. как знаковой системы. В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- КОВАЛЕВСКАЯ В.Б., 1972. Башкирия и евразийские степи IY-IX вв. (по материалам поясных наборов). В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- КОЗЛОВ В.И., 1967. О понятии этнической общности. - "Советская этнография", № 2.
- КОЗЛОВ В.И., 1969. Динамика численности народов. М.
- КОЗЛОВ В.И., 1970. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. - "Советская этнография", № 6.
- КОЗЛОВА К.И., 1978. Очерки этнической истории марийского народа. М.
- КОЛЧИН Б.А., ЧЕРНЫХ Н.Б., 1977. Дендро-хронология Восточной Европы (Абсолютная денрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г.). М.
- КОРНИЛОВ Г.Е., 1971. К вопросу об источниках алтайских заимствований в венгерском языке. - "Советское финно-угроведение", № 2.
- КОРОЛЖ В.Д., 1976. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1964. Бронзовый век среднего Обь-Иртышья. Автореферат канд. дис. М.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1964. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. - "Советская археология", № 2.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1966. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. - "Советская археология", № 2.

- КОСАРЕВ М.Ф., 1969. Некоторые проблемы этнической истории Обь-Иртышья по археологическим материалам. В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их язык. Томск.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1973. Колебания климата и человек в Западной Сибири. - "Природа", № 12.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1973. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке. В кн.: Из истории Сибири, вып.7, Томск.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1974. К проблеме западносибирской культурной общности. - "Советская археология", № 3.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1976. Бронзовый век Западной Сибири. Автореферат докторской диссертации. М.
- КОСАРЕВ М.Ф., 1976. Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху. В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень.
- КРАИНОВ Д.А., 1978. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья. - "Краткие сообщения ИА", № 158.
- КРАИНОВ Д.А., ХОТИНСКИЙ И.А., 1977. Природные условия обитания ранненеолитических племен лесной зоны Европейской части СССР. В кн.: Палеоэкология древнего человека. М.
- КРАСНОВ Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- КРАСНОВ Ю.А., 1975. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.
- КРУПНИК И.И., 1975. Природная среда и эволюция тундрового оленеводства. В кн.: Карта, схема и число в этнической географии. М.

КРУШНИК И.И., 1977. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера. (К методике изучения этноэкологических систем). Автореферат канд. дисс. М.

КРИЖЕВСКАЯ Л.Я., 1968. Неолит Южного Урала. М.

КРИЖЕВСКАЯ Л.Я., 1977. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.

КРОПОТКИН В.В., 1972. Время и пути проникновения кифических монет в Среднее Подунавье. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.

КРЖКОВ М.В., 1972. Система родства китайцев.

КРЖКОВ М.В., 1975. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. - "Расы и народы", № 6.

КУЗЬМИНА Е.Е., 1974. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен. В сб.: Тезисы докладов конференции "Форма перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя". М.

КУЗЬМИНА Е.Е., 1977. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М.

КУЗЕЕВ Р.Г., 1956. Об этногенезе башкир. В кн.: Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. I, Уфа.

КУЗЕЕВ Р.Г., 1968. К этнической истории башкир в конце I-начале II тысячелетия н.э. АЭБ, Ш. Уфа.

КУЗЕЕВ Р.Г., 1968. Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв. (К истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию). АЭБ, Ш. Уфа.

- КУЗЕВ Р.Г., 1968. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности. АЭБ. IY, Уфа.
- КУЗЕЕВ Р.Г., 1971. Задачи исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкир. В кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа.
- КУЗЕЕВ Р.Г., 1974. Происхождение башкирского народа. М.
- КУЗЕЕВ Р.Г., 1976. Об историческом соотношении территории "Великой Венгрии" и древней Башкирии. В кн.: Этнография Башкирии. Уфа.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов. В кн.: Скифы и сарматы. Киев.
- КУЗЬМИНА Е.Е., 1978. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей. "Краткие сообщения ИА", № 154
- КУХАРЕНКО Ю.В., 1969. Археология Польши. М.
- КЫЗДАСОВ Л.Р., 1960. Таштикская эпоха в истории Хокасско-Минусинской котловины. М.
- ЛАСЛО ДЬЮЛА, 1963. Выступление на I-ом Международном конгрессе финно-угристов. Будапешт.
- ЛАСЛО ДЬЮЛА, 1972. К вопросу о формировании финно-угров. В кн.: Проблема археологии и древней истории угров. М.
- ЛИПТАК ПАЛ, Палеоантропология этногеназа древних венгров. Тезисы докторской диссертации. Будапешт.
- ЛАШУК Л.П., 1961. Происхождение народа коми. Сыктывкар.
- ЛАШУК Л.П., 1966. Многотомная серия "Народы мира" и некоторые проблемы развития этнографии, "Вопросы истории", № 10.
- ЛАШУК Л.П., 1967. О формах донациональных этнических связей. - "Вопросы истории", № 1.

- ЛАШУК Л.П., 1963. Некоторые аспекты истории древнего скотоводства. - "Археология и этнография Башкирии", т.3, Уфа.
- ЛАШУК Л.П., 1972. Формирование народности коми. М.
- ЛАШУК Л.П., 1968. "Сиртя" - древние обитатели Субарктики. В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.
- ЛЕ РУА ЛАДЮРИ Э., 1970. История климата с 1000 года. М.
- ЛЕВИН М.Г., ЧЕБОКСАРОВ Н.Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. - "Советская этнография", № 1.
- ЛУКИНА Л.Н., 1975. Хантыйские сказки. Омск.
- ЛЯПУШКИН И.М., 1958. Городище Новотроицкое. М.
- ЛЫТКИН В.И., 1971. К этимологии слов угры и югра. В кн.: Этимология, 1978, М.
- МАЖИТОВ Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М.
- МАЖИТОВ Н.А., 1977. Южный Урал в XУП-XIУ вв. М.
- МАРК К.Ю., 1956. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.
- МАРКОВ Г.Е., 1967. Кочевники Азии. Хозяйство и общественный строй. Автореферат докторской диссертации. М.
- МАРКОВ Г.Е., 1973. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. М.
- МАРКОВ Г.Е., 1973. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. - "Советская этнография", № 1.
- МАРКОВ Г.Е., 1974. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей. - "Расы и народы", № 4.

- МАРКОВ Г.Е., 1976. Кочевники Азии. М.
- МАССОН В.М., 1970. Неолит Средней Азии. В кн.: Каменный век на территории СССР. М.
- МАТВЕЕВ А.К., 1961. Древнеугорская топонимика и ее происхождение. - "Вопросы археологии Урала", вып. I.
- МАТВЕЕВ А.К., 1964. Субстратная топонимика русского Севера. - "Вопросы языкознания", № 2.
- МАТЮШЕНКО В.И., 1970. Нож из могильника у дер. Ростовка. - "Краткие сообщения ИА", вып. 123.
- МАТЮШЕНКО В.И., 1977. О южном компоненте в составе самусьской культуры. В кн.: Проблемы археологии Евразии и северной Америки. М.
- МАТЮШИН Г.Н., 1971. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья. - "Краткое сообщение ИА", вып. 127.
- МАТЮШИН Г.Н., 1972. У колыбели истории. М.
- МАТЮШИН Г.Н., 1976. Мезолит Южного Урала.
- МАТЮШИН Г.Н., 1978. Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке. В кн.: Проблемы советской археологии. М.
- МАТЮШИН Г.Н., 1977. Динамика гидросети в бассейне Каспия по археологическим данным и взаимосвязь ее с колебаниями уровня других крупных водоемов. - В сб.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- МЕИНАНДЕР К.Ф., 1974. Проблема происхождения финно-угров по данным археологии. В кн.: Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.
- МЕЛЕТИНСКИЙ Е.М., 1976. Поэтика мифа. М.
- МЕРЦЕРТ Н.А., 1958. Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях. В кн.: Очерки истории СССР (Ш-IX вв.). М.

THE FIRST PART OF THE

THE SECOND PART OF THE

THE THIRD PART OF THE

THE FOURTH PART OF THE

THE FIFTH PART OF THE

THE SIXTH PART OF THE

THE SEVENTH PART OF THE

THE EIGHTH PART OF THE

THE NINTH PART OF THE

THE TENTH PART OF THE

THE ELEVENTH PART OF THE

THE TWELFTH PART OF THE

THE THIRTEENTH PART OF THE

THE FOURTEENTH PART OF THE

THE FIFTEENTH PART OF THE

THE SIXTEENTH PART OF THE

THE SEVENTEENTH PART OF THE

THE EIGHTEENTH PART OF THE

THE NINETEENTH PART OF THE

THE TWENTIETH PART OF THE

THE TWENTY-FIRST PART OF THE

THE TWENTY-SECOND PART OF THE

THE TWENTY-THIRD PART OF THE

THE TWENTY-FOURTH PART OF THE

THE TWENTY-FIFTH PART OF THE

THE TWENTY-SIXTH PART OF THE

THE TWENTY-SEVENTH PART OF THE

THE TWENTY-EIGHTH PART OF THE

THE TWENTY-NINTH PART OF THE

THE THIRTIETH PART OF THE

- МЕРНЕРТ Н.М., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- МИНЕНКО Н.А., 1975. Северо-Западная Сибирь в ХУШ - первой половине XIX в. Новосибирск.
- МОГИЛЬНИКОВ В.А., 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I - начале II тысячелетия н.э. Автореферат кандидатской диссертации. М.
- МОГИЛЬНИКОВ В.А., 1972. К вопросу о саргатской культуре. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- МОГИЛЬНИКОВ В.А., 1973. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа. В кн.: Из истории Сибири, вып.7, Томск.
- МОГИЛЬНИКОВ В.А., 1974. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н.э. - "Советская археология", № 2.
- МОГИЛЬНИКОВ В.А., 1977. Основные линии развития Зауралья и Западной Сибири в эпоху железа. В сб.: Тезисы УГ-го Уральского археологического совещания. М.
- МОЛОДИН В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.
- МОЛЧАНОВ А.А., 1976. Дендроклиматические основы прогнозов погоды. М.
- МОЛЫНАР ЭРИК, 1955. Проблема этногенеза и древней истории венгерского народа. - "Акта Хисторика", Будапешт.
- МОНГАЙТ А.Л., 1967. Археологическая культура и этнические общности. - "Народы Азии и Африки", № 1.
- МООР Х.А., 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.

- МОСКАЛЕНКО А.А., 1972. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- МОШНИСКАЯ В.И., 1957. Суэгия II - памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. В кн.: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.
- МОШНИСКАЯ В.И., 1964. Железный век на Северо-Западной Сибири и его отношение к истории праславянской полосы. УП. МАКШИОН, Москва.
- МОШНИСКАЯ В.И., 1965. Археологические памятники Северо-Западной Сибири. Свод археологических источников. М.
- МОШНИСКАЯ В.И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
- МОШНИСКАЯ В.И., 1972. Зауральские зооморфные изображения, связанные с глиняной посудой. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- МОШНИСКАЯ В.И., 1973. О возможностях этнической интерпретации археологических памятников. В кн.: Из истории Сибири, вып. 7. Томск.
- МУХАМЕДОВА Р.Г., 1972. Татары - мшары. М.
- НИКОЛОВ В.А., 1960. Незвестные языки Поочья. - "Вопросы языкознания", № 5.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., 1955. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., 1957. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. - "Советская археология", № 1.
- ОКЛАДНИКОВ А.П., 1975. Неолит Сибири и Дальнего Востока. - В кн.: Каменный век на территории СССР. М.

ОРАНСКИЙ И.М., 1963. Иранские языки. М.

ОФЯ, 1976. Основы финно-угорского языкознания. М.

ПАНКРУШЕВ Г.А., 1964. Племена Карелии в эпоху неолита и ранне-го металла. М.-Л.

ПАНКРУШЕВ Г.А., 1978. Мезолит и неолит Карелии. Л.

ПАРЕТ Л., 1971. Ледник - летопись климата. - "Наука и жизнь", № 5

ПЕЛИХ Г.И., 1972. Происхождение селькупов. Томск.

ПЕРШИЦ А.И., ХАЗАНОВ А.М., 1978. Проблемы первобытной дихотомии. В кн.: Первобытная периферия классовых обществ до

начала великих географических открытий. М.

ПИМЕНОВ В.В., 1972. Еще раз об определении понятия "этноса". - "Вопросы археологии Урала", вып. 13.

ПЛЕТНЕВА С.А., 1970. По поводу статьи Л.Н.Гумилева и И.Эрдеи: "Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века". - "Советская археология", № 3.

ПЛЕТНЕВА С.А., 1967. От иочевий к городам. М.

ПЛЕТНЕВА С.А., 1976. Ханы. М.

ПОРФИРОВ Б.Ф., 1973. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.

ПОСРЕДИКОВ В.А., 1973. История еловского населения среднего и верхнего Приобья. Автореферат канд. дисс. М.

ПОТЕМКИНА Т.М., 1976. Культура населения Среднего Приобья в эпоху бронзы. Автореферат канд. дисс. М.

ПРОКОФЬЕВ Г.Н., 1940. Этногония народов Обь-Енисейского бассейна. - "Советская этнография", № 3.

РАЕВСКИЙ Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

РАУШЕНБАХ В.М., 1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ, вып. 29. М.

- РИКМАН Э.А., 1976. Проблема этногенеза в современной румынской этнографии. В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.
- РОНА-ТАШ А., 1964. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. М.
- РУДЕНКО С.И., 1953. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л.
- РУДЕНКО С.И., 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства у кочевников. В кн.: Материалы по этнографии. Вып. I. Д.
- САВЕЛЬЕВА Э.А., 1971. Пермь Вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М.
- САВИНОВ В.Г., 1978. Южная Сибирь. В кн.: Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. М.
- САЛЬНИКОВ К.В., 1966. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. - "Советская этнография", № 5.
- САЛЬНИКОВ К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- САМАРКИН В.В., 1976. Историческая география Западной Европы в средние века. М.
- СЕДОВ В.В., 1976. Ранний период славянского этногенеза. В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.
- СЕРГЕЕВ В.И., 1976. Происхождение и эволюция понятия "Сибирь". В кн.: Актуальные проблемы истории СССР. М.
- СЕРЕБРЕННИКОВ Б.А., 1955. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. - "Вопросы языкознания", № 6.

СЕРЕБРЕННИКОВ Б.А., 1963. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа.

СЕРЕБРЕННИКОВ Б.А., 1957. Происхождения чуваш по данным языка. В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары.

СЕРЕБРЕННИКОВ Б.А., 1975. Праязык как необходимая модель. Доклад на IУ Международном конгрессе финно-угроведов.

СМИРНОВ А.П., 1957. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. - "Советская археология", № 3.

СМИРНОВ А.П., 1966. Скифы. М.

СМИРНОВ А.П., 1972. Археологические данные об угро-венграх в Поволжье. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.

СМИРНОВ А.П., 1975. Возникновение производящего хозяйства и финно-угры. Доклад на IУ-ом Международном конгрессе финно-угристов. Будапешт.

СМИРНОВ К.Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. - "Советская археология", № 1.

СМИРНОВ К.Ф., 1971. Ранние кочевники Южного Урала. АЭБ. IУ. Уфа.

СМИРНОВ Н.Г., 1975. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья. - "Вопросы археологии Урала", вып. 13.

СИМЧЕНКО Ю.Б., 1964. Основные черты культуры охотников на дикого оленя Северной Евразии. УП МКАиЭН. М.

СИМЧЕНКО Ю.Б., 1975. Некоторые вопросы древних этапов этнической истории Заполярья и Приполярья Евразии. В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.

СИМЧЕНКО Ю.Б., 1965. Тамги народов Сибири ХУП в. М.

- СИМЧЕНКО Ю.Б., 1968. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии. В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.
- СИМЧЕНКО Ю.Б., 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии.
- СТАВИСКИЙ Б.Л., 1977. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. М.
- СТАРКОВ В.Ф., 1978. Хронология неолита лесного Зауралья. "Краткие сообщения ИА", № 153.
- СТЕПАНОВ И.Н., 1977. Ископаемые почвы Арало-Каспийского региона - показатели ритмичных колебаний увлажненности. В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- СТОКОЛОС В.С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.
- СТЕПАНОВ П.Д., 1964. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. АЭБ.П. Уфа.
- СТОЯНОВ В.Е., 1973. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век). - "Вопросы археологии Урала", вып. 12.
- СОКОЛОВА З.П., 1975. Находка в Шишингах (культ лугушки и угорская проблема). - "Советская этнография", № 6.
- СОКОЛОВА З.П., 1975. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров. В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- СОКОЛОВА З.П., 1976. Проблемы рода, фратрии и племени у обских угров. - "Советская этнография", № 6.
- СОКОЛОВА З.П., 1976. Страна Кгория. М.

СОКОЛОВА З.П., 1978. О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси. В кн.: Этнография народов Алтая и западной Сибири. Новосибирск.

ТЕПЛЕУХОВ А.Ф., 1924. Следы бывшего пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами. - "Записи Уральского общества любителей естествознания", т. XXXIX. Свердловск.

ТЕПЛЕУХОВ А.Ф., 1960. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Челце. Ученые записи ПГУ, т. XII, вып. I, Пермь.

ТЕПЛЯШИНА Т.И., 1967. К вопросу об этнониме пор. В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

ТИТОВ Ю.В., 1972. О культуре Сперрингс. В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.

ТОКАРЕВ С.А., 1949. К постановке проблем этногенеза. - "Советская этнография", № 3.

ТОКАРЕВ С.А., 1953. Этнография народов СССР. М.

ТОКАРЕВ С.А., 1964. Проблемы типов этнических общностей. - "Вопросы философии", № II.

ТОКАРЕВ С.А., 1973. Разграничительные и объединительные функции культуры. М.

ТОЛСТОВ С.П., 1948. Древний Хорезм. М.

ТОЛСТОВ С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

ТОПОРОВ В.Н., 1953. Венгерско-тохарские связи. В сб.: Этимология. М.

ТОТ ТИБОР, 1953. О раннем этногенезе венгерского народа. - "Известия АН Каз.ССР". Серия общественная, № 2, Алма-Ата.

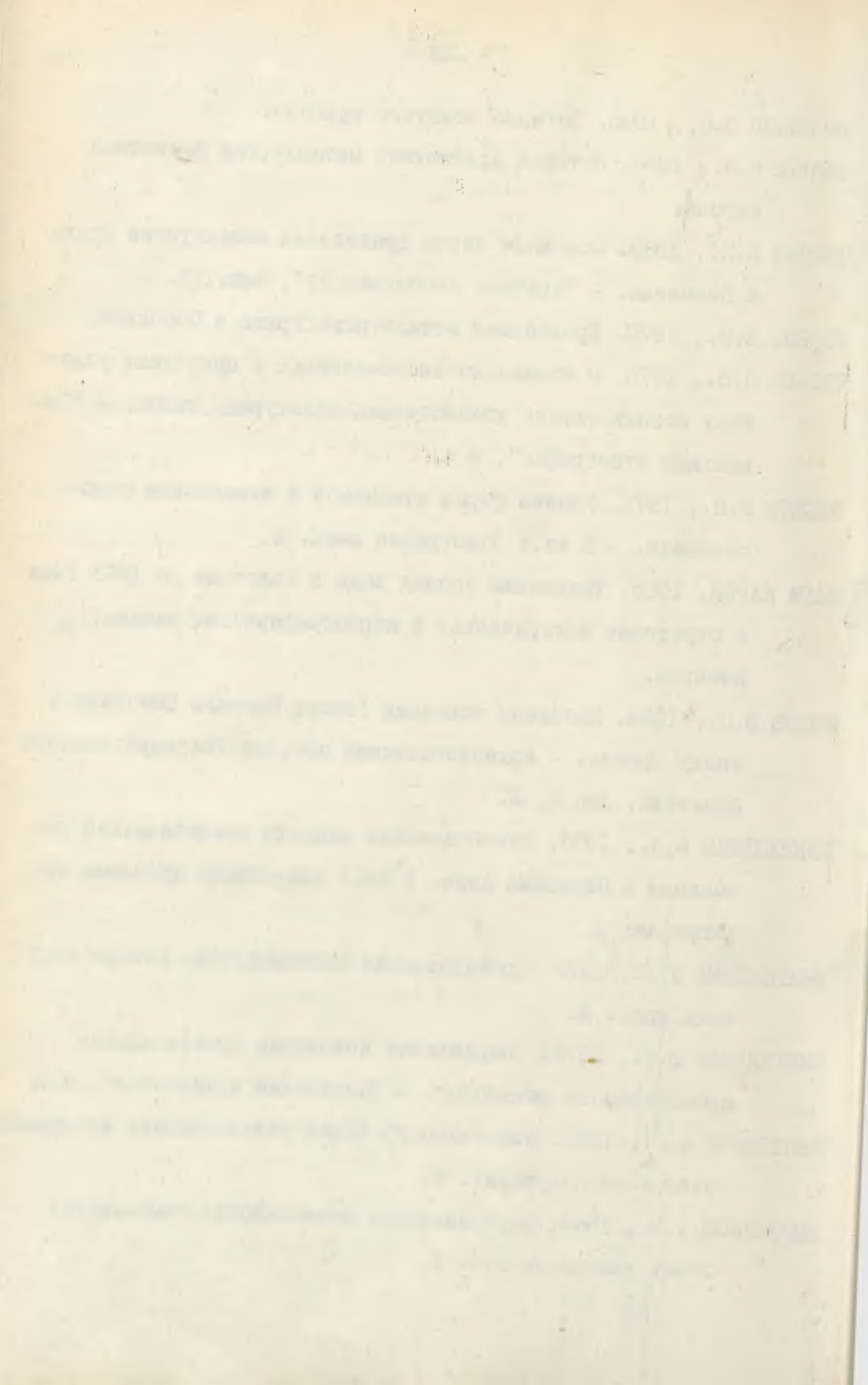
- ТОТ Т.А., 1970. Древнейшие периоды происхождения протовенгров. - "Вопросы антропологии", вып.36.
- ТОТ Т.А., ФИРШТЕИН Б.Ф., 1970. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов (авары и сарматы). Л.
- ТРЕТЬЯКОВ П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге.
- ТРЕТЬЯКОВ В.П., 1972. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.
- ТРОФИМОВА Т.А., 1962. Древнее население Хорезма и сопредельных областей по данным палеоантропологии. М.
- ФОДОР ИШТВАН, 1969. Рецензия на книгу Барта А.: Венгерское общество в IX-X вв. - "Советская археология", № 4.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1973. Мезолитические и неолитические орудия европейской части СССР и проблемы этнической истории.
- ФОРМОЗОВ А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.
- ФЕДОРОВ Г.Б., ПОЛЕВОЙ Л.Л., 1973. Археология Румынии. М.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
- ФОСС М.Е., 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР. М.
- ХАЗАНОВ А.М., 1973. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. М.
- ХАЗАНОВ А.М., 1973. О периодизации истории кочевников евразийских степей. В кн.: Проблемы этнографии Востока. М.

- ХАЗАНОВ А.М., 1975. Социальная история скифов. (Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей). М.
- ХАЗАНОВ А.М., 1975. Некоторые проблемы экологии номадизма. В кн.: Карта, сехма и число в этнической географии. М.
- ХАЗАНОВ А.М., 1975. Золото скифов. М.
- ХАЙДУ ПЕТЕР, 1953. К этногенезу венгерского народа. - "Акта Лингвистика", т.2. Будапешт.
- ХАЛИКОВ А.А., 1967. У истоков финно-угорских народов. В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.
- ХАЛИКОВ А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
- ХАЛИКОВ А.Х., 1970. Древние этапы развития финно-угорской этнической общности. Тезисы III Международного конгресса финно-угроведов. Таллин.
- ХАЛИКОВ А.Х., 1970. Этническая принадлежность племен ананьинской общности. - "Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола.
- ХАЛИКОВ А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (УШ - УІ вв. до н.э.). М.
- ХАЛИКОВА Е.А., 1972. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- ХАЛИКОВА Е.А., 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. - "Советская археология", № 3.
- ХАЛИКОВА Е.А., 1976. Зауральские истоки культуры протовенгров. В сб.: Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией в эпоху железа. Уфа.
- ИТЬ Г.Л., 1974. Дерматоглифика финно-угорских народов. В кн.: Расогенетические процессы в этнической истории. М.
- ЛОБЫСТИН Л.П., 1976. Поселение Липовая Курья. Л.

- ХОМИЧ Л.В., 1976. Проблемы этногенеза и этнической истории
ненцев.
- ХОТИНСКИЙ Н.А., 1977. Голоцен северной Евразии.
- ХОТИНСКИЙ Н.А., 1978. Палеогеографические основы датировки и
периодизации неолита лесной зоны европейской части СССР.
- "Краткие сообщения", № 153.
- ХОТИНСКИЙ Н.А., НЕМКОВА В.К., НИКИФОРОВА Л.Д., СУРОВА Т.Г., 1977.
Главные этапы растительности и климата Урала в голоцене.
В сб.: Тезисы УГ-го Уральского археологического совеща-
ния. М.
- ЦАЛКИН В.Н., 1966. Древнее животноводство племен Восточной Ев-
ропы и Средней Азии. М.
- ЧЕБОКСАРОВ Н.Н., 1954. К вопросу о происхождении народов угро-
финской языковой группы. - "Советская этнография", № 6.
- ЧЕБОКСАРОВ Н.Н., 1964. Проблемы происхождения древних и совре-
менных народов (вступительное слово на симпозиуме). М.
- ЧЕБОКСАРОВ Н.Н., 1967. Проблемы типологии этнических общностей
в трудах советских ученых. - "Советская этнография", № 4.
- ЧЕБОКСАРОВ Н.Н., ЧЕБОКСАРОВА И.А., 1971. Народы, расы, культуры.
М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1939. Фратриальное устройство обско-югорского
общества. - "Советская этнография", № I-II.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1941. Очерк этногенеза обских югров. - "Краткие
сообщения ИИМК", вып. 9.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1951. К вопросу о месте и времени формирования
финно-угорской этнической группы. В кн.: Тезисы докладов
и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные
к совещанию по методологии этногенетических исследова-
ний. М.

- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1953. Бронза усть-полуйского времени. В кн.: Древняя история Нижнего Приобья. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1953. Усть-полуйское время в Приобье. В кн.: Древняя история Нижнего Приобья. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. В кн.: Культура древних племен Приуралья и западной Сибири. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1959. Представление о душе у обских угров. В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1963. Древнейший период истории народов уральской общности. Доклад на III-ем Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште 1960 г.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1964. К вопросу об этническом субстрате в циркум-полярной культуре. УП. МКАиЭН. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1968. К вопросу о сложении уральского неолита. В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1970. Наскальные изображения Урала. Автореферат докторской диссертации. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1972. Наскальное изображение уральского ареала. В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., 1973. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита. В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- ЧЕРНЕЦОВ В.Н., МОШИНСКАЯ В.И., 1954. В поисках древней родины угорских народов. В кн.: По следам древних народов. М.
- ЧЕРНИКОВ С.С., 1955. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. - "Краткие сообщения ИЭ", № 26.
- ЧЕРНИКОВ С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л.

- ЧЕРНИКОВ С.С., 1965. Загадка золотого кургана.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 1969. Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья. - "Краткие сообщения ИЭ", вып. 115.
- ЧЕРНЫХ Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.
- ЧЕСНОВ Я.В., 1970. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов. - "Советская этнография", № 6.
- ЧЕСНОВ Я.В., 1971. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание. - В кн.: Этнография имен. М.
- ШАГИ КАРОИ, 1968. Тенденция уровня воды в Болотоне до 1863 года в отражении исторических и картографических данных. Веспрем.
- ШИЛОВ В.П., 1964. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. - Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып. 6, Л.
- ШНИРЕЛЬМАН В.А., 1973. Экологические аспекты неолитической революции в Передней Азии. В кн.: Актуальные проблемы этнографии. М.
- ШНИРЕЛЬМАН В.А., 1977. Происхождение скотоводства. Автореферат канд. дисс. М.
- ШНИРЕЛЬМАН В.А., 1978. Современные концепции происхождения производящего хозяйства. - "Советская археология", № 3.
- ШНИТНИКОВ А.Р., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. М.
- ШНИТНИКОВ А.Р., 1969. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л.

- ШМИДТ А.В., 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. Уфа.
- ШУШАРИН В.П., 1961. Русско-венгерские отношения в IX в. В кн.: Международные связи России. М.
- ШУШАРИН В.П., 1978. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения восточного Прикарпатья первой половины XIII века. - "История СССР", № 2.
- ЭРДЕИ ИШТВАН, 1959. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX-X в. Автореферат кандидатск. дисс. Л.
- ЭРДЕИ ИШТВАН, 1961. Большая Венгрия. - "Аста Археологика", Будапешт.
- ЭРДЕИ ИШТВАН, 1967. Извлечение из хроники венгерского Анонима. - "Вопросы археологии Урала", вып. 7.
- ЭРДЕИ ИШТВАН, 1970. К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани. В сб.: Тезисы на III Международном конгрессе финно-угроведов. Таллин.
- ЭРДЕИ ИШТВАН, 1971. Теория венгерских ученых о поволжском происхождении древних венгров. - "Археология и этнография Башкирии", IV, Уфа.
- ЯКИМОВ В.В., 1957. Номальные этапы заселения Восточной Прибалтики. В кн.: Балтийский этнографический сборник.
- ЯНИТС Л.Ю., 1956. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.

- AALTO P., 1960. Ein alter Name des Kupfers. In: Ural-Altaische Jahrbücher. 31.
- AIIIO J., 1913. Die Dauer der Steinreithkultur in Norden. In: Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario decata. Stockholm.
- ALMGREN O., 1905. Nagra svensk-finska stenalderproblem. Antikvarist Tidskrift för Sverige.
- ALTAICA., 1977. Proceedings of the 19th annual meeting of the Permanent intern. Helsinki.
- ARISTE P., 1971. Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen. In: Sovjetskoe Finnougrovidenie. N° 7. Tallinn.
- ASPELIN J.R., 1875. Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita. Helsinki.
- AYRÄPÄ A., 1950. Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. In: Acta Archeologica. N° 31.
- BARABÁS J., 1963. Kartografiai módszerek a néprajzban. Budapest.
- BÁLINT Cs., 1975. A szaltovó-majaki kultúra avar és magyar kapcsolatairól. In: Archeologiai Értesítő.
- BÁRCZI G., 1944. Magyar szövejtő szótár. Budapest.
- BÁRCZI G., 1958. A magyar szókincs eredete. Budapest.
- BÁRCZI G., 1963. A magyar nyelv életrajza. Budapest.
- BARTHA A., 1968. A IX-X századi magyar társadalmak. Budapest.
- BARTHA A., 1974. Módszertani megjegyzések az "ÚJABB adatok a finnugor és magyar őstörténathöz" Cikkhez. In: Történelmi Szemle. N° 1-2.
- BARTHA A., 1975. Hungarian Society in the 9th and 10th Centuries. Budapest.

- BARTHA A., 1975. A magyar nép őstörténete a kialakulástól a honfoglalásig. Kézirat. Budapest (Kézirat).
- BIRKET-SMITH K., 1965. The Paths of Culture. Milwaukee.
- BOROS J., RAPCSÁNYI L., 1975. Vendég-ségben öseinknél. Budapest.
- BÖKÖNYI S., 1969. A házasítás kérdései a legújabb kutatások fényében. In: Ethnographia. N° 45.
- BÖKÖNYI S., 1978. "Vadakat terelő" juhász. Budapest.
- BUDENZ J., 1883. Nyelvészeti észrevételek Vámbéry Ármin. "A magyarok eredete" C.Munkájára. Budapest.
- CASTREN M.A., 1853. Nordische Reisen und Forschungen. Helsinki.
- CHARD Ch.S., 1961. Neolithic culture areas of Northern Asia. Bericht über dem v.Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Hamburg.
- CZEGLÉDY K., 1969. Nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig. Budapest.
- CSÁNKI D., 1907. Árpád és Árpádok. Budapest.
- DEÉR J., 1938. Pogány magyarság-keresztény magyarság. Budapest.
- DIENES I., 1963. Honfoglalóink halottas szokásainak egyik ugorkori eleméről. In: Archeológiai Értesítő". N° 90.
- DIENES I., 1972. A honfoglaló magyarok. Budapest.
- DIENES I., 1972. Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest.
- DIÓSZEGI V., 1947. Urali halnevek mandzsu-tunguz kapcsolatai. In: "Magyar Nyelv". N° 43.
- DOMANOVSKY S., 1906. Kézai Simon mester Krónikája. Budapest.
- DUIKHEIM E., MAUSS M., 1901. De quelques formes primitives de classification. In: L'Année sociologique", 1901/1902,

- ECSEDY I., 1969. Nomád gazdaság, nomád társadalom. In: Magyar Filozófiai Szemle. Budapest.
- ERDÉLYI I., 1976. Zur Frage der Lokalisation der Wohnorte des Urungarntums. In: Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie. Wissenschaften.
- ERDÉLYI I., 1977. Az ősmagyarság régészeti emlékei Kelet-Európában. In: Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest.
- FODOR I., 1973. Az újabb szovjetföldi régészeti kutatások és a magyar őstörténet. In: Szabolcs-Szatmári. Szemle.
- FODOR I., 1973. Honfoglalás kori régészetünk néhány őstörténeti vonatkozásáról. In: Folia Archeologica. N° XXIV.
- FODOR I., 1975. Cserépürtjeink származása. In: Archeologiai Értesítő. N° 2.
- FODOR I., 1973. Vázlatok a finnugor őstörténet régészetéből. Budapest.
- FODOR I., 1975. Verecke hires útján. Budapest.
- FODOR I., 1977. Bolgár-török jövevény szavaink és a régészet. In: Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest.
- FODOR I., 1977. Abstammung der Ungarn und Landnahme. In: Die Obere Wart.
- FODOR I., 1978. Où le dominicain Julien de Hongrie retrouva-t-il les Hongrois de l'Est? In: Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest.
- GÁBORJÁN A., 1962. A magyar módra való bőrkészítés problematikája. In: Néprajzi Értesítő.

- GOMBÓCZ Z., 1908. Honfoglalás előtti török jövevény szavaink. Budapest.
- GOMBOCZ Z., 1912. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki.
- GUNDA B., 1943. A néprajz és a magyar őstörténet. In: A magyarság őstörténete. Budapest.
- GYÖRFFY Gy., 1958. A magyar nemzetségtől a vármegyéig, a törzstől az orszáig. In: Századok.
- GYÖRFFY Gy., 1948. Krónikáink és a magyar őstörténet. Budapest.
- GYÖRFFY Gy., 1958. Amagyarok elődeiről és a honfoglalásról. Budapest.
- GYÖRFFY Gy., 1970. A honfoglaló magyarok települési rendjéről. In: Archeológiai Értesítő.
- GYÖRFFY Gy., 1973. A honfoglalóból újabb történeti kutatások tükrében. Valóság. N° 7.
- HAJDÚ P., 1953. A magyarság kialakulásának előzményei. Budapest.
- HAJDÚ P., 1962. Finnugor népek és nyelvek. Budapest.
- HAJDÚ P., 1964. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. Acta Linguistica.
- HAJDÚ P., 1965. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest.
- HAJDÚ P., 1969. Finnougrische Urheimatforschung. In: Ural-Altaische Jahrbücher 41.
- HAJDÚ P., 1975. Finno-ugrian Languages and Peoples. London.
- HAJDÚ P., 1972. The Origins of Hungarian. In: Hungarian Language. Budapest.
- HAJDÚ P., (Red.), 1975. Uráli népek. Budapest.
- HAJDÚ P. (Red.), 1976. Ancient Cultures of the Uralien Peoples. Budapest.
- HAJDÚ P., Domokos P., 1978. Uráli nyelvrokanaink. Budapest.

- HALIKOVA J.A., 1973. Volgai Bulgária és a X. századi Magyarország népessége etnikai rokonságának kérdéséhez. In: Hajdúsági Múzeum Évkönyve.
- HALIKOVA E.A., 1973. Composant ethnique commun dans les populations de la Bulgarie de la Volga et de la Hongrie du Xe siècle. In: Les questions fondamentales du peuplement du Bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècles. Budapest.
- HALIKOVA E.A., 1976. Ősmagyar temető a Káma mentén. Magna Hungaria kérdéséhez. In: Archeologiai Értesítő.
- HÄMÄLÄINEN A., 1935. Beiträge zur Geschichte der Bienenzucht bei den finnisch-ugrischen Völker. JSFOu, N° 47.
- HARMATTA J., 1954. Egy finn-ugor nép az antik irodalmi hagyományokban. In: MTA. Nyelv és Irodalomtudományi Osztályának közleményei.
- HARMATTA J., 1967. Régészet, nyelvtudomány és őstörténet. In: Archeologiai Értesítő, N° 1.
- HARMATTA J., 1977. Irániak és finnugorok, irániak és magyarok. In: Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest.
- HOCKART A.M., 1933. Winnebago Dichotomy. In: Man. N° 33.
- HOFFMANN T., 1969. Régi dicsőségünk. In: Valóság. N° 1.
- HOFFMANN T., 1970. Vor- und Frühgeschichte der ungarischen Landwirtschaft. In: Agrártörténeti Szemle.
- HOFFMANN T., 1975. A magyar etnikum. In: Néprajz és feudalizmus. Budapest.
- HOPPÁL M., 1975. Az uráli népek hiedelemvilága és sámánizmusa. In: Urali népek. Budapest.
- ITKONEN E., 1960. Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten. In: Ural-Altäische Jahrbücher. XXXII/1-2.

- ITKONEN E., 1969. Zur Geographischen Ausdehnung der Finnisch-ugrischen Urheimat. In: Ural-Altäische Jahrbücher.
- INDREKO R., 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm.
- IVANOV V.V., 1979. Valogatott művek. Red: Hoppál M. Kézirat. Budapest.
- JETTMAR K., 1956. Zur Wanderungsgeschichte der Iranier. In: "Wiener Schule der Völkerkunde". Horn-Wien.
- JOKI A.J., 1973. Uralier und Indogermanen. Helsinki.
- JOKI A.J., 1975. Affinität und Interferenz in den Sprachen des nordeurasischen Areals. In: Congressus Quartus Internationales Fenno-Ugristarum. Budapest.
- KÁLMÁN B., 1967. A nevek világa. Budapest.
- KANNISTO A., 1958. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Helsinki.
- KARJALAINEN K.F. 1921. Die Religion der Jugra-Völker. I. Porvoo-Helsinki.
- KISZELY I., 1969. Sirok, csontok, emberek. Budapest.
- KNEIZSA I., 1955. A magyar nyelv szláv jövevény szavai. Budapest.
- KISPÂ I.M., 1952. Török-magyar érintkezés. In: Nyelotudományi Közlemények. N° 53.
- KODOLÁNYI J. (Red.), 1973. A finnugor őshaza nyomában. Budapest.
- KOMOROCZY G., 1976. Sumerés magyar. Budapest.
- KORENCHY É., 1972. Iranische Lehnwörten in den obugrischen Sprachen. Budapest.
- KÜHALMI K., 1972. A szteppék nomádja lóháton, fegyverben. Budapest.

- KÖPPEN F.Th., 1890. Ein neuer tiergeographischer Beitrag zur Frage über die Urheimat der Indoeuropäer und Ugrofinnen. In: Das Ausland. N° 51.
- KUUSI A.L., 1975. A finn mitdogia. In: Uráli népek. Budapest.
- LÁSZLÓ Gy., 1944. A honfoglaló magyar nép élete. Budapest.
- LÁSZLÓ Gy., 1961. Őstörténetünk legkorábbi szakaszai. Budapest.
- LÁSZLÓ Gy., 1970. A kettős honfoglalásról. In: Archeologiai Értesítő. N° 97.
- LÁSZLÓ Gy., 1973. A honfoglalókról. Budapest.
- LÁSZLÓ Gy., 1974. Vértesszőlőtől Pusztaszerig. Budapest.
- LÁSZLÓ Gy., 1978. A "kettős honfoglalás". Budapest.
- LINNUS F., 1940. Eesti vanem mesindus. Tartu.
- LIPTÁK P., 1970. A magyarság etnogenezisének paleo-antropológiája. Doktori értekezések tézisei. In: Anthropologiai Közlemények. 1970. N° 1-2. Budapest.
- LIPTÁK P., 1977. A magyar őstörténet kérdései az antropológiai kutatások alapján. In: Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest.
- LIGETI L., 1943. Red. A magyarság őstörténete. Budapest.
- LIGETI L., 1961. Gyarmat és Jenő. In: Tanulmányok a magyar nyelv életrajza köréből. Budapest.
- LIGETI L., 1977. A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttükvan. Budapest.
- LOTZ J., 1956. Etymological Connections of Magyar "Hungarian". In: For Roman Jakobson. Essays on the occasion of his sixtieth birthday. The Hague.
- LUHO V., 1968. Die kammkeramische Kultur und die finnougri-sche Frage "Congressus secundus internationalis fennougristarum". Helsinki.

- LUHO V., 1975. Finnország betelepülése és őstörténete a régészeti kutatások tükrében. In: Uráli népek. Budapest.
- MANDOKI KANGUR I., 1976. Magyar eredetű törzsnevek a baski-roknál. Tiszatáj, 30.
- MACARTNEY C.A., 1930. The Magyars in the ninth Century. Cambridge.
- MARQUART J., 1903. Ostasiatische und Osteneuropäisches Streifzüge. Leipzig.
- MEINANDER C.F., 1973. The problem of the Finno-Ugrian peoples origin on the base of archaeological data. In: Studies in the anthropology of the Finno-Ugrian peoples. Helsinki.
- MOOR E., 1951. Studien zur Früh- und Urgeschichte der ungarischen Volkes. In: Acta Ethnographica. N° II.
- MOOR E., 1963. A nyelvtudomány mint az ősiség néptörténet forrástudománya. Budapest.
- MORAVCSIK Gy., 1950. Biborban született Konstantin. In: A birodalom kormányzása. Budapest.
- MOSINSZKAJA V.I., 1978. A dalékek az obi-ugorok Iovas életmódjához. (Kézirat).
- MUNKÁCSI B., 1892-1905. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest.
- MUNKÁCSI B., 1905. A magyar őshaza kérdése. Ethnographia.
- MUNKÁCSI B., 1931. A magyar lovasélet ősisége. Ethnographia. N° 42.
- MUNKÁCSI B., KÁLMÁN B., 1952. Manysi (Vogul) Népköltési Gyűjtemény. Budapest.
- NAGY G., 1907. A honfoglalók. In: Ethnographia.
- NAGY G., 1908. A honfoglalók és turkok. In: Ethnographia. Budapest.

- NÉMETH Gy., 1930. A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest.
- NÉMETH Gy., 1966. Magyar törzsnevek a baskiroknál. In: Nyelv-tudományi Közlemények. N° 68.
- MESTERHÁZY K., 1976. Nemzetségi szervezet és az osztályviszonyok kialakulása. Kandidátusi dissertáció tézisei. Budapest.
- MNYTES₂, 1972. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. 2k. Budapest.
- MOLNÁR E., 1953. A magyar nép őstörténete. Budapest.
- MOLNÁR E., 1954. A magyar őstörténetről.
- MS₂FO, 1971. A magyar szókészlet finnugor elemei. Budapest.
- PAASONEN H., 1923. Beiträge zur Aufhellung der Frage nach der Urheimat der finnisch-ugrischen Völker. In: Turun Suomalaisen Yliopiston Julkaisnja.
- PAULER Gy., 1900. A magyar nemzet története Szent Istvánig.
- PAULER Gy., SZILÁGYI S., 1900. A magyar honfoglalás kútfoi. Budapest.
- PERÉNYI J., 1956. A magyarok és a keleti szlávok kapcsolatai a honfoglalás előtt. In: Magyar-orsz történelmi kapcsolatok. Budapest.
- POPPE N., 1960. On some Altaic Incanword in Hungarian UAS I.
- PUSZTAY J., 1977. Az "ugor-török háború" után. Budapest.
- RAUN A., 1958. Glottochronologie. In: Ural-Altaische Jahrbücher. N° 28.
- RÓHEIM G., 1954. Hungarian and Vogul Mythology. New York.
- ROMBANDÉLIVA J.I., 1967. Néhány vogul helynév etimológiája. In: Magyar Nyelvjárások. Debrecen.
- RÓNA-TAS A., 1962. Nomádok nycmában. Budapest.

- RÓNA-TAS A., 1977. A magyar-bolgár-török érintkezés színhelye.
In: Magyar östörténeti tanulmányok. Budapest.
- RUDENKO S.I., 1969. Studien über das Nomadentum. In: Viehwirtschaft und Hirten kultur. Budapest.
- SÁGI K., 1973. Újabb adatok a Balaton 1863 előtti vizállásához.
In: Somogyi Múzeumak Közleményei. Kaposvár.
- SEBESTYÉN I., 1943. Fák és fás helyek régi nevei az uráli nyelvekben. Budapest.
- SEBESTÉNY Gy., 1904. A magyar honfoglalás mondái. Budapest.
- SEBESTYÉN Gy., 1915. A magyar rovásírás hiteles emlékei. Budapest.
- SEREI C., 1970. The Linguistic Prehistory of Peoples Belonging to the Uralic Family of Languages. In: VIIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo.
- SETÄLÄ E.N., 1926. Suomensukuisten kansojen esihistoria. In: Suomen suku. I. Helsinki.
- SINOR D., 1958. The Outlines of Hungarian Prehistory. In: Journal of World History. IV.
- SINOR D., 1969. Geschichtliche Hypotesen und Sprachwissenschaft in der ungarischen finnisch-ugrischen und uralischen Urgeschichtsforschungen. In: Ural-Altaische Jahrbücher, 41.
- SINOR D., 1975. Történelmi hipotézisek és a nyelvtudomány. In: A vizimadarak népe. Budapest.
- SKÖLD H., 1925. Die ossetischen Lehnwörter in Ungarischen. Lund U.A. Band 4. Lund.
- SOKOLOVA S.P., 1975. Untersuchung der religiösen Vorstellungen der Hati am Unterlauf des Ob. In: Acta Ethnographica. t. 24. Budapest.

- SOKOLOWA S.P., 1977. Zur Frage der Entstehung der ethnographischen und territorialen gruppen der Obugrier. In: Acta Ethnographica. t. 26. Budapest.
- STEINITZ W., 1938. Totemismus bei den Ostjaken. In: Ethnos. Stockholm.
- SZABÓ I., 1966. A falurendszer kialakulása Magyarországon. Budapest.
- SZOLNOKY L., 1972. Alakuló munkaeszközök. Budapest.
- SZINYEI J., 1910. A magyarság eredete, nyelve és honfoglalás-kori műveltsége.
- SZTRABON 1975. Geographia, Budapest.
- TARR L., 1978. A kocsi története. Budapest.
- TCHERNETZOV V.N., 1974. Bärenfest bei den Ob-Ugrien. Acta Ethnographica. N° 23.
- TOIVONEN Y.H., 1930. Mies-magyar. Eripainos Suomi. t. V. Helsinki.
- TOIVONEN Y.H., 1956. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. In: FUF, N° 22.
- TOIVONEN Y.H., 1952. Zur Frage der finnisch-ugrischen. Urheimat. In: JSFOu. N° 56.
- TALLGREN A.M., 1914. A kelet oroszországi bronzkorszakról. In: "Archeological Arealto", N° 34.
- TALLGREN A.M., 1925. Finno-Ugrier, Archäologie. In: Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. III. Berlin.
- TÓTH T., 1969. Az ősmagyarok genezisének szarmatakorai etapjáról. In: MTA Filozófiai és történettudományi osztályának közleményei. N° 18.
- VÁCZY P., 1975. Die Urheimat der Ungarn Laut Historischer Quellen. In: Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Summeries. Budapest.

- VAJAY Sz., 1968. Der Eintritt des ungarischen Stämmebundes in die europäische Geschichte. /862-933/. Mainz-münchen.
- VAJNSHTEJN S.I., 1978. The problem of Origin and Formation of the economic-cultural type of pastoral nomads in the moderate belt of Eurasia. In: The Nomadic alternative. Paris.
- VÁMBÉRY A., 1882. A magyarok eredete. Budapest.
- VÁMBÉRY A., 1895. A magyarság keletkezése és gyarapodása. Budapest.
- VÁMBÉRY A., 1914. A magyarság bölösőjénél. Budapest.
- VÁSÁRY I., 1977. A Volga-vidéki magyar töredékek a mongol kor után. In: Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest.
- VERES P., 1971. Újabb adatok a finnugor és magyar őstörténethez. In: Néprajzi Értesítő.
- VERES P., 1972. A magyar nép etnikai történetének vázlata. In: Valóság, N° 5.
- VERES P., 1973. Le role de facteurs écologiques et économiques dans la conquête du bassin des Carpathes par les Hongrois en 896. In: Les questions fondamentales du peuplement du Bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle. Conference Internationale 1971 à Szeged. Budapest.
- VERES P., 1972. An Outline of the Ethnic History of the Hungarian People. In: Néprajzi Értesítő, LIV. Budapest.
- VERES P., 1975. Jobb - bal: férfi - nő. In: Jel és közösség. Budapest.
- VERES P., 1975. Finnugrisztika és őstörténet. In: Bán Aladár emlékezete c. tanulmány-gyűjtemény. Varpalota.

- VERES P., 1975. Gazdasági specializáció és a termelőerők fejlődése az őstörténet folyamán. In: Néprajzi Értesítő.
- VERES P., 1978. Les antécédents de la conquete du pays par les Hongrois. In: Les anciens hongrois et les ethnies voisines à l'est. Budapest, 1978, 283-308.
- VERES P., 1977. Duális osztályozó rendszerek. In: Ethnographia,
- VERES P., 1978. Az obi-ugorok önelnevezésének mitikus háttere. In: Mitosz és történelem. Budapest.
- VERES P., 1979. The ethnonyms of the Ob-Ugrians. In: Myth and history. Budapest.
- ZICY I., 1939. Magyarság őstörténete. Budapest.
- ZSIRAI M., 1930. Jugria. Budapest.
- ZSIRAI M., 1937. Finnugor rokonságunk. Budapest.
- ZSIRAI M., 1954. Recenzió V.N. Csernyecov "Az obi-ugorok frátriális rendszere c. munkájáról. In: Nyelvtudományi Közlemények.

